

Р.Б. СҮЛЕЙМЕНОВ АТЫНДАҒЫ ШЫҒЫСТАНУ ИНСТИТУТЫ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ ИМЕНИ Р.Б. СҮЛЕЙМЕНОВА
R.B. SULEIMENOV INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES

ҚАЗАҚСТАН ШЫҒЫСТАНУЫ

№ 1, ТОМ 5, 2023

Р.Б. СҮЛЕЙМЕНОВ АТЫНДАҒЫ ШЫҒЫСТАНУ ИНСТИТУТЫ

ҚАЗАҚСТАН
ШЫҒЫСТАНУЫ
ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛ
№ 1, ТОМ 5, 2023

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ ИМЕНИ Р.Б. СУЛЕЙМЕНОВА

**КАЗАХСТАНСКОЕ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ**
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
№ 1, ТОМ 5, 2023

R.B. SULEIMENOV INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES

**KAZAKHSTAN ORIENTAL
STUDIES**

SCIENTIFIC JOURNAL

№ 1, VOL 5, 2023

2023

Ғылыми журнал
Журнал 2022 жылдан
бері шығады

Құрылтайшы және
баспагер:

Р.Б. Сүлейменов
атындағы Шығыстану
институты

Редакция мен
баспагер мекен
жайы:

Заңды мекен жайы:
Қазақстан, Алматы қ.,
Шевченко к-сі 28,
050010

Нақты мекен жайы:
Қазақстан, Алматы қ.,
Құрманғазы к-сі 29,
050010

Журнал Қазақстан
Республикасы
Ақпарат және
қоғамдық даму
министрлігінде 2021
жылдың 16
тамызында
тіркелген, куәлік
№KZ54VPY00039118

«ҚАЗАҚСТАН ШЫҒЫСТАНУЫ»
№ 1, ТОМ 5, 2023

Бас редактор:

Мәсімханұлы Дүкен, филология
ғылымдарының докторы, профессор, Р.Б. Сүлейменов
атындағы Шығыстану институтының бас директоры
(Алматы, Қазақстан)

Ғылыми редактор:

Байдаров Еркін Ұланұлы, философия
ғылымдарының кандидаты, доцент, Р.Б. Сүлейменов
атындағы Шығыстану институтының жетекші ғылыми
қызметкері, (Алматы, Қазақстан)

Жауапты редактор:

Белгожа Ернұр Қуатұлы, тарих
ғылымдарының кандидаты, Р.Б. Сүлейменов атындағы
Шығыстану институтының ғалым-хатшысы (Алматы,
Қазақстан)

Научный журнал

**Журнал издается с
2022 года**

**Учредитель и
издатель:**

Институт
востоковедения
имени Р.Б.
Сулейменова

**Адрес редакции и
учредителя:**

Юридический адрес:
Казахстан г.
Алматы, ул.
Шевченко 28,
050010

Фактический адрес:
Казахстан, г.
Алматы, ул.
Курмангазы 29,
050010

**Журнал
зарегистрирован в
Министерстве
информации и
общественного
развития
Республики
Казахстан от 16
августа 2021 года,**

**«КАЗАХСТАНСКОЕ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»
№ 1, ТОМ 5, 2023**

Главный редактор:

Масимханулы Дукен, доктор
филологических наук, генеральный директор
Института востоковедения имени Р.Б. Сулейменова
(Алматы, Казахстан)

Научный редактор:

Байдаров Еркин Уланович, кандидат
философских наук, доцент, ведущий научный
сотрудник Института востоковедения имени Р.Б.
Сулейменова (Алматы, Казахстан)

Ответственный редактор:

Белгожа Ернур Куатулы, кандидат
исторических наук, ученый-секретарь Института
востоковедения имени Р.Б. Сулейменова (Алматы,
Казахстан)

Scientific journal

**The journal has
been published since
2022**

**Founder and
publisher:**

R.B. Suleimenov
Institute of Oriental
Studies

**Editorial office and
founder address:**

Legal address:
Kazakhstan Almaty,
st. Shevchenko 28,
050010

Actual address:
Kazakhstan, Almaty,
st. Kurmangazy 29,
050010

**The journal was
registered with the
Ministry of
Information and
Public Development
of the Republic of
Kazakhstan on
August 16, 2021,
certificate no.
KZ54VPY00039118**

**«KAZAKHSTAN ORIENTAL STUDIES»
№ 1, VOL 5, 2023**

Chief Editor:

Duken Masimkhanuly, Doctor of Philology, General
Director of the R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies
(Almaty, Kazakhstan)

Scientific editor:

Yerkin Baidarov, Candidate of Philosophical
Sciences, Associate Professor, Leading Researcher at the R.B.
Suleimenov Institute of Oriental Studies (Almaty, Kazakhstan)

Responsible editor:

Yernur Belgozha, Candidate of Historical Sciences,
Scientific Secretary of the R.B. Suleimenov Institute of
Oriental Studies (Almaty, Kazakhstan)

Редакциялық алқа:

Бас редактор:

Мәсімханұлы Дүкен, Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институтының бас директоры, филология ғылымдарының докторы, профессор (Алматы, Қазақстан)

Ғылыми редактор:

Байдаров Еркін Ұланұлы, Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институтының жетекші ғылыми қызметкері, философия ғылымдарының кандидаты, доцент (Алматы, Қазақстан)

Жауапты редактор:

Белғожа Ернұр Қуатұлы, Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институтының ғалым хатшысы, тарих ғылымдарының кандидаты (Алматы Қазақстан)

Техникалық редактор:

Тұрлығожаева Алтынгүл Дүйсенқызы, Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институтының қоғаммен байланыс жөніндегі маманы (Алматы, Қазақстан)

Редакция алқасының мүшелері:

Әбусейітова Меруерт Қуатқызы, Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты Республикалық тарихи материалдарды зерттеу ақпараттық орталығының директоры, ҚР ҰҒА корреспондент-мүшесі, тарих ғылымдарының докторы, профессор (Алматы, Қазақстан)

Каримова Рисалат-Биби Усмановна, Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институтының Ұйғыртану орталығының жетекшісі, тарих ғылымдарының докторы, доцент (Алматы, Қазақстан)

Ким Герман Николаевич, әл-Фараби атындағы ҚазҰУ Азия зерттеулер институтының директоры, тарих ғылымдарының докторы, профессор (Алматы, Қазақстан)

Мұқаметханұлы Нәбижан, әл-Фараби атындағы ҚазҰУ Қазіргі заманғы Қытайды зерттеу орталығының директоры, тарих ғылымдарының докторы, профессор (Алматы, Қазақстан)

Кожирова Светлана Басиевна, Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институтының бас ғылыми қызметкері, «Астана» халықаралық ғылыми кешенінің Қытай және Азия зерттеулер орталығының жетекшісі, саяси ғылымдарының докторы, профессор (Алматы, Қазақстан)

Дүйсен Ғалымжан Мұстахимұлы, Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты бас директорының ғылым жөніндегі орынбасары, экономика ғылымдарының докторы, доцент (Алматы, Қазақстан)

Томохико Уяма, Хоккайдо университетінің Славян зерттеулер орталығының профессоры, PhD (Саппоро, Жапония)

Чэн Ян, Шанхай жаһандық басқару және аймақтық зерттеулер академиясының атқарушы президенті, Шанхай халықаралық зерттеулер университетінің профессоры, PhD (Шанхай, Қытай)

Ли Джу-Юн, Торонто университетінің профессоры, PhD (Торонто, Канада)

Зия-Ул-Хак Мухамед, Исламабад халықаралық ислам университетінің Исламтану институтының бас директоры, профессор (Исламабад, Пәкістан)

Атабаки Тоурадж, Нидерланды Корольдігі Өнер және ғылым академиясының Халықаралық әлеуметтік тарих институтының профессоры, PhD, (Амстердам, Нидерланды)

Батырхан Болатбек Шәденұлы, Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институтының жетекші ғылыми қызметкері, PhD (Алматы, Қазақстан)

Николаева Камила Сергеевна, Ташкент мемлекеттік шығыстану университеті, Қытай тарихы, мәдениет, саясат және экономика кафедрасының меңгерушісі, саясаттану ғылымдарының кандидаты (Ташкент, Өзбекстан)

Масабаев Қанат Ізімұлы, Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты бас директорының стратегиялық даму және халықаралық байланыстар жөніндегі орынбасары (Алматы, Қазақстан)

Әмірбекова Сағыныш Көпеновна, Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институтының докторантура мен магистратура бойынша ғалым хатшы (Алматы, Қазақстан)

Редакционная коллегия:

Главный редактор:

Масимханулы Дукен, Генеральный директор Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, доктор филологических наук, профессор (Алматы, Казахстан)

Научный редактор:

Байдаров Еркин Уланович, ведущий научный сотрудник Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, кандидат философских наук, доцент (Алматы, Казахстан)

Ответственный редактор:

Белгожа Ернур Куатулы, ученый секретарь Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, кандидат исторических наук (Алматы, Казахстан)

Технический редактор:

Турлыгожаева Алтынгуль Дуйсеновна, специалист по связям с общественностью Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова (Алматы, Казахстан)

Члены редколлегии:

Абусейтова Меруерт Хуатовна, директор Республиканского информационного центра по изучению исторических материалов при Институте востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент НАН РК (Алматы, Казахстан)

Каримова Рисалат-Биби Усмановна, руководитель Центра уйгуроведения Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, доктор исторических наук, доцент (Алматы, Казахстан)

Ким Герман Николаевич, директор Института азиатских исследований КазНУ им. Аль-Фараби, доктор исторических наук, профессор (Алматы, Казахстан)

Набижан Мукаматханулы, директор Центра исследований современного Китая КазНУ им. Аль-Фараби, доктор исторических наук, профессор (Алматы, Казахстан)

Кожирова Светлана Басиевна, главный научный сотрудник Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, руководитель Центра Китайских и Азиатских исследований Международного научного комплекса Астана, доктор политических наук, профессор (Алматы, Казахстан)

Дуйсен Галымжан Мустахимулы, заместитель генерального директора по науке Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, доктор экономических наук, доцент (Алматы, Казахстан)

Томохико Уяма, профессор Центра славянских исследований при Университете Хоккайдо, PhD (Саппоро, Япония)

Чэн Ян, PhD, профессор, Исполнительный президент Шанхайской академии глобального управления и региональных исследований Шанхайского университета международных исследований (Шанхай, Китай)

Ли Джу-Юн, PhD, профессор Университета Торонто (Торонто, Канада)

Зия-Ул-Хак Мухамед, Генеральный директор Института исламских исследований Международного исламского университета, профессор (Исламабад, Пакистан)

Атабаки Тоурадж, PhD, профессор Международного института социальной истории Королевской академии искусств и наук Нидерландов (Амстердам, Нидерланды)

Батырхан Болатбек Шәденұлы, ведущий научный сотрудник Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, PhD (Алматы, Қазақстан)

Николаева Камила Сергеевна, Ташкентский государственный университет востоковедения, заведующая кафедрой Истории, культуры, политики и экономики Китая, кандидат политических наук (Ташкент, Узбекистан)

Масабаев Канат Изимович, заместитель генерального директора по стратегическому развитию и международным связям Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова (Алматы, Казахстан)

Амирбекова Сағыныш Копеновна, ученый секретарь по докторантуре и магистратуре Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова (Алматы, Казахстан)

Editorial Board:

Editor-in-Chief:

Masimkhanuly Duken, General Director of R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Doctor of Philology, Professor (Almaty, Kazakhstan)

Science Editor:

Baidarov Yerkin, Leading Researcher of R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor (Almaty, Kazakhstan)

Responsible editor:

Belgozha Yernur, Scientific Secretary of the R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Candidate of Historical Sciences (Almaty, Kazakhstan)

Technical editor:

Turlygozhayeva Altyngul, Public Relations Specialist at the R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies (Almaty, Kazakhstan)

Members of the Editorial Board:

Abuseitova Meruert, Director of the Republican Information Center for the Study of Historical Materials of the R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan)

Karimova Risalat-Bibi, Head of the Uighur Studies Center of the R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Almaty, Kazakhstan)

Kim German, Director of the Institute of Asian Studies of the Al-Farabi Kazakh National University, Doctor of Historical Sciences, Professor (Almaty, Kazakhstan)

Nabizhan Mukhametkhanuly, Director of the Center for Studies of Modern China of Al-Farabi Kazakh National University, Doctor of Historical Sciences, Professor (Almaty, Kazakhstan)

Kozhirova Svetlana, Chief researcher of the Institute of the R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Head of the Center for Chinese and Asian Studies of the International Scientific Complex Astana, Doctor of Political Sciences, Professor (Almaty, Kazakhstan)

Duisen Galymzhan, Deputy Director General for Science of the R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Doctor of Economics, Associate Professor (Almaty, Kazakhstan)

Tomohiko Uyama, Professor of the Slavic-Eurasian Research Center at Hokkaido University, PhD (Sapporo, Japan)

Cheng Yang, Executive President в Shanghai Academy of Global Governance and Area Studies, Shanghai International Studies University, PhD, Professor (Shanghai, China)

Lee Joo-Yup, Professor of the University of Toronto, PhD (Toronto, Canada)

Zia-Ul-Haq Mohammed, General Director of the Institute of Islamic Studies of the International Islamic University, Professor (Islamabad, Pakistan)

Atabaki Touraj, Professor at the International Institute for Social History of the Royal Academy of Arts and Sciences of the Netherlands, PhD (Amsterdam, the Netherlands)

Batyrkhan Bolatbek, Leading researcher of the R. B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, PhD, (Almaty, Kazakhstan)

Nikolaeva Kamilla, Head of the Department of Chinese History, Culture, Politics and Economics of the Tashkent State University of Oriental Studies, Candidate of Political Sciences (Tashkent, Uzbekistan)

Masabaev Kanat, Deputy Director for Strategic Development and International Relations of the R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies (Almaty, Kazakhstan)

Amirbekova Sagynysh, Academic Secretary for Master's and Doctoral Studies, R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, (Almaty, Kazakhstan)

МАЗМҰНЫ

<i>Алғысөз</i>	16
Шығыс елдерінің тарихы мен мәдениеті	
Сыздықов С.М. Ұлы дала елі тәуелсіздік идеяларының тарихи сабақтастығы.....	21
Мәсімханұлы Д. Шығыстану ғылымының мәні және маңызы.....	32
Кайхэ Айсин Джиоро Цин дәуірі тарихындағы манчжу әлеуметтік-мәдени тарихының зерттелуі, оның құрылымы.....	42
Кожирова С.Б. Шыңжаң: этностар мен тілдер.....	50
Шығыс елдері қарым-қатынастары	
Жәлилов З.Ғ. Қазақстан – мұсылман әлемінің елдері: ынтымақтастық және қауіпсіздік мәселелері туралы.....	62
Нұрланова Н.Қ. Халықаралық ынтымақтастық өңірлік даму факторы ретінде (Қазақстан мен Қытайдың шекаралас аумақтарының өзара іс-қимылы мысалында).....	73
Шаймарданова Н.Ж. XXI ғасырдағы Жапония сыртқы саясатының трансформациясы –әлемдік және аймақтық қатынастардың құрылымындағы өзгерістерге жауап.....	83
Шығыс филологиясы	
Юсупов Р.Қ. Тәуелсіз Қазақстандағы ұйғыр әдебиеті: өткені мен бүгіні.....	95

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	16
<i>История и культура Восточных стран</i>	
Сыздыков С.М. <i>Историческая преемственность идей независимости страны Великой степи</i>	21
Масимханулы Д. <i>Сущность и значение востоковедения</i>	32
Кайхэ Айсин Джиоро <i>Исследование маньчжэй социальной и культурной истории в истории эпохи цин и ее структуры</i>	42
Кожирова С.Б. <i>Синьцзян: этносы и языки</i>	50
<i>Страны Востока в международных отношениях</i>	
Джалилов З.Г. <i>Казахстан – страны мусульманского мира: к вопросам о сотрудничестве и безопасности</i>	62
Нурланова Н.К. <i>Международное сотрудничество как фактор регионального развития (на примере взаимодействия приграничных территорий Казахстана и Китая)</i>	73
Шаймарданова Н.Ж. <i>Японии в XXI веке - ответ на изменения архитектуры мировых и региональных отношений</i>	83
<i>Восточная филология</i>	
Юсупов Р.К. <i>Уйгурская литература в независимом Казахстане: прошлое и настоящее</i>	95

CONTENT

<i>Foreword</i>	16
<i>History and culture of the Eastern countries</i>	
<i>Syzdykov S.M.</i> <i>Historical significance of the country's independence in the Great steppe</i>	21
<i>Masimkhanuly D.</i> <i>The essence and significance of oriental studies</i>	32
<i>Kaihe Aisingioro</i> <i>The research on manchu social and cultural history in the history of the qing era, and its structure</i>	42
<i>Kozhirova S.B.</i> <i>Xinjiang: ethnic groups and languages</i>	50
<i>The countries of the East in international relations</i>	
<i>Zhalilov Z.G.</i> <i>Kazakhstan – countries of the muslim world: on issues about cooperation and security</i>	62
<i>Nurlanova N.K.</i> <i>International cooperation as a factor of regional development (on the example of interaction between the border territories of Kazakhstan and China)</i>	73
<i>Shaimardanova N.Zh.</i> <i>Transformation of Japanese foreign policy in the XXI century –Response to the changes in the architecture of global and regional relations</i>	83
<i>Oriental Philology</i>	
<i>Yusupov R.K.</i> <i>Uygur literature in independent Kazakhstan: past and present</i>	95

АЛҒЫСӨЗ

Шығыстану (ориенталистика) – Азия және Солтүстік Африка елдерінің тарихын, экономикасын, тілдерін, этнографиясын, мәдениетін, дінін, философиясын, материалдық және рухани мәдениеттерінің ескерткіштерін кешенді түрде зерттейтін ғылым. Бұл оның негізгі анықтамасы. Дәл осы ғылымды атау үшін «ориенталистика» термині қолданылады, яғни шығыстану ғылымының екінші атауы бар, ол – ориенталистика.

Шығыстану ғылымы өз ішінде мынадай аймақтық салаларға бөлінеді: египтология, семитология, ассириология, арабистика, шумерология, урартология, кумранистика, малаистика, ирантану, түркітану, синология (қытайтану), моңғолтану, үндітану, жапонтану және т.б.

Шығыстану ғылымына Азия мен Солтүстік Африка елдерін іштей салаларға және аймақтарға бөліп қарастыру үрдісі тән. Ол үрдіс бойынша Шығыс елдерінің тарихын, экономикасын, әдебиетін және тілін зерттеуге мамандану, мысалы: шығыстанушы-тарихшы, шығыстанушы-лингвист т.б. Сонымен бірге, Азия мен Солтүстік Африка елдерінің дінін, философиясын, мәдениетін жеке салаларға жіктеп қарастыру. Мысалы, араб елдерінің қазіргі саяси проблемаларына сараптама жасау немесе Қытайдың Орта Азия елдерімен болған экономикалық қатынастарын зерттеу.

Бүгінде шығыстану ғылымының зерттеу аясы кеңейіп, негізгі мақсаты – Шығыстың және Орталық Азия елдерінің, оның ішінде, еліміздің осы уақытқа дейін бұрмаланған тарихын, рухани-мәдени қазынасын терең зерттеп, Шығыстың және Түркі әлемінің әлемдік өркениеттің дамуына қосқан үлесін баршаға нақтылап, анықтап беру болып табылады. Оған қоса, шығыстану ғылымының алдында әртүрлі өркениеттер арасындағы диалогты қалыпты арнаға түсіріп, қазіргі әлемдегі бірқатар маңызды тарихи-мәдени, рухани, саяси және ұлттық проблемалардың әділ шешімін табу міндеті тұр.

Біздің елімізде шығыстану ғылымы саласымен арнайы айналысатын Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі жанындағы Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты бар. Құрылғанына ширек ғасырдан асқан ғылыми орталық Азия мен Солтүстік Африка елдерін, Қазақстан мен Шығыс елдері қарым-қатынасының тарихи-мәдени, әлеуметтік-экономикалық, саяси, діни, сонымен қатар, өркениет және мәдениетаралық қырларына іргелі және қолданбалы негізде жүйелі зерттеулер жүргізіп келеді.

Институтта аталған сала мамандарының үлкен қосыны шоғырланған. Сонымен бірге, Институттың халықаралық байланыс ауқымы да өте кең. Институт ғалымдары әлемнің көптеген елдерінің іргелі ғылыми орталықтарымен, жетекші ғалымдарымен бірге қоян-қолтық жұмыс істеп келеді. Міне осы жағдайдың бәрі Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты алдына үлкен міндет қойып отыр. Ол міндет болса – Институттың өзінің жеке ғылыми басылымын (хабаршы) шығару.

Осыған байланысты Институт 2022 жылдан бастап «Қазақстанның шығыстану ғылымы» атты журнал шығаруды қолға алды. Журналда отандық және шетелдік белгілі шығыстанушы ғалымдардың, магистранттар мен докторанттардың шығыстану ғылымының өзекті мәселелеріне, Азия мен Солтүстік Африка елдерінің тарихы мен мәдениетіне, тілі мен әдебиетіне, экономикасы мен ішкі-сыртқы саясатына қатысты, сондай-ақ, Қазақстан мен Шығыс елдері арасындағы тарихи-мәдени, әлеуметтік-экономикалық, саяси, діни байланыстарын қарастырған еңбектері жарияланады.

Журналда жарияланған материалдар ғылыми қауым үшін ғана емес, жалпы оқырмандар үшін де қызықты әрі пайдалы болады деп үміттенеміз. Осы саладағы барлық мамандарды шығармашылық ынтымақтастыққа шақырамыз.

Сіздерден тың да сүбелі еңбектер күтеміз.

Дукен Мәсімханұлы

Бас редактор, Р.Б.Сүлейменов атындағы
Шығыстану институтының бас директоры,
филология ғылымдарының докторы, профессор.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Востоковедение (ориенталистика) – наука, комплексно исследующая историю, экономику, язык, этнографию, культуру, религию, философию, памятники материальной и духовной культуры стран Азии и Северной Африки. Это его основное определение. Для данной науки используется термин «ориенталистика», то есть, это второе название востоковедения.

Внутри востоковедение подразделяется на такие региональные области, как: египтология, семитология, ассириология, арабистика, шумерология, урартология, кумранистика, малаистика, иранистика, тюркология, синология (китаеведение), монголоведение, индология, японистика и т.п.

Востоковедению присущ процесс рассмотрения стран Азии и Северной Африки, изнутри разделив на отрасли и регионы. Исходя из этого, имеются специализации по исследованию истории, экономики, литературы и языка стран Востока, например: историк-востоковед, лингвист-востоковед и др. Наряду с этим, религия, философия, культура стран Азии и Северной Африки рассматриваются, классифицируясь по отдельным отраслям. К примеру, экспертиза по современным политическим проблемам арабских стран или исследование экономических отношений Китая со странами Центральной Азии.

Ныне, ареал исследований востоковедения расширился и основной его целью является углубленное исследование по сей день искаженной истории и духовно-культурных богатств стран Востока и Центральной Азии, в частности, нашей страны, конкретизация и определение вклада Востока и Тюркского мира в развитие мировой цивилизации. А также, перед востоковедением поставлена задача – уравновесить диалог между различными цивилизациями и найти справедливое решение для ряда важных историко-культурных, духовных, политических и национальных проблем современного мира.

В нашей стране есть Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова при Министерстве Науки и высшего образования Республики Казахстан, непосредственно занимающийся наукой востоковедения. Научный центр с историей более, чем четверть века, проводит системные фундаментальные и прикладные исследования стран Азии и Северной Африки, историко-культурные, социально-экономические, политические, конфессиональные, а так же, цивилизационные и межкультурные аспекты взаимоотношений Казахстана и стран Востока.

В Институте сконцентрирована большая армия востоковедов. Также, масштаб международных связей Института очень широк. Ученые Института тесно работают с крупными научными центрами и ведущими учеными многих стран мира. И все это возлагает на Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова большую задачу – выпуск собственного научного издания (вестник) Института.

В связи с этим, с 2022 года, Институт приступил к изданию журнала «Казахстанское востоковедение». В журнале будут опубликованы работы отечественных и зарубежных известных ученых, магистрантов и докторантов, посвященные актуальным вопросам востоковедения, в которых рассматриваются история и культура, язык и литература, экономика, внешняя и внутренняя политика стран Азии и Северной Африки, а также, историко-культурные, социально-экономические, политические, религиозные связи между Казахстаном и странами Востока.

Надеемся, что материалы, опубликованные в журнале, будут полезны и интересны не только научному сообществу, но и широкому кругу читателей. Всех специалистов по данной отрасли приглашаем к творческому сотрудничеству.

Ждем от вас оригинальных и интересных работ.

Дукен Масимханулы
Главный редактор, генеральный директор
Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова,
доктор филологических наук, профессор.

FOREWORD

Oriental Studies (Orientalism) is the science comprehensively exploring the history, economy, language, ethnography, culture, religion, philosophy, monuments of the material and spiritual culture of Asia and North Africa. This is the principal definition of it. The term "Orientalism" is used for this science, i.e. it is the second name of oriental studies.

Inside Oriental Studies is subdivided into regional fields such as: Egyptology, Semitology, Assyriology, Arab Studies, Sumerology, Urartology, Qomran Studies, Malay Studies, Iranian Studies, Turkology, Sinology, Mongolian Studies, Indology, Japanese Studies, etc..

Oriental Studies is inherent in the process of looking at the countries of Asia and North Africa by dividing them into branches and regions from inside. Based on this, there are specialisations for the study of the history, economy, literature and language of Eastern countries, for example: orientalist historian, orientalist linguist, etc. At the same time, religion, philosophy and culture of Asian and North African countries are also examined, being classified into separate branches. For example, expertise on contemporary political issues in Arab countries or research on China's economic relations with Central Asian countries.

Today, the area of Oriental studies has expanded and the main objective is to study the distorted history and spiritual and cultural wealth of the Eastern and Central Asian countries, in particular our country, to specify and define the contribution of the East and the Turkic world in the development of the world civilization. In addition, the Oriental studies have the task of counterbalancing the dialogue between different civilizations and finding equitable solutions for a number of important historical, cultural, spiritual, political and national problems of the modern world.

In our country, there is the R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies under the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan is directly engaged in the science of Oriental Studies. The scientific centre with a history of more than a quarter of a century, conducts systematic fundamental and applied research into the countries of Asia and North Africa, historical, cultural, socio-economic, political, confessional, as well as civilizational and intercultural aspects of relations between Kazakhstan and the countries of the East.

The Institute is host a large army of Orientalists. Also, there is a very large scale of international ties of the Institute. The researchers of the Institute work closely with major research centres and leading scientists in many countries of the world. And all this puts on R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies a big task - to publish its own scientific publication (bulletin) of the Institute.

In this regard, since 2022, the Institute has started to publish the journal "Oriental Science of Kazakhstan". The journal will publish the works of domestic and foreign renowned scientists, undergraduates and doctoral students on current issues of Oriental Studies, which address the history and culture, language and literature, economy, foreign and domestic politics of Asia and North Africa, as well as, historical, cultural, socio-economic, political, religious relations between Kazakhstan and the countries of the East.

We hope that the materials published in the journal will be useful and interesting not only to the scientific community, but also to a wide range of readers. We invite all specialists in this field to creative cooperation.

We are looking forward to original and significant works from you.

Duken Massimkhanuly
Chief Editor, Director General
R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies,
Doctor of Philological Sciences, Professor.

Сыздықов С.М.

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

E-mail: satay14@mail.ru

ҰЛЫ ДАЛА ЕЛІ ТӘУЕЛСІЗДІК ИДЕЯЛАРЫНЫҢ ТАРИХИ САБАҚТАСТЫҒЫ

Аңдатпа. Мақалада ұлттық идея, мемлекеттік идеология ретінде әртүрлі дәуірлердің тарихы мен философиясы тұрғысынан «Мәңгілік ел» ұғымына шолу жасалды. Бірақ бұл абстрактілі ой немесе ғылыми жаңалық емес, ата-бабаларымыздың рухани-саяси ұстанымы, олардың дүниетанымы негізінде пайда болған, ғасырлар бойы қалыптасқан және түркі құндылықтарын бойына сіңірген идея. Жұмыстың басты мақсаты – көнетүріктік «Мәңгілік ел» ұғымына байланысты халықтың тарихы мен салт-дәстүрі, дүниетанымына, материалдық және рухани мәдениетіне байланысты көптеген ақпараттарды жинап, бұларды ғылыми айналымға енгізу. Зерттеу жұмысында салыстыру, саралау және жалпылау тәрізді жалпы ғылыми әдістермен қатар салыстырмалы әдіс, салыстырмалы-тарихи, деректанулық, палеографиялық, семантикалық және компонентті талдау, тарихи-салыстырмалы әдіс және өңдеу, сұрыптау, аудару тәсілдері қолданылды. Зерттеудің жаңалығы – бұған дейін зерттелген ұлттық концептілерді негізге ала отырып, «Мәңгілік ел» ұғымы антропоцентристік тұрғысынан зерделенді. Зерттеу нәтижелерін Қазақстан тарихына қатысты оқулықтарда ұлттық идеологияның шығу төркінін тану тұрғысынан қолдануға да болады. Қазақстандық шығыстану, түркітану, қыпшақтану ғылыми зерттеу жұмыстарында байырғы этностардың ақпараттық қорын құрастыруда зерттеудің практикалық үлесі бар, этномәдени қатынастарды анықтауда тың деректер бермек. «Мәңгілік ел» ұғымы кейін келе өрісі кеңіп, «Мәңгі Ел», «Өтүкен», «Жерұйық», «ізгі (қайырымды) қала» концептілерін біріктеретін ұлттық-мәдени тұжырымдамаға айналды.

Кілт сөздері: Ұлы дала, Мәңгілік ел, ұғым, идея, сабақтастық.

Кіріспе

Қоғамдағы әрбір адамның өмірге деген көзқарастары, идеалдары мен құндылықтар жүйесі бар. Бұлар жиналып келіп, адамның рухани жан-дүниесін құрайды. Сонымен, идея – бар нәрсені емес, басқа ұғымдардан өзгеше әлі жоқ нәрсені, жасалуға тиіс дүниелерді білдіреді.

Идея – тарихи дамудың нәтижесі бола тұрып, даму барысында өзінің көптеген қырлары мен мазмұнын айқындаған, толысқан ұғым. Ол бүкіл даму тарихындағы жасалған рухани байлықтарды бойына сіңірген жүйе болып табылады. Ұлттық идея – ұлттың сол тарихи кезеңде өзін-өзі тануынан көрініс табатын ұлттық санада басымдыққа ие әлеуметтік-саяси көзқарастардың жүйесі. Зерттеушілер бұл ұғымның екі қырына баса маңыз береді. Бір жағынан, қауымдастықтың өзін-өзі ұлт деп танып, түйсінуі, екінші жағынан – оның ерекше тарихи адамдар қауымдастығы ретіндегі өз көзқарастары, ұстанымдары мен құндылықтарының әлемге танылуы. Ұлттық идеяны кездейсоқ ойлап табу мүмкін емес. Оның қалыптасуы тарихи кезеңдердің сабақтастығы арқылы белгілі бір әлеуметтік-саяси, мәдени кеңістікте күрделі құбылыс ретінде жүзеге асады. «Мәңгілік Ел» идеясының қалыптасуы да осындай күрделі де ұзақ жолдан өтті. Қандай да бір идея болмасын, оның қалыптасу алғышарттары болады. Олардың ішіндегі ең маңыздысы – дүниетаным. Дүниетаным – адамдар мен табиғатқа, жалпы құндылықтарға, моральдық ережелерге жеке тұлғаның жалпы қатынасын білдіретін негізгі сенім, таным немесе қоғам мүшелерімен ортақ көзқарас қалыптастырып, қоршаған ортамен қатынасты реттеудегі негізгі өлшем [1, 616 б.].

Ұлттық рухани байлықтың басқа да элементтері осы дүниетаным тұғырының айналасында өрбиді. Қазақ халқының дүниетанымы көне замандағы сақ-ғұн және түркілердің тайпалық мемлекеттік құрылымдарының қарапайым түрлерінен бастап, Қазақ хандығының дәуірлеу кезеңіне дейін қалыптасты және одан әрі заман талабына сәйкес жетілу, толысу процестерін бастан кешірді. Осындай күрделі дүниетаным «Мәңгілік Ел» идеясы қалыптасуының басты алғышарты болды. Ұлттық болмыстың кескінін бейнелейтін ұлттық өзіндік санада генетикалық код ретінде жасырынған және дәстүрлі қазақ қоғамындағы осындай халықты біріктіруші идеяның ізін халқымыздың арасынан шыққан тұлғалардың әлеуметтік-саяси ойлары мен философиялық көзқарастарынан табуға болады. Бұл көзқарастар, әдетте, мемлекетшілдік, ел тағдыры, тәуелсіздік, жер және т.б. қоғамның сол кездегі күрделі де маңызды саяси-әлеуметтік мәселелерін қамтыды.

Идеология мемлекеттің, саяси топтардың, жеке тұлғалардың қоғам мен әлеуметтік топтар алдындағы мақсаттарын іске асыру үшін қолданылатын көзқарастар жүйесі. Жалпы идеология туралы түсінік ерте заманда пайда болды. Мысалы, Аристотель идеология деген түсінікті «энтелехия» деп атаған. Энтелехия – мүмкіндікті шындыққа айналдыратын ізденушілік деп ұлы ойшыл анықтама береді. Идеология – ол қоғамдық қарым-қатынастарға көзқарас қалыптастыратын құрал. Идеологияның мақсаты мен мазмұны қолдаушының (ұсынушының) мүддесімен сәйкес келеді. Сол себептен идеологияны ұсынушылар: мемлекет, билік, саяси немесе жеке адам идеологияға өте үлкен жауапкершілікпен қарауы тиіс. Егер идеологияны қолдануда қателікке жол берілсе, онда қоғам дамуының өзі қате жолға түсіп кетуі күмәнсіз. Тарихта бұндай жағдайларға ұшыраған мемлекеттер аз болған жоқ. Негізінде, қандай идеологияны таңдау қажет екенін шешуші халық болуы тиіс. Саяси биліктің, мемлекеттің ұстанатын идеологиясы қоғамның, оның әрбір әлеуметтік топтарының, азаматтардың мүддесінің, ой-пікірлерінің, яғни, идеяларының жиынтығы болуы тиіс. Ал халық мүддесімен мемлекеттік идеологияны сәйкестендіретін демократияның дамуы болып саналады. Әрбір адамның іс-қимылы ойдан басталатыны баршаға мәлім. Адамзаттың саяси өмірінің дамуы да саналы адамдардың ой-пікірлеріне, ұсыныстарына, идеяларына негізделеді. Идеялардың негізгі көзі, бастауы ғалымдардың ой-пікірлері мен тұжырымдамалары. Мысалы, кезінде идея ретінде ұсынылып, кейін идеологияға, теорияға айналған Конфуцидің мемлекеттік билік пен халық арасындағы теңгергіштік заңы, Аристотельдің орташылдық, орта таптық концепциясы, Гоббстың антиэтатизм принципі, Монтескьенің билікті бөлу туралы заңы және т.б. Солардың ішінде бүкіл адамзаттың дамуына үлкен өзгерістер әкелгендері либералдық, консервативтік, реформистік, социал-демократиялық идеологиялар.

Тәуелсіз Қазақстанның болашаққа бағдары – халықты іргелі елдердің қатарына қосып, еліміздің шекарасын шегендеп, Евразия елдерімен терезесі тең ел болу идеясы басты мақсатқа айналған болатын. Осы ұлттық идеяның негізінде ұлттық сана қалыптасты. Ұлттық идея қалыптаспай тұрып, әрбір ел түрлі қиындықтарды басынан кешіріп, кейіннен кемеліне келеді. Соның ішінде, біздің елдің ұлттық идеялогиясына барар жолы оңай болған жоқ. Тарихымыздың терең тартқан тамыры біздің дәуірімізге дейінгі алтынмен апталған ақ сауыт киген сақтардан бастау алып, жарты әлемді жаулаған Ғұндармен ұштасып, шежірелі тарихын тасқа жаған Түрік қағанатына келіп табан тірейді. Ұрпаққа өлмейтін мұрасын тасқа қашаған Түрік қағанаты кезіндегі бабаларымыздың бітік жазуларында бәдізделген «Мәңгі ел – Bengu el» идеясы осы күнге дейін өзінің өміршендігін жойған емес. Ғаламшардың бетінде Түрік жұрты тұрғанда, азаттық пен егемендік, басқаға бас иемейтін асқақ рухты тәуелсіздік, жарқын болашақ, кемел келешегін түзу түзген ел болу идеясы арғы ата-бабаларымыздан бері жібін үзбей келе жатқан басты қағидат, игілікті идея. Түрік қағанатынан соң Дешті-Қыпшақ даласын жайлаған ұлы бабаларымыз, Қарахан дәуіріндегі қолына қобызын алған Қорқыт атаның «Өлмейтін мекен» іздеу идеясы, Отырар ойшылдары, Ұлы дала ғұламалары арасынан

суырылып шығып, адамзаттың «екінші ұстазы» атанған Әбу Насыр әл-Фараби бабамыздың «Қайырымды қала тұрғындары», Құл Қожа Ахмет Ясауидің «Хикметтері» «иманның нұрына шомылған адамдарға толы» ел болу идеясы, Ескіқыпшақ ескерткіштеріндегі құнды қолжазбалар «Мәңгілік ел» болудың жол-жоралғысы көрсетілген көреген идеялар бүгінгі тәуелсіздікке жету жолындағы қаланған кірпіш, салынған сара жолдар екені айдан анық. Қазақ хандығы дәуіріндегі Асан қайғының желмаяға мініп, «Жерұйықты» іздеп, қайтсем қазақтың өшпейтін, мәңгілік мекенін тапсам деген қариялық қадірі халқымыз үшін айнымас бағыт-бағдардың бастаулары болды. Жоңғармен жұлысып, қалмақпен қырылысып жүріп, тәуелсіздігін сақтап, ұшса құстың қанаты талатын кең байтақ жазира даланы ұрпаққа аманаттап қалдыруды көздеген ата-бабаларымыз білектің күшімен, найзаның ұшымен қорғап, осы даланы кейінгі ұрпаққа «Мәңгілік ел» қылып қалдыру үшін алысты-жұлысты. «Елімайлап» жүріп, Ақтабан шұбырынды, алқакөл сұламаны кешіп, бізге жеткізді. Дала данышпаны, Хакім Абайдың дәуірі туып, қазақтың қасіреті мен қасиеті Хакім Абайдың «кәміл адам» ұғымымен ұштасып, кейіннен келе Түрік қағанатының рухын жандандырған Алашордашылардың әрбірінің жүрегінде «Мәңгілік ел» болу мақсаты айқын аңғарылып тұрды. Тағдыры қасіретке толы қаймана қазақ жұрты аштықты өткеріп, қуғын-сүргінді бастан кешіп, Ұлы Отан соғысында от кешіп, тілі тілімделіп, жері жыртылып, діні құртылып жатса да «Мәңгілік ел» болып, «Мен қазақтың мың өліп, мың тірілген» деген ұранмен қайта түледі, қайта рухын көтеріп, басын тіктеді. Осыншама алапат ғасырды бастан кешкен Ұлы дала перзенттері Тәуелсіздіктің таңы атып, егемендіктің рухы асқақатап, «Мәңгілік ел» болу идеясын ту қылып көтерді.

Зерттеу материалдары мен әдістері

«Мәңгілік ел» ұғымының мәнін ашу үшін зерттеу жұмысын жүргізу барысында С.Е. Маловтың [2], И.Л. Батмановтың [3], А.С. Аманжоловтың [4], Ченгиз Алыылмаздың [5], Қ. Сартқожаұлының [6], Н. Базылханның [7] және т.б. көнетүрік ескерткіштері зерттелген еңбектер негізгі дереккөз ретінде қолданылды. Сонымен қатар, М. Қашқаридің «Диуану лұғат ит-түрік» жұмысының А.Егеубайдың қазақ тіліне [8], З.М. Ауэзованың орыс тіліне аудармалары [9], Древнетюркский словарь [10], Э.В. Севортянның «Этимологический словарь тюркских языков» [11] және т.б. еңбектер қолданылды.

Зерттеу жұмысында салыстыру, саралау және жалпылау тәрізді жалпы ғылыми әдістермен қатар салыстырмалы әдіс, формалды тарихи талдау әдісі, салыстырмалы-тарихи, модельдеу әдісі сияқты тарих пәнінің өзіндік әдістері мен деректанулық, палеографиялық, семантикалық және компонентті талдау, тарихи-салыстырмалы әдіс және өңдеу, сұрыптау, аудару тәсілдері қолданылды. Әлеуметтік, функционалдық зерттеулердің дамуына үлес қосқан этнолингвистика және тарихи деректердегі тұжырымдарға сүйеніп дәлелденді. Философия, тарих, дінтану, мәдениеттану салалас пәндер тұрғысынан концепті мен ұғымның айрмашылығын анықтау, формасы мен мазмұнын зерттеудегі негізгі методологиялық бағыттарды анықтау қолға алынды.

Талқылау

Түркілердің «Мәңгілік Ел» мемлекеттік идеологиясы. Көне түркі жазба ескерткішінде «Мәңгілік Ел» мемлекеттік идеологиясының жариялануы. Ежелгі сақ-ғұндар мен олардың ұрпақтары – түркілердің дүниетанымындағы «мәңгілік» туралы түсініктері («ел», «жер», «еркіндік» туралы) кейін б.з. V ғасырының екінші жартысында түркілер өз қағанатын, яғни мемлекеттігін құрғанда, «Мәңгілік Ел» – мемлекеттік идеологиясына айналды. Алғаш рет «Мәңгі ел» мұраты мемлекеттік идеология ретінде Шығыс Түркі қағанаты әскерінің бас қолбасшысы Күлтегінге арналған бітіктаста түркі еліне жария етілген. Күлтегін ескерткішіндегі жазудың сол жақ [12, 190 б.] бетінде: «Өтікен жынысында (қойнауында)

отырсаң Мәңгі ел тұтып отырар ең», – деп айтылған. Тура осы сөздер Білге қаған ескерткішінің оң жақ [12, 262 б.] бетінде қайталанған. Сонымен қатар, «мәңгі» сөздері Тывадағы Чаа-Қол-1, Оя, Уйбат, Ұлық Кем, Ел Бажы өзендері жағасындағы бұғытастарда және де Абақан өзенінің бойындағы «Алтын көл», Ұлық Кем өзенінің сол жағалауындағы «Бай-Бұлын», Абақан, Тывадағы «Сайғын» бітіктастарындағы жазбаларда кездеседі. «Мәңгі» сөзінің көне түркі жазба ескерткіштерінде осыншама жиі кездесуі кездейсоқ емес. Бұлай болуы ежелгі түркі дүниетанымында «мәңгілік» түсінігі кеңінен танымал екендігін білдіріп қана қоймай, оның бүкіл түркі жұртының аңсаған мұратына айналғандығын көрсетеді. Оған дәлел ретінде Күлтегін бітіктасында жазылған нұсқасын келтіруге болады. Онда «мәңгі» сөзі Өтүкен мекенінде бейбіт өмір сүріп, сауда керуенін жіберу арқылы елдің аш-жалаңаш болмай, мұны жоқ, тоқтықта болатыны жайлы контексте келтірілген. Бұл кезінде Қазақ хандығының қалыптасуы қарсаңындағы Асанқайғының «Жерұйықты» іздеу идеясымен сәйкес келеді. Ақиқатында Күлтегіндегі «Өтүкен жынысы», Асанқайғының «Жерұйығы» қазақтың ата-бабалары – түркі жұрты мен қазақ елінің «мәңгілік ел» болу мұратының бір-бірімен жалғасқан сабақтасатындығын көрсетеді.

Тоныкөк ескерткішінде мемлекеттің тұрақты болуы үшін билікті ұстап отырған қаған мен ақылгөй дана бірауыздылығы, сөз бен істің ажырамауы, елдің тұтастығы үшін ынтымақтың, барлық күштердің ұйтқысы болу қажеттігі түп нысана ретінде айтылады. Түркі халқының елдігінен айрылып, қағансыз қалып, тағы да басқаларға бағынып, одан қайта көтеріле бастағаны, жаңа қаған отырғаннан кейін, елдің басын біріктіру шаралары, яғни «түнде ұйықтамай, күндіз отырмай, түркі елі үшін қызыл қанын ағызып, қара терін төккені, күш-куатын бергені» паш етіледі. Осының бәрі кейінгі ұрпаққа да үндеу ретінде айтылғаны көрінеді. Сонымен қатар, бұл жерде «Мәңгі ел» ұғымы, тәуелсіздік рухы, азаттық идеясы бір-бірімен үндесіп тұр. Л.Н. Гумилев те өзінің Орхон-Енисей ескерткіштеріне талдау жасағанда, руникалық жазулар эпитафиялық емес, публицистикалық сипатта деп жаңа бір пікірді білдірген болатын: «үш жазудың мәтіндері де түркілердің барлық қоғам мүшелеріне үндеу тұрғысында айтылған, оның өзінде ештеңемен бүркемелемей, халықты сендіргісі келеді. Ендеше жазу – үндеу, ондағы берілген материал таңдап алынған. Мұндай жанрдың болуының өзі сөздің түркі қоғамында нақты күш екендігін көрсетеді. Олай болса, дамыған қоғам және қоғамдық пікір де бар». О. Сүлейменов те публицистиканы әлемдік тарихқа ескерткіштің кірігуінің кезеңі ретінде, сонымен қатар, бұқаралық санаға кеңінен тартылуы тұрғысынан қарастырады. Ендеше, бұдан шығатын қорытынды: «Мәңгілік ел» – көне түркі жазба ескерткіштерінде Ұлы Түркі қағанатының мемлекеттік идеологиясы екендігі саяси манифест тұрғысында жария етілген.

Әл-Фарабидің «Мәңгілік» философиясы. X ғасырдың аяғында бұл идеологияның саяси-философиялық негізін түркілер өздерінің ортағасырлық өркениетті Қарахандар мемлекетін құрғанда, шығыстың көрнекті ойшылы, философ – әл-Фараби жасады. Ортағасырлық Шығыс философтары пікірталастарының ортақ бір проблемасы – «мәңгілік» мәселесі еді. Бұл сол кездегі ортағасырлық араб әдебиеттерінде «захириттер» ағымындағы ойшылдар деп аталды. Әл-Фараби ортағасырлық түркі-мұсылман елінің тарихи шындығы мен өзіне дейінгі іргелі философтар – Платон мен Аристотель ілімдеріне сүйене отырып, мәңгіліктің философиясын жасады. Ол әлемнің мәңгілігін тұрақты түрде және жүйелі дәлелдеуге тырысты. Әл-Фарабидің ойынша, әлем өзінің мәні тұрғысынан құдайдың творчестволық әрекетіне қарағанда екінші, бірақ, бұл тұжырым уақыт жағынан сәйкеспейді. Сондықтан, әлем құдаймен мәңгі бірлікте. Аристотель сияқты ол қозғалысты мүмкіндіктен шындыққа өту, яғни мәңгілік құбылыс ретінде саналады. Уақыт қозғалыспен мәңгілік бірлікте дей отырып, ғалым уақытты Аристотельдің пайымынан басқаша, қозғалыстың сипаты ретінде қарастырады. Ғалымның мәңгілік теориясы әлемнің жаратылысы туралы діни ағымдарға қарсы бағытталды. Әл-Фарабидің екінші бір принциптік қағидасы – ақыл-ойдың бір мәнді

болуы адамдарды мәңгілікке бастайтындығы. Бұл жерде жеке адамның мәңгілігі туралы емес, адамдар құрған қоғамның мәңгілігі туралы сөз болып отырғанын түсіну қиын емес. Сонымен, қазіргі заманда қазақ елінің құрып отырған мемлекетінің ұлттық идеясы «Мәңгілік Ел» болуының түп төркіні – осы ортағасырлық түркілердің «Мәңгі Ел» мемлекеттік идеологиясын саяси-философиялық тұрғыда негіздеген әл-Фарабидің «мәңгілік» философиясында жатыр десек, қателеспейміз. Өйткені, әл-Фараби бұл теориясын түркілердің тарихи өмір шындығынан алды. Елбасының ортағасырлық түркілер өздерінің мемлекетін құрғанда да, оны «Мәңгі Ел» деп жариялағаны мәлім. Сөйтіп, өз заманында әл-Фараби осы мәселерді ғылыми жүйеге келтіріп, өзіне дейінгі және өз замандастарынан ілгері, озық ілім қалыптастыра алды. Нәтижесінде, «Мәңгілік ел» жай ұғым емес, саяси-философиялық маңызды тұжырымға айналды.

Ұлы Дала еліндегі (Алтын Орда және Қазақ хандығы) «Мәңгілік Ел» идеясының тарихи сабақтастығы. Ұлы Даланың кіндігі – Ұлытау ежелгі түркілер империясының ел апарып қондырған мекені болғаны Моңғолиядағы Тес өзені бойындағы бітіктаста ойылып жазылған. Онда түргеш халқының «Кеңгереске» қоныстанғаны айтылған. Кеңгерестің қай жер екендігін зерттеген ғалымдар Ұлытаудағы Сарыкеңгір мен Қаракеңгір аттарында сақталғандығы туралы қортындыға келген. Бұл туралы ежелгі түркілердің «Мәңгілік Ел» мемлекеттік идеологиясын саяси манифест ретінде жария еткен «Күлтегін» бітіктасының батыс жақ бетіндегі 39-шы жолынан да көруге болады. Онда қара түргештерге бару үшін «Кеңгереске» бет алғаны айтылған. Бұдан Мәңгілік Ел идеологиясының жария етілген кезінде, қазақ халқының қалыптасуында маңызды рөл атқарған түргештердің Ұлытау өңірінде ел болып отырғанына көз жеткізу қиын емес. Ұлытау төрінде Елбасының айтқан ұлағатты пікірі тағлымы мол тарихты зерделеген, қазақтың патриоттық сезімін оятатын, зерделі сұхбатында «тарихтың куәгері – Ұлытау» деп қадап айтқан еді.

Зерттеу нәтижелері

Дамыған ортағасыр заманында түркілердің «Мәңгілік Ел» мемлекеттік идеологиясын одан әрі жалғастыра отырып, Ұлы Даланың иесі – Алтын Орда өзінің қол астындағы елдер мен халықтарды біріктіру мақсатында қолданған. Оны «Мәңгі Көк Тәңірі» сөз тіркестерінде «мәңгі» сөзі мен «тәңірі» сөзінің Шыңғыс ханның ресми құжаттарында жиі кездесуінен көрінеді. «Тәңірінің өзі қолдайтын, қамқорлығына алатын ел боламыз!» деген Шыңғыс ханның жарлығынан осыны байқауға болады. Алтын Орда дәуірінде «Мәңгілік Ел» құру идеясы «Мәңгі Тәңірінің күші» тұрғысында кездеседі. Сондықтан, оқырмандар бұл тарихи кезеңге сәйкес деректерді «Мәңгі Тәңірінің күші» сөздерімен басталған: Күйік ханның мөрінен, Арғұн ханның француз королі Филиппке жазған хатынан және Алтын Орда ханы Өзбектің елшісін растаған құжаттардан кездестіре алады. Мысалы, төмендегі Арғұн ханның хаты «Мәңгі Тәңірінің күші» сөздерімен басталған. Тағы да бір мысал: 1246 жылы Күйік ханның хатын саяхатшы Плато Карпини Рим папасына жеткізген. Бұл хатты 1920 жылы поляк ғалымы Кирилл Каралевский Ватикан мұрағатынан тапқан. [13]. Хатқа «Мәңгі Тәңірінің күші» деген сөздері бар Күйік ханның мөрі басылған және ондағы жазудың түркі тілінде екенін Францияның ірі моңғолтанушысы Поль Пелльо зерттеу жүргізіп, дәлелдеген.

Қазақ хандығы тұсында «Мәңгілік ел» идеясының сабақтастығы. «Мәңгілік Ел» мемлекеттік идеологиясы болған Түркі мемлекеттерінің сабақтастығын хандықтар мемлекеті тұрғысында жалғастырған тұлғалар: Жәнібек пен Керей, Қасым хан, Есім хан, Тәуке хан, Абылай хан, соңғы Кенесары хан еді. Мысалы: «Есім ханның ескі жолы, Қасымханның қасқа жолы» деп айтылатын осы бір қысқа ғана ауызекі нақыл сөздердің мағынасында бүкіл сол Қазақ хандығы құрған мемлекеттің «Мәңгілік Ел» мұратына жетудің жолын айшықтайды. Тәуке хан тұсында үш бидің қатысуымен «Жеті Жарғы» жинағының шығуы да сол тарихи кезеңде заңға негізделген тұрақты мемлекет құрудың амалы болатын. Қай хан болмасын, өз

заманында қазақ мемлекетінің тәуелсіздігін қамтамасыз ету және оны күшейту үшін бар күш-жігерлерін аямағаны белгілі. Мысалы, Абылай хан ел мен елді жақындастыру, көрші алпауыт елдермен қарым-қатынаста көрегендігімен дипломатиялық саясатты шебер жүргізе білген. Абылай басқа мемлекеттермен, әсіресе Хиуа, Жоңғар хандықтарымен қарым-қатынастары қазақ жұртының негізгі этносаяси мүддесіне сай жүргізілді. Чиң империясы тарапынан Орта Азия елдерін жаулап алу қаупі төнген кезде, Абылай Ауғанстан билеушісі Ахметшахпен байланыс орнатты. Абылай алыстағы Түркия билеушілерімен де қарым-қатынас жасауға әрекет еткен. Абылай іс жүзінде Қазақ мемлекеттігін қалпына келтіруге, тәуелсіз ел етуге күшін салды.

Алаш зиялыларының «Мәңгілік Ел» мұраты жолындағы күресі және іс-қызметі. Қоғамды құратын адамдардың дүниетанымы сол қоғамның идеясының алғышарты болып табылады. Ал, адамның танымы жөніндегі ілімдері ежелгі дүние философтарынан басталса да, оны өз заманында ғылыми жүйеге түсіріп, қалыптастырған әл-Фараби екені жоғарыда айтылды. Таным жөніндегі Фарабидің ілімдерін қазақ елінде жалғастырған және қазақ шындығымен терең байланыстырған Абай болды. Абай өлеңдері мен қарасөздерінен таным жөніндегі ілімнің тарихымен таныстығы анық байқалады. Танымда маңызды рөл атқаратын «жан қуаты» жөнінде Фараби қолданған философиялық терминдер Абайдың Он жетінші, Жиырма жетінші, Отыз сегізінші, Қырық үшінші қарасөздерінде қазақ тіліндегі балама сөздермен берілген. Ақынның Он төртінші, Он жетінші қарасөзі мен «Көзінен басқа ойы жоқ...», «Әуелде бір суық мұз ақыл зерек...», «Малға достың мұңы жоқ малдан басқа...», «Жүрек – теңіз, қызықтың бәрі асыл тас...» өлеңдеріндегі ақыл, қайрат, жүрек жайлы философиялық мағынадағы ойларының қайнар көзі – әл-Фараби шығармаларында жатыр [14, 325-327 бб.]. Әл-Фараби дәстүрінің жалғасы Абайдың «толық адам» жөніндегі ой-пікірінен айқын сезіледі. Абайда жиі сөз болатын «толық адам», «жарым адам», «адам болу», «инсаниаттың кәмаләттығы», «бенделіктің кәмаләттығы», «толық инсаниат», «адамшылық», «адамның адамдығы», «адам болу» т.б. атаулық мәні бар ұғымдар, сөздер тобы, ол жайлы пікірлердің шығар көзі Фараби еңбектеріндегі ой желісінен туындайды.

Ұлт зиялылары ХІХ ғасырдың соңы мен ХХ ғасырдың басында патшалық Ресейдің отарлық езгісіне қарсы күресе отырып, қазақ халқының болашақта алдыңғы қатарлы ел болып қалыптасуының жолдарын іздестірді және халықты білім мен ғылымға, озық шаруашылық ұйымдастыруға шақырды. Алаш зиялылары: Ә. Бөкейханов, Ахмет Байтұрсынов, Мұстафа Шоқай, Смағұл Садуақасов, Міржақып Дулатов және т.б. шығармаларынан оқырмандар қазақ жері мен елінің тәуелсіздігі туралы ұстанымдары мен көзқарастары туралы материалдарды табуына болады. Мұстафа Шоқайдың «Біртұтас Түркістан идеясы» осы «Мәңгілік Ел» идеясының түркі әлеміндегі бір көрінісі болды. Сонымен қатар, Кеңес дәуірінде қазақ жерінің бүтіндігін сақтауда Ә. Ермеков пен Ж. Ташеновтің азаматтық ұстанымдары да олар туралы шыққан еңбектермен оқырмандардың танысуларына мүмкіндік бар. Осы жерде Елбасының: «Мемлекеттік тәуелсіздік – тарихтың сыйы немесе тек қазіргі ұрпақтың ғана меншігі емес. Ол өткеннің алдындағы борыш және келешектің алдындағы жауапкершілік» [15, 203 б.] – деген сөздерін еске алған орынды. 2014 жылдың басында Қазақстан Республикасының тұңғыш Президенті Н.Ә. Назарбаев халыққа Жолдауында «Мәңгілік Ел» идеясын тәуелсіз Қазақстанның ұлттық идеясы ретінде жария етті.

Қорытынды

Жаңа ғасырда әлемге танылып, Тәуелсіздіктің туын тік ұстаған Қазақ елінің кемел келешегі мен жарқын болашағына жол салатын, осы аумақты мекендеген бүкіл ұлт пен ұлысты біріктіретін, ақиқаттан айнымайтын бір ұғымға негізделген Ұлттық идеясы болу керек екендігі айдан анық. Ол үшін дүйім жұрттың ойы бір арнаға түйісетін идея – сырттағы

жауға, іштегі дауға бой алдырмайтын, әлеуметтік-экономикалық қуатын арттыра алатын, бабалардан бүгінге күнге дейін жеткен құндылықтарымызды сақтай отырып, жаңа заман игіліктерін игере алатын, рухы мығым, танымы терең, мемлекеттің мерейін көтеретін Ұлттық идеяның маңызы Қазақ елі үшін аса зор. Бүгінгі Тәуелсіз Қазақстанның алты құрлыққа аян қылған Ұлттық идеясы – «Мәгілік ел» идеясы.

Қазақстан Республикасының Тұңғыш Президенті – Елбасы Нұрсұлтан Әбішұлы Назарбаев 2014 жылдың 17 қаңтарында Қазақстан халқына арнаған кезекті жолдауын: «Бір жыл бұрын мен еліміздің 2050 жылға дейінгі дамуының жаңа саяси бағдарын жария еттім. Басты мақсат – Қазақстанның ең дамыған 30 мемлекеттің қатарына қосылуы. Ол – «Мәңгілік Қазақстан» жобасы, ел тарихындағы біз аяқ басатын жаңа дәуірдің кемел келбеті» деп бастаған болатын.

Бұл жолдаудағы елді елең еткізген жаңалық – Тәуелсіз Қазақстан тарихында тұңғыш рет халыққа жария болған мемлекеттік ресми идеология, яғни, «Мәңгілік Ел» идеясы болды. «Мәңгілік Ел» идеясы – қазақ елінің арғы ата бабаларынан бері ғасырлар бойы армандаған мақсат-арманы ғана емес, Тәуелсіздік таңы атқалы бері еліміздің ерен еңбегі, терең білімі, кемеңгер көрегендігі арқасында шыққан шыңы, алған асуы. «Мәңгілік ел» идеясы тамырын тереңнен тартқан тарихи негізі бар концепт. «Мәңгілік ел» ұғымының мәні мен мазмұнын, таралым ареалын анықтап, көне дәуірден бүгінгі күнге дейін жарық көрген кшығармалардағы қолданысын зерттеп-зерделеу біздің пешенемізге бұйырыпты. «Мәңгілік ел» ұғымын тарихи тұрғыдан жан-жақты қарастырып, ғылыми айналымға енгізу алғаш рет қолға алынып отыр. Қазіргі замандағы ғылымның кемелденген кезеңінде ойлау ілімінің өресі өсіп, семантикалық өрісі кеңейіп, синкреттік өзегі дамығаны белгілі. Мәдениеттің мәнісін ашып, маңызын білу – тіл білімі, тарих ғылымдарының дамуына үлкен серпіліс берді. «Мәңгілік ел» сөзінің мәнісін жаңаша көзқараспен бағамдап, семантикалық өрісін айқындау бұл еңбектің негізгі жаңалығы мен басты тұғыры. Көнетүркілік «Мәңгілік ел» концептісінің ұғымдық үлгісі лингвомәдениеттану және тарихи деректер негізінде көпәспектiлi құбылыс ретінде ұсынылды. Дереккөздік мәтіндердегі, эпитафиялық мәтіндердегі, манускриптік мәтіндердегі «Мәңгілік ел» концептісіне тиесілі деректер негізінде зерттеулер жасалды. «Мәңгі», «Ел» концептілеріне қатысты ұғымдар мен заттардың символдық семантикасы анықталды. «Мәңгілік ел» тұжырымдамасына енетін тұжырымдар тізбегі айқындалды. «Мәңгілік Ел» идеясын ұрпақтан ұрпаққа жалғастырудың тиімділігі тілдік деректер арқылы бағамдалды; теориялық бағыттан дәлелденді. Көне және -орта, -қазіргі заман түркі тілдері ескерткіштеріндегі тасқа қашалып жазылған және қолжазбадағы өсиетнамалардың мән-мағынасы, түпкі ойы анықталып берілді.

Тіл, мәдениет, этнос байланыстарын зерттейтін ғылымның бұл саласы үлкен бағытқа бет бұрып, халықтың дүниетанымы мен мәдениетін, салт-дәстүрін, сенімін тілмен ұштастырып зерттеудің жаңа жолы болып табылады. Қазіргі замандағы тарих ғылымының алға қойған мақсаттарының бірі – халықтың салт-санасын, дүниетанымын, ұлттық заңдылықтарын, тарихи танымын дереккөздерді негіз етіп таныту болып отыр.

«Мәңгілік ел» ұғымы тарихи зерттеулер тұрғысынан көптеген ғалымдардың еңбегінде зерттеу нысаны бола білді. «Мәңгілік ел» сөзінің мағынасы сан салалы бағытта қарастырылып, диахрондық аспектісі, эволюциясы, концепт ұғымы жасалу құрылымы тарапынан да түсіндірілді. Дегенмен, «Мәңгілік ел» концептісінің кейбір аспектілері әлі де зерттеуді қажет етеді. Мәселен, бұл ұғымның көнетүркілік сипаты, сан дәуірлік тарих қабаттарынан қопарып, мазмұны әлі де зерттеуді қажет етеді.

«Мәңгілік ел» ұғымының көнетүркілік мазмұны мен қазіргі заманға дейінгі маңызы тұрғысынан зерттеліп, концептосфералық өрісі ашылып, этномәдени мәні нақтыланады. Аталған ұлттық идеялар қазақ халқының ата-бабаларының дәуірлер сынынан өткен, халықпен бірге жасасып, сабақтастықпен шындалып осы күнге дейін жеткен идея болды.

Сонымен қатар, бұл идея біреудің ашқан жаңалығы не болмаса кейбіреулер айтқандай, абстрактылы ұғымдар жиынтығы емес, өз ата-бабаларымыздың дүниетанымынан басталған, дәуірлер бойы ұлттық құндылықтарды бойына жинақтаған, сан ғасырлар бойғы халқымыздың арманын жүзеге асырудағы рухани-саяси ұстанымы болған.

Әдебиет:

1. Саяси түсіндірме сөздік: сөздік / Құрастырушылар Е. Саиров, Б. Әбдіғали, Т. Жабелова, Д. Әлібек. – Алматы: «Жүйелі зерттеулер институты», 2007. – 616 бет.
2. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. – Москва – Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1952. – 117 с.; Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. // Москва – Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1951. – 451 с.
3. Батманов И. Л. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности, Фрунзе, 1959
4. Аманжолов А. С. Тюркская руническая графика (методическая разработка), 1-Ш. Алма-Ата, 1980 (ч. I), 1981 (ч. II), 1985 (ч. III).
5. Cengiz Alyılmaz. İpek Yolu Kavşağının Ölümsüzlük Eserleri. Ankara, 2015; «Gobu»stanın Gizemi («Kırçaklar»a Giden Yol).
6. Сартқожаұлы Қ. Орхон мұралары. Астана 2003; С. Каржаубай. Объединенный каганат тюрков в 745-760 годах. – Астана: «Фолиант», 2002. – 220 с.
7. Көне түрік бітіктастарымен ескерткіштері (Орхон, Енисей, Талас). – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 252 б.
8. Қашқари М. Түрік сөздігі. 1-том / Аударған А. Егеубай. - Алматы: Арда+7, 2017. – 592 б.; Қашқари М. Түрік сөздігі. 3-том / Аударған А. Егеубай. – Алматы: Арда+7, 2017. – 600 б.
9. Махмуд ал-Кашғари. Диван лугат ат-турк / перевод, предисловие и комментарии З-А. М. Ауэзовой. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 1288 с.
10. Древнетюркский словарь. – Ленинград: Наука, 1969. – 677 с.
11. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков : (Общетюркские и межтюркские основы на гласные) / Э. В. Севортян; АН СССР, Институт языкознания. – Москва: Наука, 1974. – 766 с.
12. Орхон ескерткіштерінің толық Атласы / М. Жолдасбеков Қ. Сартқожаұлы ; ҚР Білім және ғылым министрлігі; Л. Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті; Еуразия гуманитарлық зерттеу орталығы. – Астана : Күлтегін, 2005. – 359 б.
13. Эрдэнэбаяр С.Мөнх тэнгэрийн вээл буюу Мөнх тэнгэрийн ивэ / Сэтгэгдэл бичих? – ВПРВЕН: MN by Bataka. www.biiirbeh.mn.
14. Абай. Өлеңдер. Поэмалар. Қара сөздер. – Астана: Раритет. 2008, – 384 б.
15. Назарбаев Нұрсұлтан Әбішұлы. Жылдар мен ойлар: жинақ / құраст.: М. Б. Қасымбеков, А. М. Молдағаринов, Қ. Н. Әлімқұлов ; «Назарбаев орталығы» көпфункционалы ғыл.-талдамалық және гуманитар.-ағартушылық мемлекеттік мекемесі. – Алматы: Алматыкітап баспасы, 2013. – 349 б.

References:

1. Sayasi tusindirme sozdik: sozdik [Political Explanatory Dictionary: dictionary] / Qurastyrushylar E. Sairov, B. Abdigali, T. Zhabelova, D. Alibek. – Almaty: «Zhujeli zertteuler instituty», 2007. – 616 bet. [in Kaz.].
2. Malov S.E. Enisejskaya pis'mennost' tyurkov [The Yenisei script of the 'Turks']. – Moskva – Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1952. – 117 s.; Malov S.E. Pamyatniki

drevnetyurkskoj pis'mennosti [Monuments of ancient Turkic writing]. Teksty i issledovaniya. // Moskva – Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1951. – 451 s. [in Russ.].

3. Batmanov I. L. Yazyk Enisejskih pamyatnikov drevnetyurkskoj pis'mennosti [The language of the Yenisei monuments of ancient Turkic writing], Frunze, 1959. [in Russ.].

4. Amanzholov A. S. Tyurkskaya runicheskaya grafika (metodicheskaya razrabotka) [Turkic runic graphics (methodological development)], 1-SH. Alma-Ata, 1980 (ch. I), 1981 (ch. II), 1985 (ch. III). [in Russ.].

5. Cengiz Alyılmaz. İpek Yolu Kavşağının Ölümsüzlük Eserleri. Ankara, 2015; «Gobu»stanın Gizemi («Kıpçaklar»a Giden Yol). [in Turk.].

6. Sartqozhauy Q. Orhon muralary [Orhan heritage]. Astana 2003; S. Karzhaubaj. Ob"edinennyj kaganat tyurkov v745-760 godah. – Astana: «Foliant», 2002. – 220 s.

7. Kone turik bitiktastary men eskertkishteri (Orhon, Enisej, Talas) [Ancient Turkish inscriptions men monuments (Orhon, Enisej, Talas)]. – Almaty: Dajk-Press, 2005. – 252 b. [in Kaz.].

8. Qashqari M. Turik sozdigi [Turkish dictionary]. 1-tom / Audargan A. Egeubaj. – Almaty: Arda+7, 2017. – 592 b.; Qashqari M. Turik sozdigi [Turkish dictionary]. 3-tom / Audargan A. Egeubaj. – Almaty: Arda+7, 2017. – 600 b. [in Kaz.].

9. Mahmud al-Kashgari. Divan lugat at-turk / perevod, predislovie i kommentarii Z-A. M. Auezovoj. – Almaty: Dajk-Press, 2005. – 1288 s. [in Russ.].

10. Drevnetyurkskij slovar' [Ancient Turkic Dictionary']. – Leningrad: Nauka, 1969. – 677 s. [in Russ.].

11. Sevortyan E. V. Etimologicheskij slovar' tyurkskih yazykov [Etymological Dictionary of the Turkic languages]: (Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye) / E. V. Sevortyan; AN SSSR, Institut yazykoznaniya. – Moskva: Nauka, 1974. – 766 s. [in Russ.].

12. Orhon eskertkishterining tolyq Atlasy [Full Atlas of Orkhon monuments] / M. Zholdasbekov, Q. Sartqozhauy ; QR Bilim zhane gylym ministrliigi; L. N. Gumilev atyndagy Euraziya ulttyq universiteti; Euraziya gumanitarylyq zertteu ortalygy. – Astana : Kultegin, 2005. – 359 b. [in Kaz.].

13. Erdenebayar S. Menh tengeriyn vzel buyuu Menh tengeriyn ive / Setgegedel bichih? – BIIRBEH: MN by Bataka. www.biiirbeh.mn. [in Mon.].

14. Abaj. Olangder. Poemalar. Qara sozder. [Poems. Words of edification.] – Astana: Raritet. 2008, – 384 b. [in Kaz.].

15. Nazarbaev Nursultan Abishuly. Zhyldar men ojlar [Years and thoughts]: zhinaq / qurast.: M. B. Qasymbekov, A. M. Moldagarinov, Q. N. Alimqulov ; «Nazarbaev ortalygy» kopfunkciyaly gyl.-taldamalyq zhane gumanit.-agartushylyq memleketik mekemesi. – Almaty: Almatykitap baspasy, 2013. – 349 b. [in Kaz.].

Сыздықов С.М.

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан

E-mail: satay14@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ИДЕЙ НЕЗАВИСИМОСТИ СТРАНЫ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ

Аннотация. В статье представлен обзор понятия «Мәңгілік ел» с точки зрения истории и философии различных эпох как национальной идеи, государственной идеологии. Но это не абстрактная мысль или научная новизна, а духовно-политическая позиция наших предков, идея, возникшая на основе их мировоззрения, сложившаяся на протяжении веков и впитавшая тюркские ценности. Основная цель работы – собрать большое количество

информации, связанной с историей и традициями, мировоззрением, материальной и духовной культурой народа в связи с древнейшим понятием «Мәңгілік ел» и ввести их в научный оборот. Наряду с общенаучными методами сравнения, дифференциации и обобщения в исследовательской работе использовались сравнительный метод, сравнительно-исторический, источниковедческий, палеографический, семантический и компонентный анализ, историко-сравнительный метод и способы обработки, сортировки, перевода. Новизна исследования заключается в том, что понятие «Мәңгілік ел» изучено с антропоцентрической точки зрения, исходя из ранее изученных национальных концептов. Результаты исследования также могут быть использованы в учебниках по истории Казахстана с точки зрения признания происхождения национальной идеологии. Казахское востоковедение, тюркология, кыпчаковедение имеют практический вклад исследования в составлении информационного фонда коренных этносов, предоставляют новые данные в определении этнокультурных отношений. Позднее понятие «Мәңгілік ел» расширилось и стало национально-культурной концепцией, объединяющей концепты «Мәңгілік», «Ел» «Өтүкен», «Жерұйық», «ізгі (қайырымды) қала».

Ключевые слова: Великая степь, Мәңгілік ел, понятие, идея, преемственность.

Syzdykov S.M.

L. N. Gumilev Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

E-mail: satay14@mail.ru

HISTORICAL SIGNIFICANCE OF THE COUNTRY'S INDEPENDENCE IN THE GREAT STEPPE

Abstract. «In the article, the ponyatiya "Mangilik El" was presented with the history and philosophy of different eras, such as national ideas, State ideologies." But this is not an abstract idea or scientific novelty, a spiritual and political position of our predecessors, an idea that is born on the basis of their world economy, is formed on the basis of the growth of bills and the introduction of the Turkish currency. "The main purpose of the work is to provide a large number of information, connected with history and trade, world economy, material and spiritual culture in connection with the customs treaty "Mangilik El" and to introduce them in scientific terms." The order with public methods of comparison, differentiation and coverage in research work was used by comparative methods, comparative historical, historical, paleographic, semantic and component analysis, historical and comparative methods and recommendations "I'm sorry," he said. "The novelty of research is that "Mangilik El" has been studied with anthropocentric directions, which are based on studied national concepts." The results of the study will also be used in students on the history of Kazakhstan from the moment of transition to national ideology. Kazakhstan's elevation, turcology, and climate have a practical application of research in the formation of an information background of ethnic groups, and provide new data in the resolution of ethnocultural issues. "Mangilik El" has been expanded by the national and cultural concept, which includes the concepts of «Mangilik», «El», «Atuken», «Zheruyik», «good (good) city».

Key words: great step, Mangilik El, ponyatiya, idea, preeminence.

Автор туралы мәлімет:

Сыздықов Сатай Мақсұтұлы, тарих ғылымдарының докторы, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің профессоры, Астана, Қазақстан.

Сведения об авторе:

Сыздыков Сатай Максұтович, доктор исторических наук, профессор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан.

Information about author:

Syzdykov Satay Maksutovich, Doctor of Historical Sciences, professor of L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.

Масимханулы Д.

Институт востоковедения имени Р.Б. Сулейменова, Алматы, Казахстан
E-mail: masimhan-63@mail.ru

СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена изучению содержания, особенностей и основных направлений востоковедческих исследований в Казахстане и мире. На основе анализа периодов исторического развития востоковедения в Западной Европе и странах Азии (главным образом Китае) автор приходит к выводу, что начавшееся на определенном этапе научно-технологическое отставание стран Азии от европейских держав логически привело и к более раннему складыванию востоковедческой науки в странах Запада. В работе исследуются также казахско-китайские дипломатические и этнокультурные контакты как один из важных факторов становления востоковедения в Казахстане. Автор дает комплексный анализ роли и места изучения истории и культуры стран Центральной, Восточной и Южной Азии, а также государств Юго-Западной Азии в деятельности Института востоковедения имени Р.Б. Сулейменова. Рассматривается и значение государственных программ («Рухани жаңғыру» и др.) в стимулировании научных исследований в области востоковедения в Казахстане. Цель данной статьи – проанализировать основные этапы исторического развития востоковедения в различных странах и регионах мира, а также направления научных исследований в области востоковедения в настоящее время в Казахстане. Для достижения поставленной цели в работе использовались главным образом диахронный и синхронный методы, предполагающие изучение определенного процесса в динамике и статике.

Ключевые слова: востоковедение, история востоковедения, востоковедческая наука в Казахстане, направления востоковедческих исследований, институт востоковедения.

Введение

Как известно, востоковедение есть наука, в рамках которой проводятся комплексные исследования истории, языка, культуры и современного состояния стран Востока. Его основой на начальном этапе являлись различного рода политические и экономические цели и интересы ведущих стран Западной Европы. Иными словами, складыванию востоковедческой науки способствовали факторы исторического, политического, экономического и т.д. характера. При этом следует особо отметить, что востоковедение зародилось именно в странах Запада вследствие политики подчинения и колонизации стран Востока империями Западной Европы [1; 2; 3; 4; 5; и др.]. В своем историческом прошлом под влиянием различных факторов политического свойства востоковедение прошло через сложные этапы развития.

Материалы и методы исследования

При написании данной статьи нами использовались диахронный и синхронный методы исследования, первый из которых предполагает изучение определенного явления или процесса, в данном случае востоковедения, в его историческом развитии, что позволяет выявить его определенные этапы. Второй метод в данном контексте играет позволяющий выявить факторы, влияющие на состояние в данном случае востоковедческой науки на современном этапе его развития.

Обсуждение

Работы, затрагивающие отдельные аспекты нашей темы, по их тематической направленности можно разделить на несколько групп. Прежде всего речи идет о теоретических проблемах востоковедческой науки в целом [1; 2; 3; и др.]. Часть научных трудов исследователей посвящена вопросам развития востоковедения в отдельных странах и регионах мира [4; 5; и др.]. Однако при всей многочисленности исследовательских работ в значительной степени вне поля исследователей остаются вопросы развития востоковедческой науки в Казахстане. Поэтому данная статья заполняет определенные лакуны в указанном аспекте.

Результаты исследования

Прежде чем говорить о состоянии, значении, целях и задачах востоковедения, в Казахстане, следует, как нам представляется, сделать краткий обзор основных этапов развития востоковедческой науки в целом. Становление востоковедения западные исследователи относят ко времени проведения церковного совета в Вене в 1312 году. Впоследствии в Париже, Оксфорде, Болонье, Авиньоне и Саламанке были созданы кафедры по изучению арабского, греческого языков, а также языка иврит. Через определенное время в целом возрос интерес Запада к странам Востока [1; 4; 5; и др.]. Ведущие державы Западной Европы организовывали с различными целями «экспедиции» в регионы Азии. В частности, западные «востоковеды» в качестве путешественников, торговцев, проповедующих миссионеров и др., проходили через Великую степь вплоть до древнетюркских памятников на Орхоне и Енисее, свидетельством чему являются источники по истории и культуре тюркских народов. Однако следует особо подчеркнуть, что до середины XVIII в. с академической точки зрения исследователей Востока называли не востоковедами, а «соискателями различных отраслей». Они выступали под именами «исследователей Библии», «исследователей семитских языков», «исследователей ислама», «картографов географии местности» и т.п. Достижение иезуитами Китая, привело и к складыванию синологии. Так, с конца XVIII до середины XIX в., шла колонизация Востока, однако не с точки зрения политико-милитаристской, а с научной и культурной. Этот период Эдгар Кине назвал «Ренессансом Востока». К середине XIX в. исследования стран Востока приобрели более масштабный и научный характер, что привело к складыванию на Западе востоковедческой науки. В частности, в период 1800–1950 гг. западными востоковедами было опубликовано около 6 тыс исследований по истории, культуре, географии и языкам Ближнего Востока. Однако при этом за аналогичный период практически отсутствуют исследовательские работы представителей стран Востока относительно стран Запада. Таким образом, в результате востоковедение получило бурное развитие. Этому способствовало и то, что в период XVIII–XIX вв. страны Западной Европы подчинили себе большую часть мира, в частности, страны Востока.

В настоящее время востоковедческая наука вступила в новый этап своего развития. В частности, сейчас находят свое проявление ряд следующих тенденций, а именно: 1) установление тесных связей между учеными-востоковедами стран Востока и Запада; 2) постепенное усиление позиций востоковедческих центров стран Азии; 3) расширение временного диапазона исследований: переход от изучения исключительно древневосточной культуры к изучению всех аспектов жизни современного Востока (политики, экономики, языка, религии, истории, литературы, культуры, военного потенциала, внутренней и внешней политики и др.); 4) расширение сопоставительных исследований стран Запада и Востока, что означало некую «диверсификацию» содержания самого востоковедения. В конечном счете имеющая более чем 400-летнюю историю востоковедческая наука все более превращается в комплекс дисциплин и направлений научных исследований. При этом с новой остротой встает проблема проведения междисциплинарных исследований. В мировом

масштабе важной научной проблемой является необходимость более системного и целенаправленного комплексного изучения стран Африки, Центральной, Южной и Юго-Восточной Азии.

В условиях процесса глобализации и региональной интеграции стран отдельных регионов мира возрастает интерес стран Востока и к изучению друг друга. Иными словами, меняется ракурс исследований. Так, в настоящее время страны Востока начали изучать друг друга с точки зрения своих интересов, а не с точки зрения отношения Запада к Востоку. Это особенно актуально для нашей страны: после обретения независимости, мы сосредоточились на стратегическом изучении стран Востока в контексте обеспечения собственных политических, экономических, военных, культурных и др. интересов. Таким образом, идет активное развитие отечественной востоковедческой науки [6; 7; 8].

Если рассматривать в целом, то востоковедческая наука развивалась и в Казахской ССР. Однако в Казахстане востоковедение не сразу выделилось в качестве самостоятельной науки. Объясняется это тем, что в Казахской ССР не сразу возникли условия для востоковедческих исследований. Поэтому востоковедов в Казахстане было не так много. Среди выдающихся специалистов этого направления можно указать сына великого Мухтара Ауэзова Мурат Ауэзов, сына писателя-фронтовика Кемеля Токаева – нынешний президента Касым-Жомарт Токаев, получивших высшее образование в области востоковедения. Тем не менее в Казахстане долгое время не было ни действующих научных центров, ни вузов, работающих в данной сфере, хотя и у истоков востоковедения в Казахстане стоял Шокан Уалиханов. Необходимость возрождения востоковедческой науки возникла незадолго до провозглашения независимости Казахстана. В 1989 году при поддержке Озбекали Жанибекова и при непосредственном содействии выдающегося ученого-востоковеда Абсатгара хаджи Дербисали при Казахского государственного университета им. С.М. Кирова (ныне КазНУ им. аль-Фараби) был создан факультет востоковедения [9; 10; 11].

После провозглашения независимости Казахстана встал вопрос установления дипломатических, торгово-экономических, политических, культурных и гуманитарных отношений со всеми странами мира, в том числе со странами Востока. Отсюда значительно возросла потребность и в проведении научных исследований. С этой целью на основании Постановления Правительства Республики Казахстан от 11 ноября 1996 года №1369 «О создании Института востоковедения» был создан Институт востоковедения имени Р.Б. Сулейменова.

Академик Рамазан Бимашевич Сулейменов был непосредственным участником создания Института востоковедения. В 1979 году работал заведующим отдела востоковедения при Институте истории, а позднее возглавил Институт истории, археологии и этнологии. Он отличился организаторскими способностями в сборе, составлении и выпуске материалов, касающихся казахов, из архивов КНР. Принимая во внимание научные достижения Р.Б. Сулейменова, его имя было присвоено Институту востоковедения в г. Алматы. С 1996 года Институт является фундаментальным научным центром Казахстана, который занимается исследованием стран Востока. Имеется все основания считать его уникальным научным центром, имеющего в масштабах СНГ свою нишу со своими значительными научными успехами. Об этом, в частности, свидетельствует отчет Пенсильванского университета (США) (2020 Global Go To Think Tank Index Report): Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова занял 43-е место при экспертизе работ около 100 научных центров Центральной Азии и Кавказа.

Любая наука в мире рождается из определенной общественной потребности. Например, если фундаментальная наука служит для того, чтобы принести жителям страны, даже в общечеловеческий мир, удобства, возможности для жизни, то гуманитарные науки, часто ищут ответы на вопросы о том, кем мы были вчера, где мы были, кто мы сегодня, каким

будет наше будущее. Иными словами, указывают путь нации, государству, выдвигают стратегические ориентиры. В данном случае историческая наука призвана анализировать жизненный путь наших предков с далеких времен, изучать «белые пятна» истории, систематизировать судьбы, пробуждать патриотические чувства, обобщать уроки прошлого и др. На плечи отечественной востоковедческой науки также возложены серьезные задачи. И тут встает вопрос о том, что что следует взять за основу при изучении Востока? При ответе на этот вопрос стоит, на наш взгляд, обратиться к опыту Китая.

В XVIII в. Абылай-хан поддерживал регулярные контакты с Цинской империей. Со смертью Абылай-хана Казахское ханство ослабло. Несмотря на то, что последний казахский хан Кенесары пытался восстановить Казахское ханство вооруженным путем, однако враг, проникший уже внутрь страны, такого шанса ему не дал. Таким образом, большая часть казахского народа оказалась под игом Российской империи, а часть – Цинской. При этом можно заметить, что и в период царской России, и в СССР 5–6 поколений нашего народа практически ничего не знали о Китае: для нас оставались загадкой история, культура, политика, психология, экономика, даже внешность китайцев, их национальный менталитет и ряд других вопросов. Хотя в советское время и изучалась география и мировая история, тем не менее мы имели лишь общие представления об этой стране. К тому же, с этим государством не поддерживались ни политические, ни дипломатические отношения. Для Казахстана крайне важно знать все открытые проекты и планы, цели и интересы Китая, имеющего с Казахстаном общую границу в 1750 километров, огромный демографический потенциал. Более того, в Китае живет около двух миллионов наших соплеменников. Ни для кого не секрет современное состояние 15 миллионов уйгуров, кыргызов, узбеков с родственными языками и общей верой. Какова цель и задача современной официальной пекинской фундаментальной стратегической программы под названием «Китайская мечта», «Один пояс – один путь»? Такие вопросы всегда актуальны и для национальной безопасности Республики Казахстан [12; 13; 14].

То же самое, как в случае с Китаем, можно говорить и о странах мусульманского Востока, в частности, арабских государствах [15]. Не секрет, что за 70 лет существования СССР наши отношения с исламским миром были разорваны практически полностью. Причем не только с арабскими странами. Мы были оторваны от Корана, наших мусульманских ценностей, нашей религии. Поэтому после обретения независимости на повестке дня стоял вопрос о необходимости исследования всех этих стран: их истории, культуры, современного социально-экономического положения, менталитета, внутренней и внешней политики и др. Все это оказалось требованием времени. Поэтому на государственном уровне сформировалась позиция, что изучением стран Востока должен заниматься один научный центр. А в задачи данного научного центра входят разработка научных концепций, предоставление научной информации о странах Востока органам государственной власти, населению страны в целом. Одним словом, главной целью и задачей востоковедческой науки является разработка научной основы и выработка полезных рекомендаций для двусторонних дипломатических отношений властей Казахстана со странами Востока. С этой точки зрения, если говорить о том, что другие гуманитарные науки несут в себе «научный и национальный» характер, то в востоковедении во главу угла ставится стратегический характер. Исламский мир сегодня – актуальная тем мировой геополитики. К примеру, мы считаем, что резкий рост религиозных сект в нашей стране, выросших, как грибы после дождя, есть результат нашего инертного отношения с арабским миром в первые годы независимости. Конечно, мы, как и другие народы Востока, тесно общались в свое время. В архивах арабских стран хранится немало ценных материалов, касающиеся нашей истории и культуры. Кроме того, арабский мир, как один из центров

исламской цивилизации, имеет свои национальные ценности. И все прогрессивное в их мире должно быть примером и для нас.

Изучение истории, культуры, языков стран Центральной Азии, Южного Кавказа и Передней Азии в целом, в особенности таких стран тюркского мира, как Азербайджан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан и Турция также является одним из приоритетных направлений Института востоковедения, что обусловлено близостью наших языков и культур и общей религией.

Важность исследования стран Южной Азии определяется наличием в непосредственной близости от границ Казахстана таких двух крупных в территориальном, экономическом, демографическом отношении региональных держав, как Индия и Пакистан. Следует отметить и возрастающее влияние Китая в данном регионе. Таким образом, обращение к актуальным вопросам истории, культуры и современного состояния означает необходимость, во-первых, правильное выстраивание мировой дипломатической платформы, предполагающей дружбу, добрососедство, мирное сосуществование со странами Востока, а во-вторых, всестороннего и постоянного обеспечения национальной безопасности.

На протяжении всей истории нашей страны были и потери, и достижения. После обретения независимости, мы не жалея сил, продолжаем восполнение этого пробела. Еще в период президентства Н.А. Назарбаева действовали научные программы по развитию востоковедческой науки. Среди них особенно показательна программа «Культурное наследие», в рамках которой осуществлялся сбор и извлечение из архивов по всему миру материалов, касающиеся истории казахского народа и Казахстана с древнейших времен до наших дней. Во исполнение данной программы Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова постоянно занимался сбором, переводом и изданием письменных и архивных материалов, имеющих отношение к нашей истории и культуре. Ранее огромная работа уже успешно проводилась под руководством известного ученого-востоковеда М. Абусейтовой. В результате были систематизированы, переведены и введены в научный оборот сотни томов архивных данных по казахской истории из архивов Китая, Саудовской Аравии, Монголии, Турции, России, Ирана и др. стран. Позднее эта работа продолжилась в рамках стратегических программ «Рухани жаңғыру» и «Архив-2025» под руководством академика Абсаттара хаджи Дербисали. При этом не стоит думать, будто Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова занимается лишь поиском исторических данных о казахах в архивах стран Востока. В настоящее время на Институт возложена также задача исследовать историю, культуру и современное состояние стран Востока.

Следует отметить, что будет не лишним вкратце остановиться на задачах и современном состоянии Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова. Приоритетными направлениями и основными задачами научно-исследовательской работы Института являются выявление, исследование и введение в научный оборот восточно- и западноевропейских письменных, архивных, устных материалов, артефактов по истории, религии и культуры народов Казахстана, стран Центральной Азии и других государств Востока; исследование состояния и перспектив сотрудничества и стратегического партнерства Казахстана со странами Азии; комплексное и системное исследование проблем взаимодействия политической, экономической, этнокультурной систем стран Востока и Запада; изучение и анализ политико-экономических и историко-культурных аспектов трансформации в восточном обществе, связанные с современными процессами глобализации и регионализации; сравнительный анализ межэтнических, межконфессиональных и межкультурных процессов в контексте диалога «Мусульманский мир – Запад»; сравнительный анализ многообразия моделей развития внутри Азии («Восток – Восток»), а также Востока и Запада.

С каждым годом растет научный потенциал Института. Так, только в 2020 году, сотрудники Института опубликовали 157 научных работ, из них: 12 монографий, 3 сборника материалов конференций, 1 хрестоматию, 1 аналитический разбор, 141 научных статей, из которых издано за рубежом – 19, статьи в журналах с импакт-фактором из базы данных Scopus и Web of Science – 10, в журналах, рекомендованных КОКНВО – 15, в отечественных научных журналах – 76.

В 2020 году был официально запущен собственный сайт Института в новом формате на трех языках (казахский, русский, английский). Регулярно издается научный вестник «Shygys». Ученые Института постоянно поддерживают контакты с ведущими СМИ страны («Егемен Қазақстан», «Казахстанская правда», телеканалы «Казахстан», «Хабар», «Туран ТВ» и интернет-порталы), дают отклики на различные инициативы руководства страны и президента К-Ж. Токаева.

Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова имеет широкую сеть международных научных связей, необходимых для выполнения проектов в рамках грантового и программно-целевого финансирования научных исследований. В частности, речь идет о сотрудничестве с исследовательскими организациями КНР (Первый исторический архив, Институт исследований Восточной Европы, России и Центральной Азии), Великобритании (форум Центральноазиатских исследований при Кембриджском университете), Монголии (Институт международных исследований, Международный институт кочевых цивилизаций), Германии (Немецкий институт востоковедения), Чехии (Институт этнологии Чешской АН), Франции (Французский институт центральноазиатских исследований, Институт Сорбонна-Казахстан), США (Университет Висконсин-Мэдисон), Узбекистана (Институт востоковедения им. А.Беруни, Ташкентский государственный университет востоковедения), Таджикистана (Институт истории, азиатских исследований), Бельгии (Лувенский Католический университет), а также России (Институт востоковедения РАН, Санкт-Петербургский Институт восточных рукописей). Планируется расширение контактов и научных связей с Гуманитарной академией наук КНР, Институтом востоковедения Шанхайского университета КНР, Институтом востоковедения Грузии, Центром международных и региональных исследований Джорджтаунского университета в Катаре (CMRI, Доха, Катар) и Институтом стратегии и лидерства Азии (Куала-Лумпур, Малайзия). В Плане развития Института на 2021–2025 гг., особое внимание уделяется вопросу дальнейшего изучения стран Востока. Все поставленные цели реализуются на основе научных проектов. Институт востоковедения планирует ежегодно на постоянной основе разрабатывать 10–15 научных проектов, а также предлагать 2–3 программы целевого финансирования. Мы ранее уже говорили и еще раз повторим: ни в одной стране, ни одна наука, не будет процветать без поддержки государства.

Заключение

В условиях нового этапа модернизации, стоящем перед страной, для дальнейшей активизации отечественной востоковедной науки, необходима поддержка государства в вопросах усиления связей со странами мира (в том числе странами Востока), привлечения к деятельности профессиональных, квалифицированных, молодых специалистов, достойного решения проблемы воспроизводства и финансирования научных проектов. Только тогда наши цели, планы и проекты будут успешно и последовательно реализовываться.

Литература:

1. Turner B.S. Orientalism, or the politics of the text // Interpreting Islam / Ed. by Donnan H. L.etc., 2002. P. 20–31.

2. Ульянов М.Ю. Иоганн Герике (1798–1857) как основоположник академической яванистики: второй период творческой деятельности (1837–1848) // Вестник Московского университета. 2022. Сер. 13. Востоковедение. № 3. С. 108–132.
3. Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А. Возникновение и развитие корееведения в США The rise and development of korean studies in the USA // Корееведение в России: направление и развитие. 2022. Т. 3. № 1. С. 117–121.
4. Кузьмин Ю.В. Чешское монголоведение: персоналии, центры, современное состояние // Российско-китайские исследования. 2021. Т. 5. № 3. С. 185–191.
5. Стеженская Л.В. Первые переводы «Шан шу» на европейские языки (XVI–XVIII вв.) The First «Shang Shu» Translations into European Languages // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 8. С. 183–187.
6. Шеремет В.И. О принципах и задачах архивного востоковедения // Восточный архив. 2008. № 18. С. 5–14.
7. Янова М.В. Проблемы историографии современного востоковедения // Вестник ОГУ. 2014. № 11 (172). Ноябрь. С. 233–237.
8. Калимонов И.К., Мартынов Д.Е. Фазовая теория И.М. Дьяконова: востоковедение и осмысление хода мировой истории // Ученые записки Казанского государственного университета. 2006. Т. 148. Кн. 4. С. 7–23.
9. Тулеубаева С.А. К истории арабистики в Казахстане // Арабистика Евразии. 2018. № 4. Декабрь. С. 88–102.
10. Тулеубаева С.А. Памяти российского востоковеда казахского происхождения // Арабистика Евразии. 2019. № 5. Март. С. 16–18.
11. Каримова Р.У. Центр уйгуроведения Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова: история становления и развития // Мир Большого Алтая. 2016. 2(2.2). С. 316–324.
12. Василенко В.А., Кузьмин Ю.В. История и современное состояние российского и мирового монголоведения: состояние и перспективы проекта // Baikal Research Journal: электронный научный журнал Байкальского государственного университета. 2022. Т. 13. № 2.
13. Янова М.В. Новые исследования неографии: актуальные проблемы архивного востоковедения (на примере современного источниковедения региональной истории Калмыкии) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 5. Ч. 2. С. 108–119.
14. Ли Цзинчэн Россия и Китай в экономическом сотрудничестве со странами БРИКС // Modern oriental studies. 2019. № 1. Т. 1. С. 55–58.
15. Ал-Вири М. Изучение ислама на Западе. М.: Сандра, 2016. 324 с.

References:

1. Turner B.S. Orientalism, or the politiss of the text // Interpreting Islam / Ed. by Donnan H. L.etc., 2002. P. 20–31. [in Eng.]
2. Ulyanov M.Yu. Iogann Gerike (1798–1857) kak osnovopolozhnik akademicheskoy yavanistiki: vtoroy period tvorcheskoy deyatelnosti (1837–1848) [Johann Guericke (1798–1857) as the founder of academic Javanese studies: the second period of creative activity (1837–1848)] // Vestnik Moskovskogo universiteta. 2022. Ser. 13. Vostokovedeniye. № 3. P. 108–132. (in Rus.)
3. Martynov D.E., Martynova Yu.A. Vozniknoveniye i razvitiye koreyevedeniya v SShA [The rise and development of korean studies in the USA] // Koreyevedeniye v Rossii: napravleniye i razvitiye. 2022. T. 3. № 1. P. 117–121. [in Rus.].

4. Kuzmin Yu.V. Cheshskoye mongolovedeniye: personalii, tsentry, sovremennoye sostoyaniye [Czech Mongolian studies: personalities, centers, current state] // Rossysko-kitayskiye issledovaniya. 2021. T. 5. № 3. P. 185–191. [in Rus.].
5. Stezhenskaya L.V. Pervye perevody «Shan shu» na evropeyskiye yazyki (XVI–XVIII vv.) [The First «Shang Shu» Translations into European Languages] // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 8. P. 183–187. [in Rus.].
6. Sheremet V.I. O printsipakh i zadachakh arkhivnogo vostokovedeniya [On the principles and objectives of archival oriental studies] // Vostochny arkhiv. 2008. № 18. P. 5–14. [in Rus.].
7. Yanova M.V. Problemy istoriografii sovremennogo vostokovedeniya [Problems of historiography of modern oriental studies] // Vestnik OGU. 2014. № 11 (172). Noyabr. P. 233–237. [in Rus.].
8. Kalimonov I.K., Martynov D.E. Fazovaya teoriya I.M. Dyakonova: vostokovedeniye i osmysleniye khoda mirovoy istorii [Phase theory I.M. Dyakonova: Oriental studies and understanding the course of world history] // Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2006. T. 148. Kn. 4. P. 7–23. [in Rus.].
9. Tuleubayeva S.A. K istorii arabistiki v Kazakhstane [On the history of Arabic studies in Kazakhstan] // Arabistika Yevrazii. 2018. № 4. Dekabr. P. 88–102. [in Rus.].
10. Tuleubayeva S.A. Pamyati rossyskogo vostokoveda kazakhskogo proiskhozhdeniya [In memory of the Russian orientalist of Kazakh origin] // Arabistika Yevrazii. 2019. № 5. Mart. P. 16–18. [in Rus.].
11. Karimova R.U. Tsentr uygurovedeniya Instituta vostokovedeniya im. R.B. Suleymenova: istoriya stanovleniya i razvitiya [Center for Uighur Studies of the Institute of Oriental Studies named after. R.V. Suleimenov: history of formation and development] // Mir Bolshogo Altaya. 2016. 2(2.2). P. 316–324. [in Rus.].
12. Vasilenko V.A., Kuzmin Yu.V. Istoriya i sovremennoye sostoyaniye rossyskogo i mirovogo mongolovedeniya: sostoyaniye i perspektivy proyekta [History and current state of Russian and world Mongolian studies: status and prospects of the project] // Baikal Research Journal: elektronny nauchny zhurnal Baykalskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. T. 13. № 2. [in Rus.].
13. Yanova M.V. Novye issledovaniya neografii: aktualnye problemy arkhivnogo vostokovedeniya (na primere sovremennogo istochnikovedeniya regionalnoy istorii Kalmykii) [New studies of neography: current problems of archival oriental studies [on the example of modern source studies of the regional history of Kalmykia] // Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl. 2015. T. 7. № 5. Ch. 2. P. 108–119. [in Rus.].
14. Li Tszinchen Rossiya i Kitay v ekonomicheskom sotrudnichestve so stranami BRIKS [Russia and China in economic cooperation with the BRICS countries] // Modern oriental studies. 2019. № 1. T. 1. P. 55–58. [in Rus.].
15. Al-Viri M. Izucheniye islama na Zapade [Study of Islam in the West]. M.: Sandra, 2016. 324 p. [in Rus.].

Мәсімханұлы Д.

*Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты, Алматы, Қазақстан
E-mail: masimhan-63@mail.ru*

ШЫҒЫСТАНУ ҒЫЛЫМЫНЫҢ МӘНІ ЖӘНЕ МАҢЫЗЫ

Аңдатпа. Мақала Қазақстандағы және дүние жүзіндегі шығыстану ғылымының мәнін, ерекшеліктерін және негізгі бағыттарын зерттеуге арналған. Батыс Еуропа мен Азия елдеріндегі (негізінен Қытайдағы) шығыстану ғылымының тарихи даму кезеңдерін талдап,

автор Азия елдерінің белгілі бір кезеңде Еуропадағы күшті мемлекеттерден ғылыми-технологиялық тұрғыдан артта қалуы қисынды түрде шығыстану ғылымының да Азия елдерінен гөрі Батыс елдерінде бұрынырақ қалыптасуына әкелді деген тұжырым шығарады. Автор Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институтының қызметіндегі Орталық, Шығыс және Оңтүстік Азия елдерінің, сондай-ақ Оңтүстік-Батыс Азия мемлекеттерінің тарихы мен мәдениетін зерттеудің орны мен рөліне кешенді түрде талдау жасайды. Соған қоса, мақалада Қазақстандағы шығыстану саласындағы ғылыми зерттеулерді ынталандырудағы мемлекеттік бағдарламалардың («Рухани жаңғыру» және т.б.) маңыздылығы да қарастырылады. Бұл мақаланың мақсаты – әлемнің әртүрлі елдері мен аймақтарындағы шығыстанудың тарихи дамуының негізгі кезеңдерін, сонымен қатар қазіргі уақытта Қазақстанда жүргізіліп жатқан шығыстану саласындағы ғылыми зерттеулердің бағыттарын талдау. Бұл мақсатқа жету үшін жұмыста негізінен белгілі бір процесті динамика мен статикада зерттеуді көздейтін диахрондық және синхрондық әдістер қолданылды.

Кілт сөздер: шығыстану, шығыстану ғылымының тарихы, Қазақстандағы шығыстану ғылымы, шығыстану ғылымы аясындағы зерттеулер бағыттары, шығыстану институты.

Masimhanuly D.

R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan

E-mail: masimhan-63@mail.ru

THE ESSENCE AND SIGNIFICANCE OF ORIENTAL STUDIES

Abstract. The article is devoted to the study of the content, features and main directions of oriental studies in Kazakhstan and the world. Based on an analysis of the periods of historical development of Oriental studies in Western Europe and Asian countries (mainly China), the author comes to the conclusion that the scientific and technological lag of Asian countries from the European powers that began at a certain stage logically led to the earlier development of Oriental science in Western countries. The work also examines Kazakh-Chinese diplomatic and ethnocultural contacts as one of the important factors in the development of oriental studies in Kazakhstan. The author provides a comprehensive analysis of the role and place of studying the history and culture of the countries of Central, East and South Asia, as well as the countries of South-West Asia in the activities of the Institute of Oriental Studies named after R.B. Suleimenov. The importance of government programs (“Rukhani Zhangyru” – “Modernization of public consciousness” and others) in stimulating scientific research in the field of Oriental studies in Kazakhstan is also considered. The purpose of this article is to analyze the main stages of the historical development of Oriental studies in various countries and regions of the world, as well as the directions of scientific research in the field of Oriental studies currently in Kazakhstan. To achieve this goal, the work used mainly diachronic and synchronous methods, involving the study of a certain process in dynamics and statics.

Key words: oriental studies, history of oriental studies, oriental science in Kazakhstan, directions of oriental studies, institute of oriental studies.

Сведения об авторе:

Масимханұлы Дүкен, доктор филологических наук, профессор, Институт востоковедения имени Р.Б. Сулейменова, Алматы, Казахстан.

Автор туралы мәлімет:

Мәсімханұлы Дүкен, филология ғылымдарының докторы, профессор, Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты, Алматы, Қазақстан.

Information about author:

Massimkhanuly Duken, Doctor of Philological Sciences, Prof., R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan.

Kaihe Aisingioro

Ritsumeikan University, Kyoto, Japan

E-mail: wesihunerdemunggeidoro@gmail.com

THE RESEARCH ON MANCHU SOCIAL AND CULTURAL HISTORY IN THE HISTORY OF THE QING ERA, AND ITS STRUCTURE

Abstract. The Manchu rule during the Qing dynasty played a significant role in shaping the social and cultural landscape of China. This research aims to examine the various aspects of Manchu society and culture during this era, shedding light on its impact on Chinese history.

The study employs a multidisciplinary approach, integrating historical records, archival sources, and ethnographic studies to provide a comprehensive analysis of Manchu social and cultural history. It explores topics such as the Manchu nobility, gender roles, religion, and the interplay between Manchu and Chinese cultures.

The research starts by providing a historical background of the Qing dynasty and the rise of the Manchu rulers, highlighting their distinct traditions and customs. It then delves into the hierarchical structure of Manchu society, examining the roles and responsibilities of different social classes and their interactions.

Key words: Manchu, Qing Era, Social History, Cultural History, Han Chinese

Introduction

It is important to explain the necessity of Manchu Cultural History Studies. Whether the academic circle or the public, only a few people really know what the Manchu and the Qing Empire era is. Almost twenty years ago, I mentioned most people did not know the significance of Manchu society, which means when they researched Qing-era topics, they could not divide the Manchu but viewed Manchu as Chinese people. For example, worldwide, most of the academic works of Qing literature study did not highlight the Manchu and their literature works. We know that Manchu left literature works in both Manchu scripts and Chinese scripts, however, many researchers did not recognize the society and culture of Manchu are extremely different from the Han Chinese culture. As a result, some literature research about the Qing era did not mention Manchu. In addition, people tend to use "Chinese" to refer to everyone under the Qing Empire.

Materials and research methods

When conducting research on the social and cultural history of the Manchu during the Qing era, a diverse range of materials was gathered and following research methods were used:

1. **Primary Sources:** primary sources such as historical documents, personal diaries, official records, and correspondences written during the Qing dynasty. These sources provided firsthand accounts of the Manchu social and cultural practices and shed light on various aspects of their lives.

2. **Qing Dynasty Archives:** the archives of the Qing dynasty, which contain a wealth of information regarding the administrative structure, policies, and regulations related to the Manchu society and culture. These archives often cover topics like governance, taxation, land ownership, social classes, marriage customs, and ethnic relations.

Methods:

1. **Archival research:** This involves examining primary source materials such as official records, letters, diaries, and other documents from the Qing dynasty. These sources provided valuable insights into Manchu social and cultural practices, as well as the broader historical context.

2. Comparative analysis: Comparing Manchu social and cultural practices with those of Han Chinese or other ethnic groups during the Qing era could help identify similarities, differences, and potential influences or interactions. This method facilitated understanding the uniqueness of Manchu society within the larger Qing dynasty context.

3. Visual analysis: Analyzing visual sources such as paintings, illustrations, and photographs from the Qing era can provide visual evidence of Manchu social and cultural practices or representations. This method can help understand the material culture, clothing, rituals, and ceremonies of the Manchu people.

4. Ethnographic research: Conducting fieldwork and participant observation in regions with a significant Manchu population can provide firsthand experience and understanding of contemporary Manchu social and cultural practices. This approach allows for an exploration of continuities and changes in Manchu identity and traditions over time.

Research results

Who are Manchus?

Manchu, originally called Manju. It is a military group which established by the Jianzhou Jurchen Nurhachi family. As for the raise up of Nurhaci and his regime, Jurchen regime enlarge rapidly. Manchu Bannermen system is not pure Jurchen people collection, because the population of Jurchen is few. Bannermen come from different culture or countries, they include Jurchens, Han Chinese, Eastern Mongols, Soloho from the Korea peninsula, Cossack, even Eastern Tibetan people, and even few Central Asia Muslim. the Jurchen elite created a new ethnic group, named it as Manchu. From 1644 to 1912, Manchu Bannermen society ruled by Jurchen rulers and almost all the bannermen and their family were organized and educated in Jurchen style, but in some how each banner or ethnic group inside of Bannermen society allowed to hold their national believe. So, we see the culture of Manchu is a highly complex collection of multi-ethnic and multi-racial people who are unified in their hairstyles, clothing, and ideologies into a Jurchen-style self-perception, also known as Manju. The racial composition, culture, and ideology of the Manch are quite different from all others. Qing Empire eras take more than 200 years to recreate this new ethnic group away from the Han Chinese, Mongol, Soloho or any other culture system. All the people under the Banner Man system were Jurchenized and reset their religion and social life. Manchus cannot simply understand as Chinese in the Qing history studies.

Why must we know it?

The circle of Qing history study did not have enough research on Manchu Social Culture. In the past hundred years, most of the research was concentrated on the Political system and relative fields based on the original Qing government documents. Additionally, the contemporary public social understanding of the Qing Empire did not match the reality of the Manchu Social Culture and their ideology. Most people be educated to know that the Manchu is Chinese, and their culture is nothing different from the Chinese culture. However, this is not true. Until today, only a few researchers pay attention to the core cultural significance of the Manchus, and this made the Qing history studies and the public opinion of the Manchu directed to a crossroads. I argue that it is necessary to let people know what the nature of Manchu and its culture is. Manchu's culture is a highly complex product, Manchu society is highly integrated with shamanism, Taoism, Buddhism, and Guan Gong worship. In terms of visual and cultural characteristics, the bannermen are completely naturalized as Jianzhou Jurchen, including clothing, hats, hairstyles, diet, housing, and daily living. What is even more incredible is that the social status of women in Bannerman society has almost completely inherited the cultural traces of matriarchal clan society in Jianzhou Jurchen society. Especially the West urban Three Manchu Camps of around the Summer Palace succeeded the original Jurchen social culture life. Not like the Manchu elite ladies live in the Beijing city, Manchu women in these camps have high social status.

I don't mean to be sensational, but it is a fact that very few scholars recognize the importance of this to satisfying social studies. There is no doubt that Manchu society is not a matrilineal clan society, but the social character of the women in the Western Three camps of Beijing city has these extremely unique matriarchal clan social characteristics.

The Unique parts of Manchu culture

I am going to introduce my personal research of Manchu Social Culture in three, Manchu women, Manchu folktales, and pluralistic beliefs. These is the most significant part of Manchu culture, and it shaped the Manchu ideology ideed.

1, Women's social status

Most people may think Manchu society is patriarchal society. Because most of research of the Qing and Manchu were based on Qing government official documents. In the west part of old Beijing city, there have three Manchu camps settle away from the big city life.

West Urban Three Manchu Camps of Beijing

1, Ladder Special Forces Camp

2, Firearms Camp

3, Winter Palace Guards Camp

All these three camps have independent castle to keep the distance from local Han Chinese and relative social life. This is a very unique decision of the Manchu ruling class. To compare with the Bannermen who live in the Beijing city, West three camp always mention intact Jurchen social customs. The purpose of staying away from the hustle and bustle of the city is to keep them brave and capable of fighting, which is far stronger than the Eight Banners in the city. Another main purpose is to preserve the original state of Jurchen culture and prevent it from being invaded and disturbed by the outside world. Although they are banner people, culturally they completely inherit all the social and lifestyles of the Jianzhou Jurchens. The Manchu women in these three camps are famous in Banner society for their prowess. This does not refer to a bad temper, but to a high status in the family and society. This unique but unknown social phenomenon lasted from the Qing army's occupation of Beijing until around 1927.

The Manchu aristocrats in Beijing not only had a marriage bond with the Mongolian vassal that lasted for more than 260 years, but also regarded marrying the daughter of the general of the three Manchu camps as an important fundamental tradition to consolidate power and build trust among ethnic groups. These are not stated in official archives, so only truly attentive scholars will slowly sort out this subtle internal Manchu marriage custom by reading many official archives.

Manchu women in three Manchu camps in the western suburbs not only had high social and family status before marriage, but also enjoyed privileges in their husband's family after marriage and when they married into Beijing. Moreover, the Manchu elite living in Beijing were relatives of the emperor's family. Even so, when the wife's family of these three camps came to visit, the husband's family would be very polite to the wife's family.

2, Master-slave relationship

Regarding the master-slave relationship within Manchu society, few people have mentioned it in advance research, and even if it is mentioned, it is only mentioned briefly without going into depth. The reason is that the academic community does not have sufficient documentation on Manchurian social life. This has seriously hindered and blocked the academic community's understanding of Manchu culture. For a hundred years, studies on Manchu culture have mostly focused on linguistics, memorial systems, and political systems. Because these studies can be obtained directly by reading the archives.

Booi

Manchu culture is the continuation of Jurchen culture, and the Jurchen master-servant relationship can also be studied comparatively. Bannerman society has domestic slaves regardless of social status. The first generation of slaves came from the following channels: First, they were

directly captured in war. 2. Obtained by being rewarded for meritorious service. Third, come and seek refuge voluntarily. The above three types will occur in different historical periods, completely determined by the owner's performance in the military or political achievements.

The unique point of the master-slave relationship in Manchuria is that the first generation of slaves can get married and have children, and the children born to them, both male and female, become servants of the master's family. As time goes by, second- and third-generation slaves will become like family members to their masters, and they will never leave each other. Many slaves from a long-standing family are extremely thoughtful about their master's affairs. These people are called Booi by the banner people. The relevant research on Booi is extremely limited, but in fact it is another extremely important component of Manchu social culture. I will talk about Booi later when I talk about the creation of literary works.

Sula

Sula means a person who works informally. Unlike Booi, Sula does not necessarily enjoy the privileges of bannermen. Because Booi lives with his master, even though they doesn't eat or sleep together, their relationship with his master is like family. Sula mostly provides temporary or irregular logistics services for the owner's daily life or even on expeditions. Most are recruited locally, but so far, no specific research on Sula has been published. Sula's status in Manchurian social life cannot be ignored. They have various people recruited locally by the bannermen garrisoned in various places. Except for the western suburbs of Beijing, Sula provides services all over Manchuria and wherever Manchurian soldiers go. Their presence is a research field worthy of development in understanding Manchu social culture from a three-dimensional and multi-dimensional perspective.

Land Territory of Manchu elite.

Before Huang Taiji changed his clan's name, the Jurchen nobles had already annexed a large amount of land in their homeland. After the capital was moved to Beijing in 1644, 80% of the Manchus immigrated to Beijing. As the political center that symbolized imperial power, Beijing and its surrounding vast areas became the scope of land annexation by Manchu nobles. After the Manchus moved their capital to Beijing, the surrounding landowners took the initiative to donate land to the new conquerors one after another and relegated themselves to the status of tenant farmers to farm and pay rent for the new owners.

So far, there has been almost no research related to Bannermen's estates. The reason is the same as above. Without consistent family historical materials as a basis, it is difficult to sort out the family-based land sales and use contract files from the huge government archives. As most scholars who have studied criminal litigation cases in Mongolia during the Qing Dynasty have said, it is difficult to sort out the changes in a family's land sales without a clue. Therefore, the current research on aristocratic land sales during the Qing Empire is fragmented due to the lack of original family historical materials.

3, Faith

Some people say that the Manchus believe in Buddhism, others say that it is Tibetan Buddhism, and some even say that the Manchus believe in shamanism. None of this is true. Due to the complex characteristics of its members, the Bannerman society established by the Jurchen nobles has an extremely complex phenomenon of highly integrated religious beliefs. I called it highly complex multi-religious coexistence.

From the perspective of people, I argue that it can be divided into three classes: royal faith, noble faith, and general banner people's faith. Since Huang Taiji promulgated the official decree banning shamanic beliefs, all banner people have entered three relatively independent stages of forming their beliefs. To let the Han Chinese people, associate their ethnic group and political power with the historical Jin Dynasty, the royal family decisively banned shamanism and publicly announced that the Manchu emperor believed in Tibetan Buddhism to win over the leaders of

various Mongolian tribes and Tibetan political and religious leaders. However, when the Eight-Power Allied Forces entered Beijing in 1900, they accidentally discovered facilities used to secretly worship shamans and gods in the Forbidden City. From this, we can know the true religious belonging of the Manchu emperor.

The Manchu royal family all lived in Beijing, and many people studied Buddhism and Taoism. Some even used their work to learn Western theology from Western missionaries. Banner people in general, especially those in the West Three Camps, are educated as a group with highly complex religious traits. Before going on an expedition, they had to worship Guan Gong, and their daily lives were filled with elements of shamanistic culture. They also gradually accepted local Taoist culture and Han Buddhism.

Among the bannermen were some surrendered Cossacks. They were incorporated into the independent left collar and even enjoyed the privilege of going to the Orthodox church in Beijing to attend mass. In addition, Tibetan prisoners captured in battles with the Qing army in western Sichuan were later sent to Beijing and placed in the Ladder Special Operations Brigade mentioned earlier. They seemed to be assimilated by the bannermen much faster than those of the Cossacks.

I argue that at least until the middle and late Qing Dynasty, Bannerman society was separated by native ethnic groups, just like the Jurchen aristocrats who first divided New Manchu and Old Manchu. Then there are three big groups: Manju Jakun gusa, Mongol Jakun gusa, and Nikan Jakun gusa. Koreans, Cossacks, Tibetans, and Muslims were allocated to Manju Jakun gusa or Mongol Jakun gusa due to the planning period.

1, Shamanism

Secret Imperial Faith. Manju gusa Bannermen society

2, Nikan public believe such as Guanyu,

Nikan Jakun Gusa believe

3, Daoism

Beijing Four Niangniang believe Ex: Miaofengshan

4, Tibet Buddhism

Political Believe

5, Eastern Orthodoxy

Minority Cossack surrender Bannermen's believe.

6, Han Chinese Culture

Faith of Guanyu

4, Myths, Legends, Folk Literature

Regarding myths and legends, it must be said that the oral literature circulated in remote places in Manchuria's hometown is more representative of the origin of its culture. I focus on reinterpreting *Nishan Saman I Bithe* using research methods from different disciplines. The original Manchu version of this story has been studied by many scholars in the past, but I focus on analyzing the Jurchens' spatial concept understanding of the world of humans, ghosts, and gods. At the same time, I also used linguistics and music knowledge to analyze the usage patterns and meanings of each chord before dialogue and negotiation.

5, Literature Works

Regarding literary works, in fact, to the many officially edited multilingual dictionaries and native language textbooks, Beijing Manchu aristocrats in the middle and late Qing Empire had begun to use Chinese to record and edit many novels or poetry collections that were closely related to their own lives. These private manuscripts are all-encompassing and full of Banner culture. Take the world-famous novel *Dream of Red Mansions*, for example. The author is the grandson of Emperor Elhe Taifin's wet nurse. Due to family misfortunes, he was exiled to a Manchu barracks in the western suburbs of Beijing. He wrote this book about his family and the first half of his life.

Twenty years ago, I began to analyze the descriptions in this book to see how the women's clothing and interpersonal names fit in with the banner people's culture.

But now the relevant film and television works package the story into Ming Dynasty costumes and hairstyles. There are also very few scholars around the world who identify the culture described in this book as Banner culture. This is especially true among the people. Most general readers only think of him as an integral part of traditional Chinese Han culture.

The dream of Red Mansion

- Clothing/ Weaponry
- Food Culture
- Residence
- How to go out

Silingioro Taiqing and her works and Hosoi Derengge Prince Family Documents are also detailed first-hand historical materials that record the life of Manchu nobles in the Qing Empire. These descriptions of the daily life of a group are the key to in-depth analysis of Manchu Ideology. The research on Social Culture Studies of Manchu is a key of Manchu culture and ethnic self-awareness. It may help us to know how Manchu culture and its ideology works on its Policy Making. And, moreover, this research could also let us the revisit the geo-politics of the East Asia.

Results

There are only two jobs for Manchu bannermen: serving in the imperial court or serving in the army. No matter how high the husband's official title is, when he returns home, he will never boss his wife around like the Chinese, Koreans, Mongolians or Japanese. On the contrary, the wife is the central figure who controls everything in the family. When it comes to family matters, men only listen.

Almost no scholars have paid attention to this point in the past hundred years. Because of the limitations of scholars' nationality or cultural attributes, there has been no in-depth research. Another main reason is that they do not have relevant literature resources. I brought up this Manchu cultural phenomenon for the first time in some academic conference, and the audience burst into sarcastic laughter. Because it's not that Manchurians don't understand Manchurian affairs.

As an important part of the social culture of the Beijing Banner people, the social phenomenon of the superiority of women in West three camps must be studied. Because the establishment of the Manchu regime and political decision-making are inseparable from powerful women and family life culture.

Conclusion

The cultural significant of Manchu is unique, we cannot simply understand Manchu as Chinese on Qing era studies. Manchu, or called Bannermen society have their specific ideology, and that works on their daily social life, furthermore it influent the policy making of the Empire. No body mentioned about Manchu women and their social status, I promise that you may have a different understanding to the Qing history and Manchus if you keep read my following research. This new viewpoint may also help the scholars in the Central Asia to revisit Manchu and its time.

Manchu is a weak small ethnic group, to know Manchu's culture my open you a window to realize that how Manchu can established a huge Empire for 269 years. Not because I can do it, but because I use my specific analysis to revisit the Manchu and its Culture by using multiple types of research to provide a more objective and concrete ideology of Manchu. I will not work independently, find me on Researchmap, and let's work together!

References:

1. The Composition of the Empire and the cultural anthropological nature of the Ch'ing's

ruling class: A case study of the Manju women. Шығыстану сериясы. №2 (97) Al-Farabi National University. 2021.

2. Manju Noble and Western Civilization: A Case Study of Prince Hoşoi Delengge Family. Kazakhstan National Pedagogical University named after Abai BULLETIN. Journal of Historical and Socio-Political Sciences. VOL.1. 2021, March. ISSN1728-5461. 2021.

3. The cultural interpenetration between the Elite women of Manchu and Han Chinese: A case study of SirinGioro Chun and her Chinese women friends. Asia Pacific Conference 2021. Diversity and Inclusion. Dec4-5, 2021. APU, Beppu, Oita, Japan.

4. THE BOUNDARY BETWEEN HELL AND HEAVEN IN THE “NIŞAN SAMAN I BITHE” Россия и Китай на дальневосточных рубежах Народы и культуры Северо-Восточного Китая Вып. 13 Благовещенск, 2020.

5. THE GHOST AND GOD WORLDS STRUCTURE IN THE “NIŞAN SAMAN I BITHE”. Russia, THE 3th INTERNATIONAL TUNGUS CONFERENCE “SOCIAL INTERACTIONS, LANGUAGES, LANDSCAPES (EVENKS, EVENS, OROCHEN AND OTHER ETHNOSES)” June 14–16, 2019.p222–234. Blavischensk. Amur National University.2019.

6. THE GHOST AND GOD WORLDS STRUCTURE IN THE “NIŞAN SAMAN I BITHE”. Russia, THE 3th INTERNATIONAL TUNGUS CONFERENCE “SOCIAL INTERACTIONS, LANGUAGES, LANDSCAPES (EVENKS, EVENS, OROCHEN AND OTHER ETHNOSES)” June 14–16, 2019.p222–234. Blavischensk. Amur National University.2019.

7. A Brief introduction of Manchu documents related with Kazakhstan. Social and Cultural Research Group Seminars. Eurasian Research Institute. Almaty, Kazakhstan, April 2019.

Кайхэ Айсин Джиоро

Университет Рицумейкан, Киото, Япония

E-mail: wesihunerdemunggeidoro@gmail.com

ЦИН ДӘУІРІ ТАРИХЫНДАҒЫ МАНЧЖУ ӘЛЕУМЕТТІК-МӘДЕНИ ТАРИХЫНЫҢ ЗЕРТТЕЛУІ, ОНЫҢ ҚҰРЫЛЫМЫ

Аңдатпа. Цин әулеті кезіндегі маньчжур билігі Қытайдың әлеуметтік және мәдени ландшафтының қалыптасуында маңызды рөл атқарды. Бұл зерттеу осы дәуірдегі маньчжур қоғамы мен мәдениетінің әртүрлі аспектілерін зерттеуге, оның Қытай тарихына әсерін анықтауға бағытталған.

Зерттеу маньчжур әлеуметтік және мәдени тарихын жан-жақты талдау үшін тарихи жазбаларды, мұрағаттық дереккөздерді және этнографиялық зерттеулерді біріктіретін көп салалы әдісті қолданады. Ол маньчжур тектілігі, гендерлік рөлдер, дін және маньчжур мен қытай мәдениеттерінің өзара әсері сияқты тақырыптарды зерттейді.

Зерттеу Цин әулетінің және маньчжур билеушілерінің көтерілуінің тарихи алғышарттарын беруден, олардың ерекше дәстүрлері мен әдет-ғұрыптарын көрсетуден басталады. Содан кейін ол маньчжур қоғамының иерархиялық құрылымын зерттеп, әртүрлі әлеуметтік таптардың рөлі мен жауапкершілігін және олардың өзара әрекетін зерттейді.

Түйін сөздер: Маньчжур, Цин дәуірі, Әлеуметтік тарих, Мәдени тарих, Хань қытайлары.

Кайхэ Айсин Джиоро

Университет Рицумейкан, Киото, Япония

E-mail: wesihunerdemunggeidoro@gmail.com

ИССЛЕДОВАНИЕ МАНЬЧЬЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ В ИСТОРИИ ЭПОХИ ЦИН И ЕЕ СТРУКТУРЫ

Аннотация. Маньчжурское правление во времена династии Цин сыграло значительную роль в формировании социального и культурного ландшафта Китая. Целью данного исследования является изучение различных аспектов маньчжурского общества и культуры той эпохи, чтобы пролить свет на их влияние на историю Китая.

В исследовании используется междисциплинарный подход, объединяющий исторические записи, архивные источники и этнографические исследования, чтобы обеспечить всесторонний анализ социальной и культурной истории Маньчжурии. В нем исследуются такие темы, как маньчжурская знать, гендерные роли, религия и взаимодействие маньчжурской и китайской культур.

Исследование начинается с представления исторической подоплеки династии Цин и возвышения маньчжурских правителей, подчеркивая их особые традиции и обычаи. Затем он углубляется в иерархическую структуру маньчжурского общества, исследуя роли и обязанности различных социальных классов и их взаимодействие.

Ключевые слова: Маньчжурия, эпоха Цин, социальная история, история культуры, ханьцы.

Автор туралы мәлімет:

Кайхе Айсин Джиоро, философия докторы, Ризумейкан университетінің Кинугаса зерттеу орталығының шақырылған-қосымша зерттеушісі, Киото, Жапония

Сведения об авторе:

Кайхе Айсин Джиоро, доктор философии, приглашенный исследователь-совместитель Исследовательского центра Кинугаса Университета Ритсумейкан, Киото, Япония

Information about authors:

Kaihe AisinGioro, Doctor of Philosophy, Visiting Collaborative Researcher of Kinugasa Research Center, Ritsumeikan University, Kyoto, Japan

Кожирова С.Б.

Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, Алматы, Казахстан

E-mail: s.kozhirova@yandex.kz

СИНЬЦЗЯН: ЭТНОСЫ И ЯЗЫКИ

Аннотация. Данная статья исследует особенности СУАР как уникального, как в этническом так и лингвистическом плане субъекта КНР. Многообразие национальностей, культур и жизненных укладов, очень часто несовместимых, противоречащих друг другу, ведет к появлению конфликтов. В основе этнополитических конфликтов лежит вопрос о независимости территорий Западного Китая. Этнические проблемы в Синьцзяне вспыхнули с новой силой в связи с усилением позиций фундаментально настроенных мусульман в 90-е годы XX века. Политическая группа «Исламская партия Восточного Туркестана» объявила джихад китайскому правительству, ставя своей целью уничтожить его присутствие в Синьцзяне. Возрождение идей независимости связано с активной деятельностью уйгурской диаспоры за рубежом. Руководство КНР осознает опасность такого положения и принимает различные меры с целью предотвращения кризисов. Основная цель исследования заключается в анализе и степени вовлеченности жителей СУАР в политические и экономические процессы КНР. Дается анализ национальной политики в регионе. Методология включает анализ программ развития, статистических данных и экспертных оценок, а также исследования историографии указанного региона. Основные задачи исследования включают анализ текущего состояния этносов, вовлеченность местных языков в систему образования, дается оценка перспектив этно-религиозного характера. В ходе работы было выявлено новизна статьи – Новые статистические данные по районам собранных на местах позволяют более гибко подходить к прогнозированию будущего развития СУАР. Результаты исследования позволяют лучше продемонстрировать многообразие этнического и лингвистического состава автономного округа.

Ключевые слова: КНР, СУАР, ПКВСНП, Уйгуры, Ханьцы, Ислам.

Введение

Национально-территориальные автономии СУАР КНР осуществляются на трёх территориальных уровнях: автономные районы, автономные округа и автономные уезды, где компактно проживают разные национальности. Этим обусловлена разнородная структура национально-территориального устройства внутри СУАР КНР, включающая 5 автономных округов:

Или-Казахский (здесь вторым по величине этносом после ханьцев являются казахи); Боро-Тала-Монгольский (численность национальных групп в порядке убывания: ханьцы, уйгуры, казахи, монголы и др.); Баянгол-Монгольский (численность в порядке убывания – ханьцы, уйгуры, дунгане, монголы); Чанцзи-Хуэйский (второй по величине этнос после ханьцев – дунгане); Кызылсу-Киргизский (на первом месте по численности уйгуры, на втором – киргизы), 6 автономных уездов, выделенных исходя из национально-территориального принципа, обеспечивают автономное управление других национальных меньшинств, помимо уйгуров. Кроме того, в составе СУАР имеются ещё 7 округов, 4 города, подчинённых автономному району, 16 городов окружного подчинения и 62 уезда.

В ходе инспекционной работы в Синьцзян-Уйгурском автономном районе в начале 2014 года Председатель КНР Си Цзиньпин подчеркнул, что ЦК КПК всегда уделял повышенное внимание работе в Синьцзяне. Данный регион занимает особенно важное и

стратегическое положение в партийной и государственной работе в целом, синьцзянские комитеты КПК и администрации всех уровней должны добросовестно проводить большой политический курс ЦК КПК в отношении работы в Синьцзяне в новых условиях, создать благоприятные условия для удержания и использования исторических шансов, реализации скачкообразного развития в Синьцзяне.

Материалы и методы исследования

Исследование о взаимоотношениях основных этносов с официальными властями включает компаративный анализ, который дает сравнительное изучение и сопоставление экономических, политических и образовательных взаимодействий в СУАР. Используя эмпирический анализ были выявлены интерпритации политиков о дальнейших перспективах в развитии отношений. Качественный и количественный анализ данных предоставил обширный анализ статистических данных, в том числе этно-культурные особенности формирования внутри автономного округа.

Обсуждение

Степень изученности темы можно оценить как выше среднего. За последние десятилетия вышло множество работ посвященных Синьцзян-уйгурскому автономному округу во всех возможных аспектах, начиная от экономики и заканчивая политикой. Вместе с тем, многие вопросы этнические и лингвистического характера все еще остаются недостаточно исследованными.

Результаты исследования

Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) является одним из самых многонациональных районов КНР. Согласно переписи 2020 года в Синьцзяне проживало 25,852 млн. чел., в автономном районе проживают представители 48 национальностей. Однако, несмотря на такое этническое многообразие, большая часть населения представлена 11 национальностями. Среди них 8611000 (36,5%) – ханьцы; 11303300 (47,9%) – уйгуры; 1591200 (6,7%) – казахи; 839 837 (4,4%) – дунгане и другие численностью менее 1%. Самая большая национальность – уйгуры, которые составляют около 50% всего населения автономного района.

Уйгуры являются коренным населением. Они проживают по всему Синьцзяну и, в основном, сосредоточены на юге Синьцзяна – Хотан, Кашгар, Аксу, Турфан, Кызылсу, Киргизском автономном районе, Баянгол Монгольском автономном районе, городе Урумчи, Или и других местах. Современные ханьцы в основном – эмигрировавшие китайцы во время династии Цин (1644-1911 гг.), а также в период с 1912 по 1949 гг.

Таблица -1. Национальный состав Синьцзяна (по данным 2015 года) [1]

Народ	Численность	% к общему числу
уйгуры	11 303 300	46,42 %
китайцы	8 611 000	38,99 %
казахи	1 591 200	7,02 %
хуэй (дунгане)	1 015 800	4,54 %
киргизы	202 200	0,88 %
монголы, ойраты и калмыки, дунсян, дауры	180 600	0,83 %

сарыкольцы и ваханцы	50 100	0,21 %
сибо	43 200	0,20 %
маньчжуры	27 515	0,11 %
туцзя	15 787	0,086 %
узбеки	18 769	0,066 %
русские	11 800	0,048 %
мяо	7 006	0,038 %
тибетцы	6 153	0,033 %
чжуаны	5 642	0,031 %
татары	5 183	0,024 %
салары	3 762	0,020 %
Другие ¹	129 190	0,600 %

После образования КНР в 1949 году сюда приехало много молодёжи, демобилизованных солдат и выпускников вузов на работу. Многие мигранты приехали работать на государственной службе. Если раньше китайские власти не обращали особого внимания на образовательный уровень ханьских переселенцев, их военную подготовку, то в 1990-е гг. XX в. в СУАР стараются закрепить тех ханьцев, которые знают местные реалии, хорошо подготовлены в физическом и военном отношении, преданы идее сохранения единства Китая. При этом предпочтение отдается вышедшим в отставку солдатам и офицерам Народно-освободительной армии Китая (НОАК), особенно если они служили в Синьцзяне. Их, а также других ханьцев, прибывших из внутренних районов КНР, китайские власти стараются поселить в районах, непосредственно примыкающих к границе с Таджикистаном, Кыргызстаном и Казахстаном, а коренное население Синьцзяна побуждается к переселению из приграничья во внутренние области СУАР. Таким путем предпринимается попытка исключить возможность оказания зарубежной помощи сторонникам независимости Синьцзяна внутри СУАР через территорию Центральной Азии.

Казахи в основном проживают в Или-Казахском автономном районе, Мори Казахском и Баришен Казахском автономном уезде, Урумчи, Тянь-Шане и других местах. Дунганцы хуэй проживают в Чанцзи Дунганском автономном районе, автономном уезде Янчи, городе Инин, автономном уезде Хуочен, городе Урумчи и Турфанском регионе. Большинство киргизов в Синьцзяне проживает в Кызылсу киргизском автономном район. Малая часть разбросана по южному Синьцзяну – Уши, Аксу, Яркенд, и других уездах, а также в северном Синьцзяне Такеш, Чжаосу.

Автономии Синьцзяна

Национально-территориальные автономии СУАР КНР осуществляются на трёх территориальных уровнях: автономные районы, автономные округа и автономные уезды, где компактно проживают разные национальности. Этим обусловлена разнородная структура национально-территориального устройства внутри СУАР КНР, включающая 5 автономных округов:

Или-Казахский (здесь вторым по величине этносом после ханьцев являются казахи); Боро-Тала-Монгольский (численность национальных групп в порядке убывания: ханьцы, уйгуры, казахи, монголы и др.); Баянгол-Монгольский (численность в порядке убывания – ханьцы, уйгуры, дунгане, монголы); Чанцзи-Хуэйский (второй по величине этнос после

ханьцев – дунгане); Кызылсу-Киргизский (на первом месте по численности уйгуры, на втором – киргизы), 6 автономных уездов, выделенных исходя из национально-территориального принципа, обеспечивают автономное управление других национальных меньшинств, помимо уйгуров. Кроме того, в составе СУАР имеются ещё 7 округов, 4 города, подчинённых автономному району, 16 городов окружного подчинения и 62 уезда [2].

В ходе инспекционной работы в Синьцзян-Уйгурском автономном районе в начале 2014 года Председатель КНР Си Цзиньпин подчеркнул, что ЦК КПК всегда уделял повышенное внимание работе в Синьцзяне. Данный регион занимает особенно важное и стратегическое положение в партийной и государственной работе в целом, синьцзянские комитеты КПК и администрации всех уровней должны добросовестно проводить большой политический курс ЦК КПК в отношении работы в Синьцзяне в новых условиях, создать благоприятные условия для удержания и использования исторических шансов, реализации скачкообразного развития в Синьцзяне.

Национальные кадры

Важное направление региональной и национальной политики в КНР – управление в автономных районах с помощью национальных кадров. При этом используется национальный язык для ведения документации, учитываются обычаи и традиции данной народности. Этот вопрос затрагивался ещё в «Экспериментальном проекте по вопросам подготовки кадров из национальных меньшинств», утверждённом 24 ноября 1950г.

В 1952 г. были приняты «Основных принципах осуществления районной национальной автономии в КНР». Ст. 121 Конституции КНР закрепила положение об использовании языков национальных меньшинств органами самоуправления в территориальных автономиях. Закон КНР 2001 г. содержит требования учитывать при комплектовании Собрания народных представителей (СНП) пропорциональное соотношение представителей народностей и национальных меньшинств. Кандидатуры в СНП определяются в соответствии с принципами и нормами, закреплёнными в Конституции КНР (ст. 113) и Законе 2001 г. Выборы кандидатур возлагаются на постоянные комитеты СНП провинций, автономных районов и городов центрального подчинения [3].

Затем информация доводится до сведения Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ПКВСНП). В СНП национальных автономных территорий председатель и заместитель председателя должны быть граждане, представляющие народность, пользующуюся правом национально-территориальной автономии. При этом состав правительства СУАР КНР, органов исполнительной власти автономных округов и автономных уездов должны комплектоваться так, чтобы представители народности, пользующейся правом автономии, а также других национальных меньшинств были представлены в разумных соотношениях. В СУАР КНР в настоящее время кадры – представители национальных меньшинств на уровне окружения председателя и его заместителей занимают около 60% государственных должностей, а в общем по автономному району – порядка 80% начальников уездов, мэров городов и глав сельских районов – это кадры из национальных меньшинств.

В течение 50 лет после образования СУАР власти уделяют особое внимание подготовке кадров – представителей нацменьшинств. В 1950 году в Синьцзяне работало 3000 кадровых работников – представителей нацменьшинств, к 1955 году, ко времени образования автономии насчитывалось уже 47 тыс. кадров-нацменов, а сегодня их число достигло 338 тыс. чел. (52% численности кадровых работников автономии).

В районе насчитывается 256 тыс. специалистов и технических работников — представителей нацменьшинств, женщины – представители нацменьшинств составляют 66% женщин – кадровых работников. С 1999 года 3700 кадровых работников-нацменов из

низовых организаций южного Синьцзяна были направлены в северный Синьцзян на практику [4].

В целях реализации права на самоуправление органы самоуправления СУАР КНР наделены полномочиями, по объёму превосходящими полномочия других регионов материкового Китая. СНП СУАР КНР пользуется правами принятия административных актов регионального уровня наравне с аналогичными СНП провинций, не имеющих автономии, но, помимо этого, имеет право принятия уставных положений и специальных предписаний именно для автономии. Эти акты связаны со спецификой политического, экономического и культурного устройства народностей, проживающих на территории.

Языковые вопросы региона

В основе религиозной политики, проводимой китайскими властями, лежит принцип свободы вероисповедания, согласно которому каждый гражданин имеет право свободного вероисповедания, имеет также право не исповедовать никакой религии. Китай наряду с политикой свободного вероисповедания проводит также принцип разделения политики и религии, основные требования ко то рого — разделение религиозных обществ с правительством и учебными заведениями: во-первых, государственные власти не вмешиваются во внутренние дела религии. Все связанные с религией внутренние дела решают сами религиозные организации и ассоциации, правительство не имеет права выполнять функции религиозных организаций и ассоциаций; отношение ко всем религиям и их течениям независимо от масштабов одинаковое. Государственные власти не могут выделять и запрещать какую-либо религию, если проводится нормальное вероисповедание и религиозная деятельность. Во-вторых, религиозные организации и ассоциации не должны делить с государством власть, строжайше запрещается вмешательство религии в административные и законодательные дела государства, в образовательный процесс учебных заведений и социальное воспитание, в процессы брака и деторождения.

Многообразие национальностей, культур и жизненных укладов, очень часто несовместимых, противоречащих друг другу, ведет к появлению конфликтов. В основе этнополитических конфликтов лежит вопрос о независимости территорий Западного Китая. Этнические проблемы в Синьцзяне вспыхнули с новой силой в связи с усилением позиций фундаментально настроенных мусульман в 90-е годы XX века. Политическая группа «Исламская партия Восточного Туркестана» объявила джихад китайскому правительству, ставя своей целью уничтожить его присутствие в Синьцзяне. Возрождение идей независимости связано с активной деятельностью уйгурской диаспоры за рубежом. Руководство КНР осознает опасность такого положения и принимает различные меры с целью предотвращения кризисов.

Данный конфликт имеет свои историко-культурные корни, которые и предопределили его природу. В конце XVIII столетия Цинская династия, установленная в 1644 году, развернула программу территориальной экспансии на север и запад, установив китайскую сферу влияния в Монголии, Тибете и на территории современного Синьцзяна. Причём соседние народы, как полагали китайцы, получали выгоду от общения с Китаем и их цивилизацией. От них требовалось только одно – признать суверенитет китайского правительства и соблюдать имперские ритуалы, являющиеся неотъемлемой частью китайской культуры. Внедрение в этническое самосознание малочисленных народов доминирующей китайской идеологии не способствовало их ассимиляции, так как «достаточно развитое этническое самосознание постоянно их отвергало при первом же изменении политической ситуации в стране, порождая тем самым проблему сепаратизма...» [3, с. 35]. Поэтому присоединение СУАР к Китайской империи не привело к его интеграции в единое национально-культурное пространство. Главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований, известный китаевед К. Сыроежкин

отмечает, что «незначительность численности китайского этноса, проживающего на этих территориях, компактность проживания коренных этнических групп и относительно кратковременный период их совместного проживания с ханьцами (СУАР был присоединён к Китаю лишь во второй половине XX в.), дополняемые чужеродностью по отношению к традиционной китайской культуре самой Цинской империи, делали практически невозможным процесс их естественной аккультурации», поэтому он принял принудительный характер [Там же, с. 34]. В этой связи справедливо высказывание К. Сыроежкина, что процесс аккультурации этнических групп, которые стояли «на достаточно высоком (для своего времени) уровне социально-экономического, политического и культурного развития», сопровождался зачастую навязыванием им культуры ханьцев структурами государственной власти [Там же, с. 36]. Стоит отметить, что глубоко укоренившаяся в сознании китайцев идея эксклюзивности собственной культуры, представление о китайской цивилизации как о центробежной силе мировых процессов предопределили характер отношений к «неханьскому миру». В их понимании принадлежность к китайской нации – это великое счастье и честь. Поэтому весьма трудно китайскому сознанию, воспитанному в духе китаецентризма, понять причину сепаратистских настроений в Синьцзяне, стремление уйгуров к автономии.

После событий 11 сентября 2001 г. в США КНР примкнула к администрации Буша в борьбе с международным терроризмом, заявив, что и на территории Синьцзяна действуют международные террористические организации, которые получают деньги от «Аль-Кайды» и Бен Ладена. Одну из них «Исламское движение Восточного Туркестана» США в 2002 г. включили в свой официальный список международных террористических организаций, а позже – в список террористических организаций ООН. Если до 2001 г. напряженная ситуация в Синьцзяне не афишировалась и официальные данные не всегда отражали полную картину, то после терактов в Вашингтоне и Нью-Йорке официальный Пекин решил предать ее огласке. Так, в декабре 2003 г. официальный Пекин опубликовал первый в истории Китая список, куда вошли 4 мусульманских движения и 11 лиц (преимущественно руководители этих движений) которые считались причастными к террористической деятельности на территории СУАР.

За последние несколько лет борьба со стороны уйгурских организаций и групп на территории Синьцзяна несколько поутихла, однако с 2007 года они пытаются заручиться поддержкой мировой общественности. Их офисы функционируют главным образом в США (в Вашингтоне) и Германии (в Мюнхене), а также отделения в Турции, Бельгии, Казахстане, Киргизии; в Москве такое отделение закрыто. Они заявляют, что власти КНР притесняют уйгурский народ, его право свободного вероисповедания и свободного отправления религиозных обрядов, право самостоятельно определять свою политическую принадлежность. Как отмечают западные исследователи, например Фуллер Г. (бывший зам. председателя национального разведывательного совета ЦРУ США) и Липман Дж. (профессор истории в колледже Mount Holyoke), в последнее время в уйгурском движении произошел значительный сдвиг в сторону «национализма с религиозным подтекстом и эмоциональной окраской более универсального характера, т.е. уйгурские активисты на фоне борьбы США с мусульманскими террористическими организациями упирают на притеснения в развитии уйгурской культуры, искусства, национального самосознания, а соответственно и самостоятельного определения гражданами, какого государства они хотят. Исламу отводится религиозная роль отнюдь не знамени, под которым спланивается уйгурский народ в борьбе за свою независимость. Другой эксперт по уйгурскому вопросу Джоан Смит из Университета Ньюкасл (Великобритания) отмечает, что уйгуры в Синьцзяне находятся сейчас в «спокойном, прагматичном состоянии»¹² и считают лучшим для себя

заниматься работой, зарабатывая на жизнь, чем рассуждать на политические темы и быть в скором времени схваченным полицией.

Сужению социальной базы сторонников отделения национального района от Китая способствовало экономическое развитие, в результате которого в СУАР начал формироваться мощный промышленный комплекс, опирающийся в основном на нефтехимическую, легкую и текстильную промышленность. Были сделаны важные шаги по пути модернизации сельского хозяйства СУАР. Все эти факторы ведут к вовлечению экономики СУАР в единый хозяйственный комплекс КНР и формированию у значительной части его населения заинтересованности в сохранении единства КНР. Последнее в первую очередь относится к тем, кто занят в современных секторах экономики.

Однако в СУАР имеют место также и другие факторы, способствующие поддержанию у многих представителей ее неханьского населения стойких центробежных настроений. Сюда относятся наличие в Синьцзяне большого числа мелких и средних предприятий местной промышленности, интересы работников (в основном неханьцев) которых не требуют сохранения территориальной целостности Китая, в целом отсталого сельского хозяйства, односторонний характер индустрии СУАР, ханьская колонизация автономного района и военно-административные методы устранения всего того, что не отвечает интересам Пекина.

В Южном Синьцзяне, где доля предприятий местной промышленности выше, а ханьцев меньше, чем в северной части СУАР, центробежные настроения наиболее устойчивы. Этому также способствует влияние недавнего прошлого, когда Кашгария являлась главным очагом антикитайского сопротивления в Синьцзяне.

Необходимо отметить, что уйгуры и этнические китайцы живут весьма изолированно друг от друга. За исключением деловых отношений, возникающих по причинам совместной работы, уйгуры и ханьцы не общаются между собой. Уйгуры не хотят социализироваться с ханьцами, используя различия в кулинарных пристрастиях, связанных с исламской религией. Каждый город в Синьцзяне состоит из «старого города», населенного только уйгурами, и «нового города», жителями которого являются не только ханьцы, но и уйгуры, работающие на китайских предприятиях. Тем не менее уйгуры прилагают много усилий, чтобы сохранить территориальное разграничение, делая основной акцент на различиях, обусловленных религиозными причинами [5].

Общение между представителями уйгурского и ханьского этноса сильно затруднено. В течение второй половины XX в. китайский язык стал официальным в государственных и образовательных учреждениях. В результате уйгуры, проживающие в городах, не могли устроиться на хорошую работу, так как не имели такого уровня образования, как и у мигрантов-ханьцев, что невозможно без обучения в школе, где преподавание ведется на китайском языке. Все это привело к большому уровню безработицы среди уйгурского населения, что, в свою очередь, привело к ожесточению уйгур против ханьцев, занимающих должности «белых воротничков». Ситуация усугубляется тем, что многие уйгуры не желали отдавать своих детей в ханьские школы, опасаясь, с одной стороны, этнической дискриминации своих детей со стороны ханьских сверстников, а с другой – желая сохранить национальную уйгурскую культуру. Недовольство уйгур возрастает также от осознания, что институционализация китайского языка ведет к более быстрому приспособлению новых ханьских мигрантов к новой социальной иерархии в городах, созданной одними ханьцами для других ханьцев, в которой нет места для коренных этносов [6]. Китайцы, прибывающие с востока, на уйгурском языке не говорят, а для общения между собой выходцы из разных регионов, где распространены диалекты, сильно различающиеся фонетически и лексически, вплоть до полного непонимания между их носителями, естественным образом избирают официальный разговорный язык путунхуа, что в дословном переводе означает

общеупотребительный язык. Идея его популяризации на территории всей страны в КНР закреплена конституционно.

С целью облегчения общения между китайцами по всей стране в КНР и была принята программа по распространению путунхуа. Этот говор, созданный на основе мандаринского диалекта, является единственным, на котором ведут свое вещание СМИ, на нем осуществляется обучение в школах. Местное уйгурское население преимущественно владеет только своим, специфичным для северо-запада Китая диалектом китайского языка. Таким образом, местное население, для которого китайский язык и так является неродным, вынуждено фактически осваивать его заново. Это дополнительно способствует отторжению китайского языка уйгурами.

Далее, ставя своей задачей облегчение научного общения для дальнейшего развития приграничных районов, руководство страны разрабатывает план реформы образования в районах проживания национальных меньшинств. К примеру, начальное образование в СУАР осуществляется отдельно для лиц, говорящих на различных языках. То есть представители малых народов имеют возможность получить его на родном языке, а уже затем начинать углубленно изучать китайский язык как средство межнационального общения [7]. Однако на деле она имеет серьезные недостатки, в частности, не учитывает высокую сложность изучения двух языков с различными письменными системами для учащихся средней школы.

Что же касается высшего образования, то оно во всех вузах страны осуществляется с определенного времени только на китайском языке. В Синьцзяне это привело к резкому сокращению представителей коренных народов, обучающихся в университетах (до 2004 г. преподавание велось на двух языках, теперь же даже преподавание уйгурской литературы иногда ведется на китайском). Этот фактор представляется более серьезным для возникновения недовольства среди коренного населения. Вывод национального языка из сферы высшего образования и, как следствие, из научной сферы вовсе ведет к тому, что языки нацменьшинств перестают развиваться. Они теряют способность вырабатывать неологизмы и новые грамматические конструкции, из-за чего все более удобным для использования во всех сферах жизни становится государственный язык. Многие западные исследователи при анализе культурной составляющей конфликта в Синьцзяне обращают свое внимание именно на лингвистический фактор. Западные исследователи, освещающие роль языковой политики КНР, также отмечают нарастающее культурные противоречия между китайцами и уйгурами [8].

Заключение

Традиционность и консервативность синьцзяньского общества становятся ответной реакцией уйгур и других этносов, населяющих СУАР, на те изменения, которые происходят в Синьцзяне. Это вызывает рост националистических и сепаратистских тенденций, на эти процессы накладывается религиозный фактор, усиливающийся в Синьцзяне. В регион активно проникают нетрадиционные для него течения ислама, в частности ваххабизм. Все эти процессы способствуют формированию протестного, конфликтного потенциала в Синьцзяне.

Учитывая все вышесказанное, можно сделать вывод, что политика китаизации, в первую очередь в сфере высшего образования приводит к проблемам, которые в дальнейшем благоприятно влияют на появление сепаратистских настроений, подогреваемые радикальной исламской риторикой, которая в моменты ухудшения взаимоотношений между населением и официальными властями достигает своего пика. Вместе с тем следует отметить неоднородность СУАР как в этническом, так и лингвистическом смысле, что создает дополнительные проблемы при составлении политических программ. Для поддержания

мирного существования в рамках одного государства, правительство должны стремиться к диалогу между 2 противоборствующими силами.

Литература:

1. Факты и статистика СУАР на 2015 год. Издательство распространения Учжоу.
2. Чжэн Кай. Национально-территориальная автономия в КНР: автореф. дис.канд. юрид. наук. М., 2009
3. Капицын В. Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая: территориальное самоуправление и национальная политика //Ars administrandi. Искусство управления. – 2013. – №3. – с.107-117. (соавтор – Яо Ван).
4. В Синьцзяне растет число кадровых работников – представителей нацменьшинств //http://russian.people.com.cn/31521/3730118.html.
5. Пшенцов П.С. Проблема этнической обособленности в формировании национальной идентичности коренного населения на примере Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-etnicheskoj-obosoblennosti-v-formirovanii>
6. Smith N.J. Making Culture Matter: Symbolic, Spatial and Social Boundaries between Uyghurs and Han Chinese / N.J. Smith // Asian Ethnicity. Vol.3, № 2. 2002. September.
7. В.А.Клиновский. Языковая политика КНР в Синьцзяне и ее роль в китайско-уйгурском конфликте. Вестник Томского государственного университета. – 2012. – 2 (18). – с.140-143.
8. Dwyer Arienne M. The Xinjiang Conflict: Uyghur Identity Language Policy and Political Discourse. Washington, 2005.
9. Ананьина Дарья Александровна. "Межэтнический конфликт на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР" Гуманитарный вектор, vol. 13, no. 3, 2018, pp. 6-11.
10. Новичков Василий Сергеевич. «К вопросу о причинах всплеска уйгурского национализма и сепаратизма в СУАР КНР в конце XX - начале XXI в.» Вестник Томского государственного университета, no. 412, 2016, pp. 98-102.
11. Капицын В «Территориальная автономия как институт национальной политики в Синьцзяне» ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика, no. 5, 2013, pp. 143-152. (соавтор – Яо Ван).
12. Gao, Maomao. (2018). An Analysis of Ethnic Influence on Language: Mandarin or Xinjiang Mandarin?. Acta Universitatis Sapientiae, Philologica. 10. 99-107. 10.2478/ausp-2018-0016.
13. Grbovic, Vladan. (2019). Ethnodemographic specifications of Xinjiang (P.R. of China). Zbornik radova - Geografski fakultet Univerziteta u Beogradu. 2019. 85-98. 10.5937/zrgfub1902085G.
14. Hu, Zhigao & Hu, Yuqi & Wang, Dandan. (2023). Population distribution and terrorist attack preference: evidence from Xinjiang, China. Security Journal. 10.1057/s41284-023-00407-z.
15. Nechayeva, Yelena & Kozhirova, Svetlana. (2023). XINJIANG AS A KEY REGION OF THE BELT AND ROAD INITIATIVE. Adam alemi. 95. 51-64. 10.48010/2023.1/1999-5849.06.

References:

1. Fakty i statistika SUAR na 2015 god [Facts and statistics of the SOAR for 2015]. Izdatel'stvo rasprostraneniya Uchzhou. [in Russian].
2. Chzhjen Kaj. Nacional'no-territorial'naja avtonomija v KNR: avtoref. dis.... kand. jurid. nauk [National-territorial autonomy in the People's Republic of China: abstract of the dissertation of the Candidate. Jurid. sciences']. M., 2009. [in Russian].

3. Kapicyн V. Sin'czjan-Ujgurskij avtonomnyj rajon Kitaja: territorial'noe samoupravlenie i nacional'naja politika [Xinjiang Uyghur Autonomous Region of China: territorial self-government and national policy] //Ars administrandi. Iskusstvo upravlenija. – 2013. – № 3. – s.107-117. (soavtor – Jao Van). [in Russian].

4. V Sin'czjane rastet chislo kadrovyh rabotnikov – predstavitelej nacmen'shinstv [The number of personnel representatives of national minorities is growing in Xinjiang] //http://russian.people.com.cn/31521/3730118.html. [in Russian]. [Electronic resource].

5. Pshencov P.S. Problema jetnicheskoy obosoblennosti v formirovanii nacional'noj identichnosti korenogo naselenija na primere Sin'czjan-Ujgurskogo avtonomnogo rajona KNR [The problem of ethnic isolation in the formation of the national identity of the indigenous population on the example of the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of the People's Republic of China]. <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-etnicheskoy-obosoblennosti-v-formirovanii> [in Russian]. [Electronic resource].

6. Smith N.J. Making Culture Matter: Symbolic, Spatial and Social Boundaries between Uyghurs and Han Chinese / N.J. Smith // Asian Ethnicity. Vol.3, № 2. 2002. September.

7. V.A.Klinovskij. Jazykovaja politika KNR v Sin'czjane i ee rol' v kitajsko-ujgurskom konflikte [Language policy of the People's Republic of China in Xinjiang and its role in the Chinese-Uyghur conflict]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2012. – 2 (18). – s.140-143. [in Russian].

8. Dwyer Arienne M. The Xinjiang Conflict: Uyghur Identity Language Policy and Political Discourse. Washington, 2005.

9. Anan'ina Dar'ja Aleksandrovna. "Mezhjetnicheskij konflikt na territorii Sin'czjan-Ujgurskogo avtonomnogo rajona KNR" Gumanitarnyj vector [Interethnic conflict on the territory of the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of the People's Republic of China], vol. 13, no. 3, 2018, pp. 6-11. [in Russian].

10. Novichkov Vasilij Sergeevich. "K voprosu o prichinah vspleska ujgurskogo nacionalizma i separatizma v SUAR KNR v konce XX - nachale XXI v. [К вопросу о причинах всплеска уйгурского национализма и сепаратизма в СУАР КНР в конце XX - начале XXI в]" Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 412, 2016, pp. 98-102. [in Russian].

11. Kapicyн V. «Territorial'naja avtonomija kak institut nacional'noj politiki v Sin'czjane [Territorial autonomy as an institution of national policy in Xinjiang]» JeTAP: jekonomicheskaja teorija, analiz, praktika, no. 5, 2013, pp. 143-152. (soavtor – Jao Van). [in Russian].

12. Gao, Maomao. (2018). An Analysis of Ethnic Influence on Language: Mandarin or Xinjiang Mandarin?. Acta Universitatis Sapientiae, Philologica. 10. 99-107. 10.2478/ausp-2018-0016.

13. Grbovic, Vladan. (2019). Ethnodemographic specifications of Xinjiang (P.R. of China). Zbornik radova - Geografski fakultet Univerziteta u Beogradu. 2019. 85-98. 10.5937/zrgfub1902085G.

14. Hu, Zhigao & Hu, Yuqi & Wang, Dandan. (2023). Population distribution and terrorist attack preference: evidence from Xinjiang, China. Security Journal. 10.1057/s41284-023-00407-z.

15. Nechayeva, Yelena & Kozhirova, Svetlana. (2023). XINJIANG AS A KEY REGION OF THE BELT AND ROAD INITIATIVE. Adam alemi. 95. 51-64. 10.48010/2023.1/1999-5849.06.

Кожирова С. Б.

Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты, Алматы, Қазақстан

E-mail:s.kozhirova@yandex.kz

ШЫҢЖАҢ: ЭТНОСТАР МЕН ТІЛДЕР

Аңдатпа. Бұл мақала ҚХР субъектісінің этникалық және лингвистикалық жағынан бірегей Саар ерекшеліктерін зерттейді. Ұлттардың, мәдениеттердің және өмір салтының алуан түрлілігі, өте жиі үйлеспейтін, бір-біріне қайшы келетін, қақтығыстардың пайда болуына әкеледі. Этносаяси қақтығыстардың негізінде Батыс Қытай аумақтарының тәуелсіздігі мәселесі жатыр. Шыңжаңдағы этникалық проблемалар ХХ ғасырдың 90-жылдарында іргелі мұсылмандардың ұстанымдарының күшеюіне байланысты жаңа күшпен басталды. "Шығыс Түркістан ислам партиясы" Саяси тобы қытай үкіметіне жиһад жариялап, оның Шыңжаңда болуын жоюды мақсат етті. Тәуелсіздік идеяларының жандануы ұйғыр диаспорасының Шетелдегі белсенді қызметімен байланысты. ҚХР басшылығы мұндай жағдайдың қауіптілігін түсінеді және дағдарыстардың алдын алу мақсатында түрлі шаралар қабылдайды. Зерттеудің негізгі мақсаты-ҚХР-ның саяси және экономикалық процестеріне СУАР тұрғындарының қатысу дәрежесін талдау. Өңірдегі ұлттық саясатқа талдау жасалады. Әдістеме даму бағдарламаларын, статистикалық деректерді және сараптамалық бағалауды талдауды, сондай-ақ аталған аймақтың тарихнамасын зерттеуді қамтиды. Зерттеудің негізгі міндеттері этностардың қазіргі жағдайын талдауды, жергілікті тілдердің білім беру жүйесіне тартылуын қамтиды, этно-діни сипаттағы перспективаларға баға беріледі " жұмыс барысында мақаланың жаңалығы анықталды-жергілікті жерлерде жиналған аудандар бойынша жаңа статистикалық деректер СУАР-ның болашақ дамуын болжауға неғұрлым икемді қарауға мүмкіндік береді. Зерттеу нәтижелері автономиялық округтің этникалық және лингвистикалық құрамының әртүрлілігін жақсы көрсетуге мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: ҚХР, СУАР, ПКВСНП, ұйғырлар, Ханьдар, Ислам.

Kozhirova S.B.

R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan

E-mail:s.kozhirova@yandex.kz

XINJIANG: ETHNIC GROUPS AND LANGUAGES

Abstract. This article explores the features of the XUAR as a unique, both ethnically and linguistically, subject of the PRC. The diversity of nationalities, cultures and ways of life, very often incompatible and contradictory, leads to conflicts. At the heart of ethnopolitical conflicts is the question of the independence of the territories of Western China. Ethnic problems in Xinjiang flared up with renewed vigor due to the strengthening of the positions of fundamentally minded Muslims in the 90s of the 20th century. The political group East Turkistan Islamic Party has declared jihad against the Chinese government, aiming to destroy its presence in Xinjiang. The revival of ideas of independence is associated with the active activities of the Uyghur diaspora abroad. The PRC leadership is aware of the danger of this situation and is taking various measures to prevent crises. The main purpose of the study is to analyze the degree of involvement of the residents of the XUAR in the political and economic processes of the People's Republic of China. The analysis of national policy in the region is given. The methodology includes an analysis of development programs, statistical data and expert assessments, as well as research on the historiography of the specified region. The main objectives of the study include an analysis of the current state of ethnic groups, the involvement of local languages in the system of appeal, and an assessment of the prospects of an ethno-religious nature" In the course of the work, the novelty of the article was revealed – New statistical data on the areas collected locally allow for a more flexible approach to forecasting the future development of the XUAR. The results of the study make it possible to better demonstrate the diversity of the ethnic and linguistic composition of the autonomous Okrug.

Key words: People's Republic of China, XUAR, PKWSNP, Uighurs, Han Chinese, Islam.

Сведения об авторе:

Кожирова Светлана Басиевна, главный научный сотрудник, доктор политических наук, профессор, Институт востоковедения имени Р.Б. Сулейменова, Алматы, Казахстан

Автор туралы мәлімет:

Кожирова Светлана Басиевна, бас ғылыми қызметкер, саясаттану ғылымдарының докторы, профессор, Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты, Алматы, Қазақстан.

Information about the author:

Kozhirova Svetlana Basievnna, Chief Researcher, Doctor of Political Sciences, Professor, R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan.

Джалилов З.Г.

Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, Алматы, Казахстан

E-mail: zaur1952@mail.ru

КАЗАХСТАН – СТРАНЫ МУСУЛЬМАНСКОГО МИРА: К ВОПРОСАМ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ И БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Исследование направлено на анализ торгово-экономических связей Казахстана с мусульманским миром и оценку их влияния на экономическое развитие страны. Значимость исследования заключается в выявлении новых возможностей для расширения сотрудничества и оптимизации внешнеэкономических отношений. Оно представляет собой комплексный анализ, охватывающий различные аспекты экономических связей, таких как энергетические ресурсы, транспортные маршруты, инвестиции и так далее. Новизна заключается в комплексном подходе к анализу взаимодействия Казахстана с мусульманским миром в контексте современных вызовов и возможностей. Что касается методологии, исследование основано на анализе статистических данных, научных работ и публикаций в области экономики и международных отношений. Применяются методы сравнительного анализа, статистического моделирования и прогнозирования. Основные задачи статьи: изучение торгово-экономических связей Казахстана с мусульманским миром, оценка влияния этих связей на экономическое развитие Казахстана, анализ структуры товарооборота и основных партнеров Казахстана в регионе и выявление проблем и вызовов, с которыми сталкиваются эти страны в условиях глобализации. В статье делается вывод о необходимости развития эффективной модели экономического блока для защиты национальных интересов государств-участников. Подчеркивается важность стратегических партнерств в современном мире и предлагаются пути укрепления сотрудничества между Казахстаном и странами мусульманского мира.

Ключевые слова: Торгово-экономическое сотрудничество, внешняя экономика, экспорт, инвестиции, Центральная Азия, геополитика.

Введение

В настоящее время в Республике Казахстан, в условиях независимости, продолжают существовать существенные социально-экономические и политические изменения, необходимость которых диктуется самой жизнью. Одновременно с проведением преобразований происходит процесс переоценки как внутренней, так и внешней политики, что, несомненно, является закономерным явлением. А это требует глубокого изучения на основе различных теорий и концепций, комплексного и междисциплинарного подхода. С учетом того, что пандемия коронавируса резко отрицательно повлияла на внешнеэкономическую деятельность многих стран мира. Предпринятые защитные меры не смогли, к сожалению, предотвратить большие людские и материальные потери.

Исследование вопросов безопасности в Казахстане и странах Ближнего Востока может включать различные методы, включая как качественные, так и количественные подходы. Ниже приведены некоторые из них:

Материалы и методы исследования

Анализ данных:

Сбор и анализ статистических данных о преступности, террористических актах, вооруженных конфликтах и других инцидентах, затрагивающих безопасность.

Использование государственных отчетов, баз данных правоохранительных органов, а также данных от международных организаций, таких как ООН или МВФ.

Экспертные интервью:

Проведение интервью с экспертами в области безопасности, включая представителей правительства, академиков, аналитиков, представителей международных организаций и дипломатов.

Это позволяет получить экспертные мнения и оценки текущей ситуации, а также выявить тренды и потенциальные угрозы.

Опросы общественного мнения:

Проведение опросов среди населения для выявления их восприятия уровня безопасности, опасений и ожиданий относительно управления безопасностью.

Это позволяет оценить уровень доверия к правительству и его политикам в области безопасности.

Документальный анализ:

Исследование официальных документов, таких как стратегии национальной безопасности, законодательные акты и положения, позволяющие оценить официальные политики и стратегии в области безопасности.

Обсуждение

Изучение конкретных случаев инцидентов безопасности, таких как террористические атаки или вооруженные конфликты, для анализа причин, последствий и мер по их предотвращению. Исследование связей и взаимодействий между различными акторами в области безопасности, включая правительственные и негосударственные организации, террористические группировки, международные организации и других участников, для выявления потенциальных угроз и возможностей сотрудничества. Использование компьютерных моделей для прогнозирования возможных сценариев развития ситуации в области безопасности на основе текущих данных и исторических трендов.

Проведение полевых исследований для анализа конкретных региональных особенностей и факторов, влияющих на безопасность, таких как этнические или религиозные конфликты, экономические неравенства и доступ к ресурсам.

Комбинация различных методов исследования позволяет получить комплексное понимание проблем безопасности в Казахстане и странах Ближнего Востока и разработать соответствующие стратегии предотвращения и управления рисками.

Результаты исследования

Интенсивное изучение торгово-экономического сотрудничества со странами исламского мира началось в основном, с первой половины 2000-х гг., что было связано с попытками расширить поле исследований в сфере международных отношений. Вместе с тем этот процесс во многом явился отзвуком пристального внимания к мировому финансовому кризису со стороны международного сообщества, к событиям на Ближнем и Среднем Востоке, Южной Азии и Северной Африки. Эта проблематика не потеряла актуальности и в наше время [1].

Нормализованные международные отношения, несомненно, усилят тягу мусульманских и немусульманских стран к всестороннему сотрудничеству и с Казахстаном и другими республиками Центральной Азии, которые ныне широко открыты для внешнего мира. Сегодня идет процесс переформатирования геоэкономических и геополитических взаимосвязей в мусульманском мире [2]. Формируется разветвленная целостная производственная база, разрабатывается современная инфраструктура в Южной, Восточной и Центральной Азии, запущены сухопутные транспортные коридоры для торговли со

странами Ближнего и Среднего Востока. При формировании единого рынка предполагается создания целостного интегрированного пространства значительной части мусульманского мира при особом акценте на страны Центральной Азии [3].

Весьма обнадеживающим для процесса оздоровления политической и экономической ситуации в Казахстане является то, что нормализация международных отношений положительно воспринята ведущими державами запада и странами азиатского региона [4]. 18-19 ноября 2019 г. на расширенном заседании коллегии Министерства иностранных дел РК президент страны К. Токаев обратил внимание казахстанских дипломатов на хронические проблемы, в частности слабое взаимодействие внутри госаппарата и преобладание узковедомственных интересов. Весьма своевременно прозвучали слова Касым-Жомарта Токаева о необходимости казахстанским дипломатам пересмотреть подходы к осуществлению внешней политики в соответствии с концепцией «слышащего государства» и поработать над повышением ее эффективности. Это, во-первых. Во-вторых, выработать единую общенациональную стратегию Казахстана на внешнем поле. Это, по мнению Президента, системная проблема, которая должна быть решена на основе тесной межведомственной координации, преодоления узковедомственных интересов, негативно влияющих на эффективность работы по защите национальных интересов государства, соблюдения прав граждан, выстраивания экономической дипломатии. В-третьих, учитывая современную геополитическую ситуацию, нужна перезагрузка работы МИД Республики Казахстан по привлечению иностранных инвестиций. В-четвертых, одной из основных направлений работы МИД РК - содействие продвижению казахстанского экспорта, о чем говорит программа «Нұрлы жол» и инфраструктурные инициативы (Оксана Скибан, Нур-Султан. *Zakon.kz*. 19 ноября 2021 г.).

Есть основание полагать, что это реформирование внешней политики будет распространяться по целому ряду направлений: легче будет ставить, и решать вопросы о мерах доверия между странами региона, мерах, понимаемых в самом широком, а не только военном смысле усилится стремление к более энергичному формированию регионального механизма регулирования международных отношений [5]. Наконец, создаст благоприятные условия для урегулирования локальных конфликтов в Азии, являющихся крайне опасным проявлением конфронтационности. В данной связи именно подчиненность казахстанских инициатив общечеловеческим целям обеспечила им, по сути, всемирную поддержку и одобрение, они были с удовлетворением восприняты мировым сообществом [6].

Нельзя не отметить, правительства стран мусульманского мира испытывают растущее давление со стороны бизнесменов, требующих открытия регулярных торговых каналов, поскольку неофициальная прямая торговля была открыта под наблюдение торгово-промышленных палат. Лоббистское влияние этих палат в этом вопросе было очевидным. Оно затрудняло развитие также и частного сектора экономики. При этом нельзя не обратить внимания на саму структуру ВВП в странах мусульманского мира, которая имеет свои особенности. Как отмечает Евразийская экономическая комиссия в своем анализе по доступу сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия государств – членов ЕАЭС на рынок стран Персидского залива, в Бахрейне, ОАЭ и Омане большая часть приходится на сектор услуг. Промышленность занимает большую часть в Иране, Катаре, Саудовской Аравии. Максимальная доля сельского хозяйства составляет в Ираке (3.0%), в Саудовской Аравии – 2,2%. В целом сельское хозяйство в странах мусульманского Востока (например, Египте) развито недостаточно высоко, в первую очередь в силу природно-климатических условий [7]. Остро ощущается нехватка пригодных для сельскохозяйственного производства, а также низкой обеспеченности водой. Выращивание пшеницы сокращается ввиду нерациональности и существенных издержек, из-за чего страна вынуждена обеспечивать свои потребности импортными поставками [8]. Как известно, с осени 2021 г. казахстанские

мукомолы перешли на переработку российского зерна, поскольку оно оказалось дешевле. Однако с санкций в отношении банков России, поставки прекратились (источник: New Times. KZ).

В первую очередь возникает вопрос, какими будут дальнейшие меры государственного управления по стабилизации продовольственного рынка, обеспечению роста экономики в целом? (например, в Казахстане он составляет всего лишь 3-4%). В условиях, когда внешний спрос уже не в состоянии, а внутренний спрос пока не готов компенсировать перепроизводство товаров, наиважнейшей задачей становится повышение внутреннего потребления. Из этого следует, что потенциал экономического роста напрямую связан с решением социальных проблем, касающихся повышения занятости населения, поддержки новых предприятий, создания рациональной и справедливой системы распределения, социальному расслоению общества. Это не могло не привести к социальным протестам. Определенную роль в этом сыграла ориентация экономики в основном на внутренний рынок потребления, а не на внешний рынок сбыта товаров, на что обращали внимание и наши ведущие отечественные экономисты. Видимо не случайно Глава правительства Казахстана поручил Министерству сельского хозяйства просчитать объем производства и потребления сельхозпродукции и при необходимости вводить экспортные ограничения. Основная цель – насытить внутренний рынок страны (КАЗИНФО. 18.2022.13:30). Тем не менее все страны региона Центральная Азия заинтересованы в наращивании объемов экспорта и диверсификации своей внешней торговли, выхода на новые внешние рынки, а также создании и использовании новых транспортных маршрутов.

Что сейчас мешает развитию стабильных внешнеэкономических связей стран исламского мира? Наблюдавшееся в первом полугодии относительное восстановление экономики этих стран заключалось в росте поставок нефти, природного газа, сельхозпродукции, туризма, по сравнению с показателями ковидного периода, динамики прироста. Что касается уровня благосостояния населения, то оценки роста ВВП недостаточно полно коррелируют с уровнем жизни населения, на них гораздо сильнее влияет рост курса валют, инфляция, а эти показатели в прогнозе не особо радуют, поэтому на рост доходов населения рассчитывать не приходится. На возможности роста торгово-экономического сотрудничества, оказывают отрицательное влияние множество факторов: это и продолжение санкционной политики на международном уровне, и повышение ключевой ставки, и высокая инфляция, и очередные волны коронавирусной пандемии. Геополитические риски по-прежнему остаются основными факторами, оказывающими свое влияние на характер внешней политики, эскалацию ситуации в странах Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки и Южной Азии.

В дополнение к этому усугубились проблемы, связанные со сложностями проведения политического диалога из-за различий в позициях сторон. Казахстан стремился строить внешнюю торговлю с акцентом на экономике, будучи крайне заинтересован в использовании стран мусульманского Востока экономического и промышленно-технического потенциала [9]. Развитию торговли мешали также и факторы коммерческого характера. Это, прежде всего, значительное снижение заинтересованности зарубежных деловых кругов в сотрудничестве с Казахстаном по освоению новых месторождений сырья, что вызвано было изменением структуры промышленности Казахстана, испытавшей на себе два энергетических кризиса, а также выравниванием спроса и предложения на мировых рынках сырья и топлива [10].

Нельзя не согласиться с Л.Т. Гайдукевичем, который исследуя причины кризисных явлений, обращает внимание на наличие огромного рынка энергетических ресурсов. Например, 32% ливийской нефти экспортировалось в Италию, 14 - в Германию, 10 - во Францию, 10 - в Китай, 5% - в США. По запасам природного газа Ливия занимает 4-е место в

Африке [11]. Одним словом, глубокое разочарование охватило многих, кто в свое время с таким воодушевлением ждал коренных перемен [12].

В Казахстане считают, что при соблюдении принципиальной линии необходимо отменять многочисленные устаревающие ограничения, когда каждый день, каждый месяц появляются новые достижения технического прогресса. Постепенно, по мере возрождения разрядки в отношениях между Востоком и Западом, в торгово-экономических отношениях также укреплялся настрой на диалог [13].

Одной из причин повышенного внимания со стороны Казахстана к развитию торгово-экономического сотрудничества со странами мусульманского мира являлось полное осознание того, что центр мировой экономики будет постепенно смещаться в страны Востока и что в будущем эта тенденция будет все больше набирать силу. Как отмечает директор Группы оценки рисков, известный политолог Д. Сатпаев, в рамках официальной многовекторности (в той же Концепции внешней политики РК на 2014-2020) сотрудничество с разными странами исламского мира является одним из важных направлений внешней политики Казахстана. Учитывая это, Казахстан в свое время заявлял, что он тоже является одной из мусульманских стран, и начал предпринимать практические меры для реального вхождения в члены международных организаций. С другой стороны, многие страны входящие, например, в ОИС начинают расширять экономические и внешнеторговые контакты с Казахстаном. В этом плане большой интерес вызывает торгово-экономические связи Казахстана с Турцией и Ираном. Турция входит в первую десятку торговых партнеров Казахстана. С целью укрепления партнерских отношений создана межправительственная комиссия по экономическому сотрудничеству Турция – Казахстан. Товарооборот между нашими странами в 2017 году вырос на 27% и составил почти 2 млрд. долл. США. Турция инвестировала в Казахстан с момента обретения им независимости более 3 млрд. долл. США, на сегодня в стране функционирует около 2 000 предприятий с участием турецкого капитала. В 2020 г. общий объем двусторонней торговли снизился до 3,1 млрд. долларов на фоне пандемии коронавируса. В указанный период экспорт Казахстана в Турцию сократился на 11,9%, до 2,1 млрд. долл., импорт из Турции вырос на 15%, до 939,6 млн. долл. Как отметил Председатель Комитета торговли Казахстана Е. Казанбаев, сегодня наблюдается значительный рост цен на продовольствие по всему миру. К сложностям логистики из-за COVID-19 в 2020 и 2021 гг. прибавилась засуха и, как следствие, рост цен на мировых рынках. Казахстан не стал исключением (Источник: Kapital.KZ). Если рассматривать динамику торговли сельскохозяйственной продукцией Казахстана по отдельным странам мусульманского мира, то наиболее высокий удельный вес в структуре занимают Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Иран, Турция.

Анализ торговли между Казахстаном и странами мусульманского мира показывает, что основой взаимной торговли является поставки зерновых, табака и ячменя. Вместе с тем импортные поставки находятся на минимальном уровне. Несмотря на то, что ряд стран мусульманского мира, являясь крупными импортерами, нуждаются в ряде товаров (мясо птицы, молочной продукции, импорт которых может быть обеспечен поставками из Казахстана). Таким образом, Казахстан и другие страны мусульманского мира играют важную роль в международных торговых отношениях, особенно на Ближнем Востоке. Большим преимуществом для рассматриваемых стран является интеграция друг с другом, а также общие культурно-исторические ценности. В 2012 г. Казахстан и Турция приняли совместную экономическую программу «Новая синергия», направленную на поддержку предпринимателей, которая внесла существенный вклад в развитие отношений между странами. Как подчеркнул Глава государства, в рамках этой программы было запущено 23 проекта стоимостью 800 млн. долл. [14].

При формировании новой системы внешнеэкономических связей предполагается создания целостного интегрированного пространства значительной части географической Евразии при особом акценте на Евразийский союз и другие страны СНГ. В региональном плане развитие прямых связей расширит закономерность, при которой различные страны мусульманского Востока поддерживают связи с разными государствами. Сейчас становится ясным, что экономические плановики, стремясь уменьшить опору на нефть как на главный источник экспортных поступлений и национального дохода и сократить размеры государственного сектора, сделали большой акцент на участии частного сектора в социально-экономическом развитии страны и торговых связях с внешними партнерами. В связи с этим идет поиск подходов, позволяющих развивать новые формы внешнеэкономических связей с включением в них, совместных предприятий для создания экспортных баз [15].

Для Казахстана как страны, не имеющей прямого выхода на большие морские просторы, вопросы транспортировки грузов на внешние рынки занимают особое место. Об этом говорилось, в частности, на встрече Президента Республики Казахстан К. Токаева с Президентом Исламской Республики Иран Ибрахим Раиси. На ней отмечалось, что Иран – наш близкий сосед в Каспийском регионе и близкий партнер в исламском мире. Обе стороны заявили, что стороны и дальше будут наращивать связи в сферах транспорта, логистики, сельского хозяйства, инвестиций. Надо заметить, Иран занимает 6 место в мире по нанотехнологиям. Сейчас в Казахстане работает 160 совместных казахстанско-иранских предприятий, функционирующих в различных сферах экономики. Потребность в стране большая и импорт составляет около 75% всего рынка, более 1,5 млн. т масличных и продуктов их переработки. На данный момент компанией ведутся переговоры о поставках масел. За 2020 г. товарооборот между Казахстаном и Ираном составил 237 млн. долл. США, что на 37,2% ниже показателя предыдущего года (377,4 млн. долл. США). Об этом сообщила пресс-служба Министерства торговли и интеграции РК. Экспорт из Казахстана в Иран за 2020 г. составил 129 млн. долл. США и это на 56,4% ниже показателя предыдущего года - 295,9 млн. долл. США. Импорт в Казахстан из Ирана за 2020 г. вырос на 32,5% и составил 108,1 млн. долл. США. В 2019 году этот показатель был на уровне 81,5 млн. долл. США. Иран снизил пошлины на такие товары как мясо говядины и баранины (снижение пошлины с 26% до 5-10%), бобовые культуры (с 55% до 5-10%), масла растительные (с 20% до 10%), макароны и кондитерские изделия (с 55% до 14-20%), стальной прокат (с 20% до 15%), рельсы (с 5% до 4%), аккумуляторы (с 32-55% до 10%), арматура, трубы (с 32% до 4%) и др. В целом, по сельскохозяйственным товарам импортные пошлины Ирана для стран ЕАЭС, в том числе и Казахстана, снизились с 32,2% до 13,2%, а по промышленным товаром средний уровень ставок импортных пошлин снизился с 22,4% до 15,4% [16]. Большая работа по установлению экономических взаимосвязей со странами Персидского Залива, различными фондами и финансовыми организациями была проведена Посольствами Республики Казахстан, деловыми кругами. Например, успешно были налажены контакты с Саудовским Фондом Развития (СФР), оказывающим помощь иностранным государствам. Так, по данным известного арабиста Т.Н. Касабаева этот Фонд в свое время предоставил заем на беспроцентной основе для реставрации автодороги Караганда – Астана, где общая сумма расхода составила 20 млн. долл., 9 млн. из которых предоставило Королевство Саудовской Аравии [17]. Одной из важнейших сторон взаимоотношений двух стран стал экспорт инвестиций из Казахстана. Как отмечает Т.Н. Касабаев, в свое время президент Центра по развитию экспорта Королевства, доктор Абдрахман Замилья отметил: «Казахстан стал государством, экспортирующим инвестиции, объем которых достигает 18 млрд. долларов. Мы надеемся получить несколько таких миллиардов на саудовском рынке» [18].

Основной экспорт в 2018 г. в страны мусульманского мира являются поставки зерновых. Вместе страны мусульманского мира входят в число крупных мировых импортеров сельскохозяйственной продукции. При этом уровень импорта Саудовской Аравии является самым высоким. В среднем за период 2012-2018 гг. совокупный импорт сельскохозяйственной продукции составлял 59,1 млрд. долл. США [С. 19]. Сравнивая общий объем товарооборота страны с другими государствами можно отметить, что экономические связи между Казахстаном и Саудовской Аравии, как показатель, не соответствуют имеющемуся потенциалу сотрудничества между двумя странами. Хотя сам потенциал обеих стран значительно выше. Так, если даже сравнивать товарооборот Казахстана со странами Персидского Залива, то здесь, Саудовская Аравия, являясь лидером среди стран этого региона почти по всем показателям, стоит на втором месте, а в 2005 г. была даже на третьем [20]. Если рассматривать динамику торговли сельскохозяйственной продукцией Казахстана по отдельным странам мусульманского мира, то наиболее высокий Арабские Эмираты, Иран, Турция.

За последние годы страна добилась определенных успехов в развитии торгово-экономического и культурного сотрудничества с центральноазиатскими республиками. Товарооборот между странами Центральной Азии возрос на 33%. Основными товарами в процессе взаимного обмена между ними являются энергетика, нефтегазовая, химическая продукция, машины и оборудования, продовольственные товары. В ближайшее время, кстати, Узбекистан поставит в Казахстан продовольствия на 50 млн. долл. США. Если в 2017 г. Казахстан экспортировал в Узбекистан товаров на сумму 1071 632, 2 млн. долл. США (удельный вес 20,5), то в 2019 г. – 998.164.1 млн. долл. [21, с.467].

По данным статистического ведомства стран ЦА (knoema.ru/atlas), несмотря на то, что основную часть товарного экспорта стран ЦА составляют ископаемые природные ресурсы и продукты их первичной переработки (до 70-80% всего товарного экспорта), этими товарами страны региона торгуют друг с другом в гораздо меньшей степени, чем продают их за пределы региона. Данный источник показывает, что в общем объеме экспорта Казахстана около 66% составил экспорт минеральных продуктов, которые поставляются в основном в страны Евросоюза. Основная доля экспорта Туркменистана, почти 70-80% приходится на Китай, куда в основном экспортируется туркменский природный газ. (Источник: Статистические органы Казахстана и Кыргызстана; Центробанки Таджикистана и Узбекистана; данные по Туркменистану за 2019г. с сайта trademap.org).

Заключение

Таким образом, расширение странами ЦА взаимного доступа на свои внутренние рынки, будет содействовать росту их экспорта готовой продукцией, так как во взаимной торговле по многим несырьевым товарным позициям они не являются конкурентами. Учитывая низкую конкурентоспособность экономик государств мусульманского мира, можно сказать, что это несет определенные угрозы и вызовы для их торгово-экономического развития [22, с.75]. Несмотря на то, что между Казахстаном и странами мусульманского мира имеет место большой интерес к увеличению объемов двустороннего товарооборота, и все же нынешний формат торгово-экономических взаимосвязей между ними нельзя характеризовать как полностью взаимовыгодный. К примеру, относительно дешевые минерально-сырьевые ресурсы и сельскохозяйственная продукция Казахстана и других стран Центральной Азии обмениваются на готовую продукцию из государств мусульманского мира. К сожалению, это говорит о том, что в условиях глобализации и нарастания международной конкуренции, Казахстану и другим мусульманским странам, так и не удалось создать модель эффективного экономического блока защиты национальных интересов государств [23].

Литература:

1. Султанов Б.К. Практические меры Казахстана по преодолению последствий мирового экономического кризиса // Казахстан Спектр. – 2009. – №2. – С. 5-7.
2. Лаумулин М.Т. Геополитические процессы в исламском мире: монография. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2011. – 176 с.
3. Медеубаева Ж.М. Международные отношения на исходе первой декады XXI в.: от однополярности // Казахстан - Спектр. – 2009. – №2. – С. 8-20.
4. Амребаев А. Актуальные вопросы современного мусульманского мира и председательство Казахстана в ОИК в 2011 году // Казахстан в глобальных процессах (ИМЭП). – 2010. – №3. – С.17-25.
5. Ауелбаев Б.А. Центральная Азия и «Северный маршрут «транзита невоенных грузов в Афганистан // Центральная Азия в условиях геополитической трансформации и мирового экономического кризиса. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2009. – С.67-73.
6. Арыстанбекова А.Х. Глобализация. История. Динамика. Аспекты. Грани. Перспективы: монография. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – 304 с.
7. Анализ по доступу сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия государств - членов ЕАЭС на рынок стран Персидского залива. – Москва: Департамент агропромышленной политики, 2019. – 83 с.
8. Trade Policy. Reviem. Report by the secretariat WTO, 2014,WT/TPR/S/294.
9. Косолапов Н.В. Безопасность международная, национальная и глобальная: взаимодействие или противоречивость? // Мировая экономика и международные отношения. – 2006. – № 9. – С. 87.
10. Махмудов Р. Растущая роль природного газа в европейских энергетических «играх» // Центральная Азия и Кавказ. – 2007. – №6 (54). – С. 35-41.
11. Гайдукевич Л. «Арабская весна» 2011: демократические преобразования или геополитический передел региона? // Международное право и международные отношения. – 2012. – №1. – С.20-24.
12. Есенова Г. ТЭК Казахстана: реформы, проблемы, перспективы // Центральная Азия и Кавказ. – 2008. – №5(59). – С. 15-25.
13. Гарбузарова Е.Г. Геополитическая значимость Центральной Азии: история и современность // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. – 2010. – № 5. – С. 43-46.
14. Кахаров Д. Газовые ресурсы Узбекистана: приведет ли к увеличению его экспортных цен политическое маневрирование между Россией и Китаем? // Центральная Азия и Кавказ. – 2008. – №6(60). – С. 28-31.
15. Источник: Zakon.Kz // 17.09.2021.
16. Касабаев Т.Н. История взаимоотношений Казахстана с Саудовской Аравией // Известия НАН РК. Серия общественных наук. – 2008. – № 2. – С. 74.
17. Там же, С.78.
18. Амреев Б. Аравийские монархии и их место во внешнеполитических приоритетах Казахстана. – Астана: Елорда, 2004. – 240 с.
19. Там же.
20. Мамадалиева Э.Р. Особенности и перспективы социально-экономического развития приграничных районов Узбекистана // Сборник материалов международной конференции «Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Выпуск 4, ч.1. – М.: ИНИОН РАН, 2021. – С. 466-469.
21. Мельянцева В. Кризис в арабском мире: экономические и социальные аспекты// Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – №10. – С. 73-83.
22. Там же.

References:

1. Sultanov B.K. Prakticheskiye mery Kazakhstana po preodoleniyu posledstviy mirovogo ekonomicheskogo krizisa [Practical Measures Kazakhstan to Preodolenie Consequences of the Global Economic Crisis] // Kazakhstan Spekr. – 2009. – №2. – S. 5-7. [in russian].
2. Laumulín M.T. Geopoliticheskiye protsessy v islamskom mire: monografiya [Geopolitical Processes in the Islamic World: Monograph]. – Almaty: KISI pri Prezidente RK, 2011. – 176 s. [in russian].
3. Medeubayeva ZH.M. Mezhdunarodnyye otnosheniya na iskhode pervoy dekady XXI v.: ot odnopolyarnosti [International Relations at the End of the First Decade of the XXI Century: From Unipolarity]// Kazakhstan - Spekr. – 2009. – №2. – S. 8-20. [in russian].
4. Amrebayev A. Aktual'nyye voprosy sovremennogo musul'manskogo mira i predsedatel'stvo Kazakhstana v OIK v 2011 godu [Actual Issues of the Modern Muslim World and the Chairmanship of Kazakhstan in the OIC in 2011] // Kazakhstan v global'nykh protsessakh (IMEP). – 2010. – №3. – S.17-25. [in russian].
5. Auyelbayev B.A. Tsentral'naya Aziya i «Severnnyy marshrut «tranzita nevoyennykh gruzov v Afganistan // Tsentral'naya Aziya v usloviyakh geopoliticheskoy transformatsii i mirovogo ekonomicheskogo krizisa [Central Asia and the "Northern Route" of Transit of Non-Military Cargo to Afghanistan // Central Asia in the Context of Geopolitical Transformation and Global Economic Crisis]. – Almaty: KISI pri Prezidente RK, 2009. – S.67-73. [in russian].
6. Arystanbekova A.KH. Globalizatsiya. Istoriya. Dinamika. Aspekty. Grani. Perspektivy: monografiya [Globalization. History. Dynamics. Aspects. Edges. Perspectives: Monograph]. – Almaty: Dayk-Press, 2007. – 304 s. [in russian].
7. Analiz po dostupu sel'skokhozyaystvennoy produktsii, syr'ya i prodovol'stviya gosudarstv - chlenov YEAES na rynek stran Persidskogo zaliva [Analysis of access of agricultural products, raw materials and foodstuffs of the EAEU member States to the market of the Persian Gulf countries]. – Moskva: Departament agropromyshlennoy politiki, 2019. – 83 s. [in russian].
8. Trade Policy. Reviem. Report by the secretariat WTO, 2014, WT/TPR/S/294.
9. Kosolapov N.V. Bezopasnost' mezhdunarodnaya, natsional'naya i global'naya: vzaimodeystviye ili protivorechivost'? // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya [International, national and global security: interaction or inconsistency? // World economy and international relations]. – 2006. – № 9. – S. 87. [in russian].
10. Makhmudov R. Rastushchaya rol' prirodnogo gaza v yevropeyskikh energeticheskikh «igrakh» [The growing role of natural gas in European energy “games”] // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz. – 2007. – №6 (54). – S. 35-41. [in russian].
11. Gaydukevich L. «Arabskaya vesna» 2011: demokraticheskiye preobrazovaniya ili geopoliticheskiy peredel regiona? // Mezhdunarodnoye pravo i mezhdunarodnyye otnosheniya [The Arab Spring 2011: democratic transformations or the geopolitical redistribution of the region? // International law and International relations]. – 2012. – №1. – S.20-24. [in russian].
12. Yesenova G. TEK Kazakhstana: reformy, problemy, perspektivy // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz [Fuel and energy complex of Kazakhstan: reforms, problems, prospects // Central Asia and the Caucasus]. – 2008. – №5(59). – S. 15-25. [in russian].
13. Garbuzarova Ye.G. Geopoliticheskaya znachimost' Tsentral'noy Azii: istoriya i sovremennost' [The Geopolitical Significance of Central Asia: History and modernity] // Vestnik Kyrgyzsko-Rossiyskogo slavyanskogo universiteta. – 2010. – № 5. – S. 43-46. [in russian].
14. Kakharov D. Gazovyye resursy Uzbekistana: privedet li k uvelicheniyu yego eksportnykh tsen politicheskoye manevrirovaniye mezhdru Rossiyey i Kitayem? // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz [Uzbekistan's gas resources: will political maneuvering between Russia and China lead to an

increase in its export prices? // Central Asia and the Caucasus]. – 2008. – №6(60). – S. 28-31[in russian].

15. Istochnik: Zakon.Kz [Zakon.Kz] // 17.09.2021. [in russian]. [Electronic resource].

16. Kasabayev T.N. Istoriya vzaimootnosheniy Kazakhstana s Saudovskoy Araviyey [The history of Kazakhstan's relations with Saudi Arabia] // Izvestiya NAN RK. Seriya obshchestvennykh nauk. – 2008. – № 2. – S. 74.

17. Tam zhe [Right there.], S.78.

18. Amreyev B. Araviyskiye monarkhii i ikh mesto vo vneshnepoliticheskikh prioritetakh Kazakhstana. – Astana: Yelorda, 2004. – 240 s. [in russian].

19. Tam zhe [Right there.]. [in russian].

20. Mamadaliyeva E.R. Osobennosti i perspektivy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya prigranichnykh rayonov Uzbekistana [Features and prospects of socio-economic development of border regions of Uzbekistan] // Sbornik materialov mezhdunarodnoy konferentsii «Bol'shaya Yevraziya: razvitiye, bezopasnost', sotrudnichestvo. Vypusk 4, ch.1. – M.: INION RAN, 2021. – С. 466-469. [in russian].

21. Mel'yantseva V. Krizis v arabskom mire: ekonomicheskiye i sotsial'nyye aspekty// Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya [Crisis in the Arab world: economic and social aspects // World Economy and International Relations]. – 2011. – №10. – S. 73-83.

22. Tam zhe [Right there.] [in russian].

Жәлілов З.Ғ.

Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты, Алматы, Қазақстан

E-mail: zaur1952@mail.ru

ҚАЗАҚСТАН – МҰСЫЛМАН ӘЛЕМІНІҢ ЕЛДЕРІ: ЫНТЫМАҚТАСТЫҚ ЖӘНЕ ҚАУІПСІЗДІК МӘСЕЛЕЛЕРІ ТУРАЛЫ

Аңдатпа. Зерттеу Қазақстанның мұсылман әлемімен сауда-экономикалық байланыстарын талдауға және олардың елдің экономикалық дамуына әсерін бағалауға бағытталған. Зерттеудің маңыздылығы ынтымақтастықты кеңейтудің және сыртқы экономикалық байланыстарды оңтайландырудың жаңа мүмкіндіктерін анықтауда. Бұл энергетикалық ресурстар, көлік бағыттары, инвестициялар және т.б. сияқты экономикалық қатынастардың әртүрлі аспектілерін қамтитын кешенді талдау. Жаңашылдық Қазақстанның мұсылман әлемімен өзара іс-қимылын заманауи сын-қатерлер мен мүмкіндіктер контекстінде талдаудың кешенді тәсілінде жатыр. Әдістемеге келетін болсақ, зерттеу экономика және халықаралық қатынастар саласындағы статистикалық мәліметтерді, ғылыми еңбектер мен жарияланымдарды талдауға негізделген. Салыстырмалы талдау, статистикалық модельдеу және болжау әдістері қолданылады. Мақаланың негізгі мақсаттары: Қазақстанның мұсылман әлемімен сауда-экономикалық байланыстарын зерттеу, бұл байланыстардың Қазақстанның экономикалық дамуына әсерін бағалау, тауар айналымының құрылымын және Қазақстанның негізгі серіктестерін талдау. жаһандану жағдайында осы елдер тап болатын проблемалар мен қиындықтарды анықтау. Мақалада қатысушы мемлекеттердің ұлттық мүдделерін қорғау үшін экономикалық блоктың тиімді үлгісін әзірлеу қажет деп қорытындыланады. Заманауи әлемдегі стратегиялық серіктестіктің маңыздылығына тоқталып, Қазақстан мен мұсылман әлемі елдері арасындағы ынтымақтастықты нығайту жолдары ұсынылды.

Түйін сөздер: Сауда-экономикалық ынтымақтастық, сыртқы экономикалық байланыстар, экспорт, инвестиция, Орталық Азия, геосаяси байланыстар.

Zhalilov Z.G.

R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan

E-mail: zaur1952@mail.ru

KAZAKHSTAN – COUNTRIES OF THE MUSLIM WORLD: ON ISSUES ABOUT COOPERATION AND SECURITY

Abstract. The study is aimed at analyzing the trade and economic relations of Kazakhstan with the Muslim world and assessing their impact on the economic development of the country. The significance of the study lies in identifying new opportunities for expanding cooperation and optimizing foreign economic relations. It is a comprehensive analysis covering various aspects of economic relations, such as energy resources, transport routes, investments and so on. The novelty lies in the comprehensive approach to analyzing the interaction of Kazakhstan with the Muslim world in the context of modern challenges and opportunities. Regarding the methodology, the study is based on the analysis of statistical data, scientific works and publications in the field of economics and international relations. Methods of comparative analysis, statistical modeling and forecasting are used. The main objectives of the article: to study the trade and economic ties of Kazakhstan with the Muslim world, to assess the impact of these ties on the economic development of Kazakhstan, to analyze the structure of trade turnover and the main partners of Kazakhstan in the region and to identify the problems and challenges that these countries face in the context of globalization. The article concludes that it is necessary to develop an effective model of an economic bloc to protect the national interests of the participating states. The importance of strategic partnerships in the modern world is emphasized and ways to strengthen cooperation between Kazakhstan and the countries of the Muslim world are proposed.

Key words: Trade and economic cooperation, foreign economic relations, exports, investments, Central Asia, geopolitical relations.

Сведения об авторе:

Джалилов Заур Гафурович , главный научный сотрудник, доктор исторических наук, доцент, Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, Алматы, Казахстан.

Автор туралы мәлімет:

Жалилов Зәур Гафурұлы, бас ғылыми қызметкер, тарих ғылымдарының докторы, доцент, Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты, Алматы, Қазақстан.

Information about the author:

Jalilov Zaur Gafurovich, Chief Researcher, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan.

Нурланова Н.К.

Институт экономики, Алматы, Казахстан

E-mail: n.k.nurlanova@gmail.com

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ФАКТОР РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (на примере взаимодействия приграничных территорий Казахстана и Китая)

Аннотация. Данная статья исследует перспективы и особенности приграничных территорий на примере Казахстана и СУАР. Основная цель исследования заключается в анализе и степени перспективности установления и расширения на приграничной территории трансграничного торгово-экономического, научно-технического, социально-культурного сотрудничества. Методология включает анализ программ развития, статистических данных и экспертных оценок, а также интервью с представителями правительственных и научных кругов в указанных районах. Основные задачи исследования включают анализ текущего состояния приграничных районов, деятельность особых экономических зон и потенциальные возможности СЭЗ “МЦПС “Хоргос” В ходе работы было выявлено новизна статьи – Новые статистические данные по районам собранных на местах позволяют более гибко подходить к прогнозированию будущего развития избранных районов Результаты исследования позволяют лучше продемонстрировать динамичность сотрудничества и проследить вовлеченность населения в экономические процессы.

Ключевые слова: *Казахстан, Китай, СУАР, СЭЗ “МЦПС “Хоргос”, Алматинская область, COVID-19.*

Введение

Геополитическая ситуация, перманентные военные конфликты, риски новой волны эпидемиологической угрозы в современном мире привели к возникновению финансово-экономического, энергетического и продовольственного кризисов. Результатом новых глобальных вызовов стало увеличение степени закрытости и разобщенности стран и мировых рынков, что неизбежно ведет к сокращению объёмов международной торговли, снижению конкурентоспособности многих товаров и продуктов, и как следствие, росту цен. В этих условиях важным фактором стабильного развития государств является трансграничное торгово-экономическое и научно-техническое сотрудничество.

В Казахстане важным фактором, определяющим специфику приграничных территорий, является специализация их экономики, объемы промышленного и сельскохозяйственного производства и товарооборота. Большое значение для развития транзитного потенциала Казахстана и торгово-экономического сотрудничества имеет взаимодействие с Китаем. На развитие сотрудничества между приграничными территориями Республики Казахстан и Китайской Народной Республики (КНР) влияют такие факторы, как географическая близость, общая граница, развитие таможенной и около-таможенной инфраструктуры, геополитический фактор, сходные задачи экономического развития.

Формирование модели Нового Казахстана, новые экономические и политические реформы в нашей стране создали платформу для формирования новых взаимоотношений с сопредельными государствами и новой конфигурации трансграничного сотрудничества, учитывающих современные тенденции мирового экономического развития. Особое значение для осуществления новых видов международного сотрудничества, нетрадиционных форм кооперации имеют приграничные территории Казахстана.

Характерным признаком приграничных территорий является их периферийное географическое положение по отношению к центру, где принимаются решения. При этом приграничные территории часто являются отсталыми в социально-экономическом отношении. Причиной тому является удаленность от национальных товарных рынков, если к тому же эти территории характеризуются слабой инфраструктурной обустроенностью, препятствующей свободному движению факторов производства, в том числе и притоку инвестиций для модернизации хозяйства, то они, как правило, относятся к депрессивным.

Развитие приграничных районов тесно связано с собственно государственной границей и выполняемыми ею различными функциями (барьерная, фильтрующая и контактная). Для приграничных территорий страны характерны следующие особенности экономического развития:

- низкий производственный потенциал в силу периферийного географического размещения производства по отношению к индустриальным, финансовым и региональным центрам, а также необходимости выполнения защитных функций в пограничной зоне;
- слабая заселенность и, как следствие, низкая плотность населения из-за специфики расселения в приграничных зонах, связанной с необходимостью выполнения функций барьера и контроля за миграцией населения и другими потоками людей;
- низкая емкость внутреннего рынка;
- часто недостаточная инфраструктурная обустроенность;
- наиболее частое проявление признаков депрессивности экономики и социальной сферы;
- повышенные риски нелегальной миграции и контрабанды товаров, наркотиков, оружия, литературы экстремистского толка и т.п.

Материалы и методы исследования

Исследование о взаимоотношениях приграничных районов и СЭЗ включает компаративный анализ, который дает сравнительное изучение и сопоставление экономических аспектов взаимодействия Алматинской области и СУАР, как приграничных зон. Качественный и количественный анализ данных предоставил обширный анализ статистических данных, в том числе опросы местных жителей, сигнализирующие о влиянии пограничной торговли с Китаем.

Степень изученности темы

Степень изученности темы можно оценить как выше среднего. Учитывая, что экономические отношения между Китаем и Казахстаном усиливаются, Хоргос как свободная экономическая зона привлекает не только отечественных и китайских исследователей, но и зарубежных авторов. Несмотря на наличие огромного количества статистических данных, вопросы эффективности остаются дискуссионными.

Результаты исследования

Какие перспективы ждут СУАР и Алматинскую область в разрезе трансграничного сотрудничества?

Несмотря на многие риски функционирования хозяйства приграничных территорий, они имеют большие преимущества, определяющие потенциал перспективного развития их экономики. Они заключаются в возможности установления и расширения на их территории трансграничного торгово-экономического, научно-технического, социально-культурного сотрудничества. На этих территориях могут разрабатываться и быть реализованными совместные с сопредельными государствами программы и планы по управлению социально-экономическим развитием приграничными территориями и населенными пунктами, а также местными общественными делами.

Позитивные процессы приграничного сотрудничества проявляются с особой силой, если границы являются относительно открытыми, как например, между странами Центральной Азии. Так, с сопредельными территориями этих стран активно развивается туризм, в том числе деловой, экологический, оздоровительный, расширяются взаимовыгодные торгово-экономические и научно-технические связи, усиливаются интеграционные процессы, которые могут способствовать образованию свободных экономических зон (СЭЗ) на приграничных территориях соседних стран.

В Казахстане важным фактором, определяющим специфику приграничных территорий, является специализация их экономики, объемы промышленного и сельскохозяйственного производства и товарооборота. Большое значение для развития транзитного потенциала Казахстана и торгово-экономического сотрудничества имеет взаимодействие с Китаем. На развитие сотрудничества между приграничными территориями Республики Казахстан и Китайской Народной Республики (КНР) влияют такие факторы, как географическая близость, общая граница, развитие таможенной и около-таможенной инфраструктуры, геополитический фактор, сходные задачи экономического развития.

Практика показывает реальные шаги и направления по углублению данного процесса между двумя странами. Так, развитию приграничного сотрудничества уделялось внимание в Программе развития регионов Республики Казахстан до 2020г. в части приграничных территорий, где основной задачей являлось их обустройство как важнейших зон международного экономического сотрудничества [1].

С китайской стороны развитию сотрудничества приграничных районов особое значение придается в общегосударственной политике. За последние два десятилетия в КНР была создана законодательная база и эффективный механизм приграничного сотрудничества. Увеличивается вклад китайских инвесторов в казахстанскую экономику, что, по нашему мнению, дает большие выгоды китайскому бизнесу, так как позволяет ему в дальнейшем сократить транспортные издержки для вывода собственной продукции на мировые рынки. В отраслевом разрезе выделяется пять секторов казахстанской экономики, где китайские инвесторы находят наиболее привлекательные сферы деятельности и куда они делают свои инвестиционные вложения: транспорт и складирование (4,9 млрд. долл. США), горнодобывающая промышленность (2,6 млрд. долл. США), финансовая и страховая деятельность (2,2 млрд. долл. США), строительство (2,1 млрд. долл. США) и обрабатывающая промышленность (2,1 млрд. долл. США), оптово-розничная торговля (833,1 млн. долл. США). Общее число казахстанско-китайских инвестиционных проектов достигло 51 единиц, совокупный объем инвестиций оценивается в сумму более 27 млрд. долл. США. Выполнение совместных проектов позволит создать порядка 20 тысяч новых постоянных рабочих мест для казахстанского населения [2], и тем самым, увеличить экспорт готовой продукции совместными компаниями.

Особую значимость в углублении взаимовыгодного сотрудничества имеет проект «Один Пояс - Один Путь», в рамках которого введен в эксплуатацию ряд крупных инфраструктурных проектов. Среди них наиболее важные: расширение Международного центра приграничного сотрудничества (МЦПС) «Хоргос» на границе Казахстана и Китая, формирование свободной экономической зоны «Хоргос – Восточные ворота»; международный транзитный коридор «Западная Европа — Западный Китай», часть которого проходит через Казахстан.

В будущем прогнозируется, что инвестиции Китая в страны, расположенные вдоль международного транспортного маршрута «Один пояс – Один путь», станут все более ощутимыми и диверсифицированными. Кроме энергетики, транспорта, добычи и переработки нефти, нефтехимии, строительства и других традиционных отраслей, объем

инвестиций увеличится в сферу услуг (коммерческое обслуживание, передача информации и др.) [3].

Сопредельным с Казахстаном регионом является Синьцзян-Уйгурский Автономный Район (СУАР). Район является крупным транспортным внешнеторговым узлом, который очень важен с точки зрения торгово-экономических связей, в первую очередь, с Казахстаном. Через СУАР и Казахстан пролегает трансграничный мост «Западный Китай – Западная Европа».

Сравнительный анализ приграничных районов КНР и Алматинской области показал, что по природным условиям и по потенциалу экономического развития рассматриваемые территории имеют значительное сходство. Однако основные показатели социально-экономического развития двух стран значительно разнятся в силу воздействия внутренних и внешних факторов, а именно: различия в численности населения, объеме инвестиций в основной капитал, уровне диверсификации и развития основных сфер экономики, количестве и степени деловой активности субъектов малого и среднего предпринимательства и т.д.

Алматинская область и ее приграничные с КНР районы имеют ярко выраженную аграрную специализацию. Сельское хозяйство в области самый крупный сектор по занятости населения (более 27% от общей занятости), где функционируют более 54 тысячи сельскохозяйственных формирований и 345 тысяч личных подсобных хозяйств населения. Аграрный сектор области – многопрофильный. Здесь возделывается около 30 видов сельскохозяйственных культур, разводится 45 видов сельскохозяйственных животных и выпускается более 35 видов переработанных продовольственных товаров. Основу специализации области составляет производство зерновых, в том числе кукурузы, пшеницы, ячменя, а также риса, технических культур и картофеля. Животноводческая специализация представлена мясомолочным скотоводством, тонкорунным овцеводством, продуктивным коневодством, верблюдоводством, промышленным свиноводством и птицеводством. В промышленности области преобладает переработка сельскохозяйственной продукции, ее доля в общем объеме промышленного производства превышает 60%.

Главным фактором сотрудничества между приграничными районами Казахстана и Китая остается торговля. Китай является одним из ключевых партнеров Казахстана, доля товарооборота Казахстана с КНР составляет 12,1% от совокупного объема (68,2 млрд. долл. США) [4]. Экспорт Алматинской области достаточно диверсифицирован и ориентирован на 7 видов товаров – сигареты, аккумуляторы, пропан сжиженный, рыбная и лакокрасочная продукция, пшеничная мука, сульфат бария, мучные кондитерские изделия. Мировая практика показывает, что чем выше уровень диверсификации экспорта, тем ниже зависимость от влияния внешних факторов. Однако для дальнейшего увеличения экспорта товаров производителям Алматинской области необходимо оказывать целевое содействие.

Большую долю в объеме товарооборота области занимает приграничная торговля в таких районах как Панфиловский, Алакольский и Уйгурский. В рамках приграничного сотрудничества наиболее важными в сфере углубления и наращивания транзитно-экспортного потенциала в области торговли являются приграничные территории Хоргос и Достык.

В настоящее время в приграничной зоне наиболее активно развивается Международный центр приграничного сотрудничества (МЦПС) «Хоргос». Данный проект является уникальным, т.к. является, во-первых, многоаспектным, и направлен на развитие торгово-экономического, инвестиционного, туристического и культурного приграничного сотрудничества, во-вторых, МЦПС расположен на сопредельных территориях Казахстана и Синьцзян-уйгурского автономного района Китая. Эффективность работы «Хоргоса» обеспечивается за счет реализации принципа «два въезда – один контроль», что означает

возможность беспрепятственного пересечения границы населением приграничных территорий сопредельных Казахстана и Китая по специальному переходу. При этом граждане Казахстана могут свободно находиться на территории Китая без визы в течение 30 дней. Для бизнеса Казахстана функционирование МЦПС «Хоргоса» дает возможность выходить на рынок Китая и других стран Юго-Восточной Азии.

Потенциальные возможности СЭЗ “МЦПС “Хоргос” для развития экономики Казахстана и приграничного Панфиловского района, на территории которого размещена его казахстанская часть, очень велики. Однако используются они пока недостаточно. Так, отстает от реальных потребностей торгового оборота институционально-правовая база Казахстана. Специальные нормативно-правовые акты, регулирующие сотрудничество в банковском секторе, обращение иностранной валюты при торговых операциях, введенные в действие только в 2019 г., еще не дали положительного эффекта. Необходимо дальнейшее совершенствование нормативно-законодательной базы Казахстана в части установления налоговых льгот и преференций для привлечения отечественного бизнеса в МЦПС «Хоргос», возможность открытия банковских счетов в национальной и иностранной валюте в уполномоченных банках на казахстанской стороне без ограничений.

Следует отметить, что в этом отношении казахстанская сторона значительно отстает от китайской, на стороне которой данные нормы и преференции уже действуют.

Тем не менее, для Казахстана и всех стран-членов ШОС откроются большие возможности для торговли товарами в результате завершения строительства на территории МЦПС “Хоргос” международного выставочного комплекса площадью 115 тыс. кв. м. на 3 тысячи стендов.

Динамично развивающийся товарооборот с Китаем, создание международных центров приграничной торговли, принятые меры по развитию транспортных сообщений вглубь территорий республики с выходом в другие страны, огромный туристический потенциал создают предпосылки для развития экономики приграничных районов Алматинской области, граничащих с СУАР.

При исследовании динамики и характера экономики трех приграничных районов наиболее близких к Китаю – Панфиловского, Алакольского, и Уйгурского были выявлены существенные диспропорции в их развитии. Как известно, Китай заинтересован в экспорте продовольственной продукции из Казахстана, особенно пшеницы. Однако, несмотря на устойчивый рост этого показателя в приграничных районах области, его темпы в них были значительно ниже. Таким образом, при выраженной аграрной специализации этих районов, потенциал развития сельского хозяйства используется не полностью.

Наибольший вклад в экономику рассматриваемых приграничных районов вносит оптовая и розничная приграничная торговля, и соответственно она является основным источником доходов их жителей.

Данный вывод подтверждает и анкетный опрос населения по проблемным вопросам развития приграничных районов Алматинской области. А именно, по вопросу приграничного сотрудничества и его влияния на повышение уровня жизни населения села 100% опрошиваемых ответили утвердительно в Уйгурском районе, около 90% в Алакольском и 80% в Панфиловском районе (см. Приложение). Наиболее активной сферой сотрудничества в этих районах была отмечена торговля, соответственно, 100%, 43%, и 90%. На вопрос о конкурентоспособности казахстанских товаропроизводителей населением была дана оценка на уровне от 30% до 50% по выпуску продуктов питания и товаров повседневного спроса. Респондентами были отмечены трудности и препятствия, связанные с экономическим сотрудничеством в области торговли, занятия бизнесом по обе стороны границы, пересечения границы, соответственно, 50%, 57,1%, 40%. На вопрос – какова роль местных базаров в развитии приграничного района, от 50% до 80% опрошиваемых отметили,

что они приносят доход для местного населения; и только от 20% до 30% опрошенных жителей районов заметили, что приграничная торговля укрепляет взаимоотношения с Китаем.

Результаты

Исходя из сравнительного анализа развития экономики приграничных районов Алматинской области Республики Казахстан и сопредельных районов Китайской Народной республики можно сделать следующие выводы.

1) Экономика приграничных районов Алматинской области Казахстана и сопредельных районов Китая имеют различные структуры экономик. Если приграничные районы Алматинской области по своей специализации относятся к агропромышленным, то в экономике СУАР преобладает промышленность, причем преобладают обрабатывающие отрасли (40,3%) и третичная индустрия (услуги, информационные технологии, и инвестиции в основной капитал), которая достигла 45,8%, что свидетельствует об ускоренных темпах цифровизации его экономики и инновационном характере развития.

2) В условиях новых глобальных вызовов, влияния последствий пандемии COVID-19 в регионах Казахстана необходимо самостоятельное развитие экономики с опорой на использование местных ресурсов (природных, сырьевых, материальных, трудовых, транзитного потенциала). Большое значение в этой ситуации имеет развитие приграничных территорий, отраслью специализации которых является сельское хозяйство.

3) Перспективное развитие приграничных районов требует, во-первых, значительного увеличения инвестиций, во-вторых, совершенствования управления с использованием следующих подходов: целевой характер и адресность государственной поддержки; ответственность исполнителей; дифференциация форм, методов и механизмов стимулирования в зависимости от степени депрессивности территорий и приоритетности проектов; преимущественная поддержка территорий, в которых ограничены возможности саморазвития на основе внутренних ресурсов; переход на программные методы с использованием инструментов контроля результатов и отчетности; приоритетное субсидирование посевных работ, системы хранения продукции и развития транспортно-логистической инфраструктуры; расширение государственно-частного партнерства (ГЧП) и микрокредитования; развитие кооперации; активизация местного самоуправления; совершенствование нормативно-законодательной базы и межбюджетных отношений с целью формирования полноценных местных бюджетов и снижения безвозмездных субсидий.

4) Одним из наиболее эффективных путей преодоления негативных последствий пандемии COVID-19 является развитие двустороннего сотрудничества с Китаем в долгосрочной перспективе. Для этого предлагается: расширение инновационных площадок для бизнеса на приграничных территориях Алматинской области и СУАР; составление новых торговых соглашений о продаже сельскохозяйственной продукции РК и КНР; предоставление льготных программ для продвижения обрабатывающей промышленности на территории МЦТЭС «Хоргос»; развитие совместной базы туризма, шоп-туризма; развитие социальной инфраструктуры МЦТЭС «Хоргос» и прилегающих районов для привлечения денежных потоков и развития покупательской способности обеих стран.

Заключение

Предложенные направления и механизмы стимулирования торгово-экономического сотрудничества и деловой активности в приграничных районах Алматинской области могут обеспечить устойчивую динамику экономического развития и повышение качества жизни населения, и в то же время, способствовать обеспечению продовольственной безопасности Казахстана.

Литература:

1. Постановление Правительства Республики Казахстан от 16 ноября 2018 г. №767. «Об утверждении Государственной программы развития регионов до 2020 года» // URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1800000767/> (Дата обращения: 01.06.2022)
2. Центр деловой информации Капитал // URL: <https://kapital.kz/economic/69671/otnosheniya-kazahstana-i-kitaya-vyhodyat-na-novuyj-uroven.html> (Дата обращения: 02.06.2022)
3. Китай продолжает увеличивать инвестиции в главные страны вдоль "Пояса и пути" // URL: <http://ru.siluxgc.com/html/R1682/201902/71263586862537533211.shtml>. (Дата обращения: 05.06.2020).
4. Торговый оборот Китая и Казахстана в Хоргосе // URL: <https://informburo.kz/novosti/torgovyy-оборот-kitaya-i-kazahstana-v-horgose-dostig-trilliona-tenge-za-polgoda.html> (Дата обращения: 15.05.2021).
5. Гаспарян Карен. Участие Казахстана в инициативе Китая «Один пояс – Один путь» // Постсоветские исследования. 2019. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-kazahstana-v-initsiativa-kitaya-odin-poyas-odin-put> (дата обращения: 01.04.2024).
6. 10-летие совместного строительства инициативы «Один пояс и один путь»: достижения и новая глава плодотворного сотрудничества // URL: http://kz.china-embassy.gov.cn/rus/sgxx/sgdt/202309/t20230908_11140107.htm
7. Пак Егор Вадимович. Участие КНР в инфраструктурном строительстве на территории России и Казахстана. Инициатива «Один пояс, один путь» // Российский внешнеэкономический вестник. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-knr-v-infrastrukturnom-stroitelstve-na-territorii-rossii-i-kazahstana-initsiativa-odin-poyas-odin-put> (дата обращения: 01.04.2024).
8. Льготная политика СЭЗ "Хоргос" в СУАР будет продлена до 2030 года //URL: https://www.kt.kz/rus/project/lgotnaya_politika_sez_horgos_v_suar_budet_prodlena_do_1377931530.html (дата обращения: 02.06.2022).
9. Казахстан и Китай обсудили дальнейшее развитие МЦПС «Хоргос» //URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mti/press/news/details/168050?lang=ru> (дата обращения: 02.06.2022).
10. О проекте Указа Президента Республики Казахстан "О создании специальной экономической зоны "Хоргос - Восточные ворота" //URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1100001380> (дата обращения: 02.06.2022).
11. СЭЗ «Хоргос-Восточные ворота» становится мостом для продвижения товаров из Вьетнама в Европу через территорию Казахстана //URL: <https://kazlogistics.kz/ru/news/new/297> (дата обращения: 02.06.2022).
12. Special Economic Zone Khorgos – Eastern Gate // URL: <https://govt.chinadaily.com.cn/s/201902/13/WS5c63c6a8498e27e33803839d/special-economic-zone-khorgos-eastern-gate.html> (дата обращения: 02.06.2022).
13. Silk Road hub or tax haven? China's new border trade zone may be less than it seems //URL: <https://www.reuters.com/article/idUSKBN18V15Z/> (дата обращения: 02.06.2022).
14. 40 years of development: Horgos Special Economic Zone // URL: https://en.gmw.cn/2020-08/23/content_34122661.htm (дата обращения: 02.06.2022).
15. Export: IBCC: China Kazakhstan Horgos // URL: <https://www.ceicdata.com/en/china/usd-trade-by-specific-trade-zone/export-ibcc-china-kazakhstan-horgos> (дата обращения: 02.06.2022).

Reference:

1. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 16 nojabrja 2018 g. №767. «Ob utverzhdenii Gosudarstvennoj programmy razvitija regionov do 2020 goda» [Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan dated November 16, 2018 No. 767. "On approval of the State Regional Development Program until 2020"]// URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1800000767/> (Date of access:: 01.06.2022) [in Russian]. [Elektron resource].
2. Centr delovoj informacii Kapital [Business Information Center Capital]// URL: <https://kapital.kz/economic/69671/otnosheniya-kazahstana-i-kitaya-vyhodyat-na-novyj-uroven.html> (Date of access:: 02.06.2022) [in Russian]. [Elektron resource].
3. Kitaj prodolzhaet uvelichivat' investicii v glavnye strany vdol' "Pojasa i puti" [China continues to increase investment in key countries along the Belt and Road]// URL: <http://ru.siluxgc.com/html/R1682/201902/71263586862537533211.shtml>. (Date of access:: 05.06.2020). [in Russian]. [Elektron resource].
4. Torgovyj oborot Kitaja i Kazahstana v Horgose [Trade turnover between China and Kazakhstan in Khorgos] // URL: <https://informburo.kz/novosti/torgovyy-oborot-kitaya-i-kazahstana-v-horgose-dostig-trilliona-tenge-za-polgoda.html> (Date of access:: 15.05.2021). [in Russian].
5. Gasparjan Karen. Uchastie Kazahstana v iniciative Kitaja «Odin pojas – Odin put'» // Postsovetskie issledovanija [Kazakhstan's participation in China's "One Belt – One Road" initiative // Post-Soviet Studies.]. 2019. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-kazahstana-v-initsiative-kitaya-odin-poyas-odin-put> (data obrashhenija: 01.04.2024). [in Russian]. [Elektron resource].
6. 10-letie sovmestnogo stroitel'stva iniciativy «Odin pojas i odin put'»: dostizhenija i novaja glava plodotvornogo sotrudnichestva [10th anniversary of joint construction of the Belt and Road Initiative: achievements and a new chapter of fruitful cooperation] // URL: http://kz.china-embassy.gov.cn/rus/sgxx/sgdt/202309/t20230908_11140107.htm (data obrashhenija: 01.04.2024). [in Russian]. [Elektron resource].
7. Pak Egor Vadimovich. Uchastie KNR v infrastruktornom stroitel'stve na territorii Rossii i Kazahstana. Iniciativa «Odin pojas, odin put'» [Participation of the PRC in infrastructure construction in Russia and Kazakhstan. One Belt, One Road Initiative] // Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-knr-v-infrastruktornom-stroitel'stve-na-territorii-rossii-i-kazahstana-initsiativa-odin-poyas-odin-put> (data obrashhenija: 01.04.2024). [in Russian]. [Elektron resource].
8. L'gotnaja politika SJeZ "Horgos" v SUAR budet prodlena do 2030 goda [The preferential policy of the Khorgos FEZ in the XUAR will be extended until 2030] //URL: https://www.kt.kz/rus/project/lgotnaya_politika_sez_horgos_v_suar_budet_prodlena_do_1377931530.html (data obrashhenija: 02.06.2022). [in Russian]. [Elektron resource].
9. Kazahstan i Kitaj obsudili dal'nejshee razvitie MCPS «Horgos» [Kazakhstan and China discussed the further development of the Khorgos ICBC] //URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mti/press/news/details/168050?lang=ru>(data obrashhenija: 02.06.2022). [in Russian]. [Elektron resource].
10. O proekte Ukaza Prezidenta Respubliki Kazahstan "O sozdanii special'noj jekonomicheskoy zony "Horgos - Vostochnye vorota" [On the draft Decree of the President of the Republic of Kazakhstan "On the creation of a special economic zone "Khorgos - Eastern Gate"] //URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1100001380> (data obrashhenija: 02.06.2022). [in Russian]. [Elektron resource].

11. SJeZ «Horgos-Vostochnye vorota» stanovitsja mostom dlja prodvizhenija tovarov iz V'etnama v Evropu cherez territoriju Kazahstana [SEZ "Khorgos-Eastern Gate" becomes a bridge for the movement of goods from Vietnam to Europe through the territory of Kazakhstan]//URL: <https://kazlogistics.kz/ru/news/new/297> (data obrashhenija: 02.06.2022). [in Russian]. [Elektron resourse].

12. Special Economic Zone Khorgos – Eastern Gate // URL: <https://govt.chinadaily.com.cn/s/201902/13/WS5c63c6a8498e27e33803839d/special-economic-zone-khorgos-eastern-gate.html> (data obrashhenija: 02.06.2022).

13. Silk Road hub or tax haven? China's new border trade zone may be less than it seems //URL: <https://www.reuters.com/article/idUSKBN18V15Z/> (data obrashhenija: 02.06.2022).

14. 40 years of development: Horgos Special Economic Zone // URL: https://en.gmw.cn/2020-08/23/content_34122661.htm (data obrashhenija: 02.06.2022).

15. Export: IBCC: China Kazakhstan Horgos // URL: <https://www.ceicdata.com/en/china/usd-trade-by-specific-trade-zone/export-ibcc-china-kazakhstan-horgos> (data obrashhenija: 02.06.2022).

Нұрланова Н.К.

Экономика институты, Алматы, Қазақстан

E-mail: n.k.nurlanova@gmail.com

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ЫНТЫМАҚТАСТЫҚ ӨНІРЛІК ДАМУ ФАКТОРЫ РЕТІНДЕ (Қазақстан мен Қытайдың шекаралас аумақтарының өзара іс-қимылы мысалында)

Аңдатпа. Бұл мақала Қазақстан мен СУАР мысалында шекара маңындағы аумақтардың перспективалары мен ерекшеліктерін зерттейді. Зерттеудің негізгі мақсаты шекара маңындағы аумақта трансшекаралық сауда-экономикалық, ғылыми-техникалық, әлеуметтік-мәдени ынтымақтастықты орнату мен кеңейтудің перспективалық дәрежесін талдау болып табылады. Әдістеме даму бағдарламаларын, статистикалық деректерді және сараптамалық бағалауды талдауды, сондай-ақ аталған аудандардағы үкіметтік және ғылыми орта өкілдерімен сұхбаттарды қамтиды. Зерттеудің негізгі міндеттеріне шекара маңы аудандарының ағымдағы жай-күйін талдау, ерекше экономикалық аймақтардың қызметі және "Қорғас "ХШЫО" АЭА-ның әлеуетті мүмкіндіктері кіреді жұмыс барысында мақаланың жаңалығы анықталды-жергілікті жерлерде жиналған аудандар бойынша жаңа статистикалық деректер таңдалған аудандардың болашақ дамуын болжауға неғұрлым икемді қарауға мүмкіндік береді зерттеу нәтижелері ынтымақтастықтың серпінділігін жақсырақ көрсетуге және халықтың тартылуын бақылауға мүмкіндік береді жылы экономикалық процестер.

Түйін сөздер: Қазақстан, Қытай, СУАР, "Қорғас "ХШЫО" АЭА, Алматы облысы, COVID-19.

Nurlanova N.K.

Institute of Economics,Almaty, Kazakhstan

E-mail: n.k.nurlanova@gmail.com

INTERNATIONAL COOPERATION AS A FACTOR OF REGIONAL DEVELOPMENT (on the example of interaction between the border territories of Kazakhstan and China)

Abstract. This article explores the prospects and features of the border territories on the

example of Kazakhstan and the XUAR. The main purpose of the study is to analyze and the degree of prospects for establishing and expanding cross-border trade, economic, scientific, technical, socio-cultural cooperation in the border area. The methodology includes analysis of development programs, statistical data and expert assessments, as well as interviews with representatives of government and academia in the specified areas. The main objectives of the study include the analysis of the current state of the border areas, the activities of special economic zones and the potential of the FEZ “ICBC “Khorgos” In the course of the work, the novelty of the article was revealed – New statistical data on the areas collected locally allow for a more flexible approach to predicting the future development of selected areas. The results of the study make it possible to better demonstrate the dynamism of cooperation and trace the involvement of the population in economic processes.

Keywords: Kazakhstan, China, XUAR, FEZ “ICBC “Khorgos”, Almaty region, COVID-19.

Сведения об авторе:

Нурланова Наиля Капеновна, доктор экономических наук, профессор, Институт экономики КН МНВО РК, Алматы, Казахстан.

Автор туралы мәлімет:

Нұрланова Наиля Қапенқызы, экономика ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҒЖБМ ҒК Экономика институты, Алматы, Қазақстан.

Information about autor:

Nurlanova Nailya Kapenovna, Doctor of Economics, Professor, Institute of Economics, KN MNERO RK, Almaty, Kazakhstan

Шаймарданова Н.Ж.

Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, Алматы, Казахстан

E-mail: nshaimardanova@gmail.com

ЯПОНИИ В XXI ВЕКЕ - ОТВЕТ НА ИЗМЕНЕНИЯ АРХИТЕКТУРЫ МИРОВЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье приводится анализ политических концепций премьер-министров Японии, начиная с проамериканской политики Дзюньитиро Коидзуми, чьи действия способствовали участию Японии в антитеррористических операциях в Афганистане и Ираке, а также привели к осложнениям в отношениях с Китаем и Южной Кореей. Синдзо Абэ укрепил японо-американский альянс и придал большое значение азиатской стратегической дипломатии; Ясуо Фукуда уделял особое внимание интеграции в Тихоокеанском регионе; Таро Асо проводил ценностно-ориентированную дипломатию; Юкио Хатояма предложил идею «братской политической философии», основанную на сотрудничестве и многополярности; Наото Кан и Ёсихико Нода продолжали политику укрепления альянса с США и уравнивания отношений с региональными актерами. Второй срок Синдзо Абэ ознаменовался стремлением Японии к возрождению как ведущей державы мира и пересмотру пацифистских статей конституции. Стратегия национальной безопасности Суга Ёсихидэ характеризовалась укреплением связей с США и акцентом на экологических вопросах. Действующий премьер Кисида Фумио продолжает эту линию, однако сталкивается с новыми вызовами, такими как пандемия Covid-19 и тектонические сдвиги в мировой геополитике.

Несмотря на изменения в политических концепциях, внешняя политика Японии сохраняет стабильность, особенно в отношении союза с США, взаимоотношений с Китаем и внимания к Центральной Азии и Казахстану. Япония остается важным и стабильным партнером для стран Центральной Азии, стремясь к укреплению торгово-экономических связей и реагируя на новые глобальные и региональные вызовы.

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке КН МНВО РК; ФНИ по теме BR20281006 «Страны Востока: геополитические вызовы и новые перспективы для Казахстана в историческом и современном измерениях»

Ключевые слова: Япония, США, Китай, Центральная Азия, Казахстан, внешняя политика, премьер-министр, дипломатия, национальная безопасность, пацифизм, региональное сотрудничество, стратегическое партнерство

Введение

В начале XXI века мировая архитектура отношений переживает фундаментальные изменения, обусловленные всплывающими региональными конфликтами, экономическими сдвигами и геополитическими трансформациями. В такой динамичной международной среде Япония, как одна из ведущих экономических и политических держав, стоит перед необходимостью адаптации и переосмысления своей внешней политики. В статье представлена попытка выявить, проанализировать и оценить ключевые аспекты трансформации японской внешней политики в ответ на вызовы нового века.

Рассматривая последовательные периоды правления различных премьер-министров, очевидно, что каждый из них внес свой вклад в развитие и преобразование внешнеполитической стратегии страны. От проамериканской направленности Дзюньитиро Коидзуми до "проактивного пацифизма" Синдзо Абэ, Япония продемонстрировала

готовность и способность переосмыслить свои международные обязательства и стратегические приоритеты. Поддержание сильного альянса с Соединенными Штатами, стремление к диалогу с восходящим Китаем, а также активное участие в региональных и международных делах стали ключевыми элементами японской дипломатии.

Вместе с тем, эти внешнеполитические направления не были лишены внутренних противоречий и внешних препятствий, которые также необходимо учитывать. Проанализировав основные внешнеполитические концепции и действия, статья предлагает понимание того, как Япония смогла сохранить свою роль и статус в меняющемся мире, одновременно адаптируя свои стратегические и экономические цели к новым реалиям. Это исследование ищет ответы на вопросы о том, как Япония смогла сбалансировать свою традиционную роль "мирного посредника" с новыми требованиями глобализованного и взаимозависимого мира, и как новые вызовы и региональные сдвиги могут повлиять на будущее внешней политики страны.

Методы исследования

Для всестороннего изучения трансформации внешней политики Японии в XXI веке были использованы разнообразные методы качественного и количественного анализа. Основой исследования послужили исторический и сравнительный методы, позволяющие оценить изменения в политической доктрине и практике на фоне эволюции мировой и региональной политической обстановки.

Исторический метод включал анализ архивных данных, официальных документов, речей и заявлений японских премьер-министров, а также оценку преемственности и новации в политических курсах их кабинетов. Сравнительный метод применялся для анализа внешнеполитических стратегий различных премьер-министров, идентификации консистенции и дивергенции между их подходами.

Количественный анализ включал в себя статистическую обработку данных о двустороннем торговом обороте, военных расходах, голосованиях в международных организациях, что позволило оценить экономическое и политическое влияние японской внешней политики. Для более глубокого понимания динамики и мотиваций внешней политики был применен метод case-study, включающий анализ конкретных случаев взаимодействия Японии с ключевыми странами.

Контент-анализ публично доступных источников, включая новостные статьи, экспертные оценки и аналитические доклады, позволил выявить тенденции и настроения в общественном мнении, как внутри Японии, так и на международной арене, касающиеся внешней политики страны.

Метод экспертных интервью и опросов помог получить углубленные знания от ведущих ученых, политиков и дипломатов, непосредственно связанных с формированием и реализацией внешнеполитического курса Японии.

Степень изученности темы

Анализ академической литературы и исследовательских работ показывает, что вопросы внешней политики Японии в XXI веке привлекают значительное внимание ученых и экспертов в области международных отношений. Тем не менее, многие аспекты трансформации внешнеполитической стратегии страны, особенно в ответ на изменения глобальной и региональной архитектуры, требуют более глубокого исследования.

Важную роль в понимании этой темы играют работы премьер-министров Японии, их публичные выступления и официальные заявления, которые дают первоисточник информации о стратегиях и приоритетах японской внешней политики. Стратегические документы, такие как "Белая книга" Министерства обороны Японии и стратегии

национальной безопасности, предоставляют важную информацию о военно-политических амбициях и оборонной политике страны. Трансформация политики национальной безопасности, начиная с периода премьерства Синдзо Абэ и последующих кабинетов, получила значительное освещение в научных статьях и монографиях, однако многие исследования сосредоточены на краткосрочных результативных изменениях, минуя более глубокий анализ долгосрочных стратегических последствий и культурно-исторических предпосылок таких решений.

Взаимоотношения с ключевыми странами, такими как США, Китай, Россия и страны Центральной Азии, а также многосторонние отношения в рамках интеграционных процессов АТР и Индо-Тихоокеанского региона, представлены в академическом дискурсе разнообразно, но требуют обновления в свете недавних геополитических событий. Существует также ряд работ, посвященных экономическим аспектам внешней политики Японии, в том числе ее стремлению к расширению инвестиционного и технологического партнерства, которые выходят за рамки традиционной Официальной помощи развития.

Тем не менее, несмотря на значительное количество публикаций и исследований, существует потребность в более комплексных, междисциплинарных исследованиях, которые могли бы объединить различные направления анализа – от политической истории и международного права до культурологии и экономики – для всестороннего понимания эволюции японской внешней политики в новом столетии.

Результаты исследования

Для понимания основных этапов трансформации внешней политики Японии рассмотрены основные внешнеполитические концепции премьер-министров Японии.

Внешняя политика *Дзюньитиро Коидзуми (2001-2006)* отличалась проамериканской направленностью: премьер выступал в поддержку военных действий США против терроризма в Афганистане и Ираке, Япония отправляла войска на войну за рубежом, в частности, японская военно-транспортная авиация оказывала ограниченную поддержку операциям в Ираке, а корабли морских сил самообороны участвовали в тыловой поддержке кораблей ВМС США и их союзников, ведущих антитеррористическую операцию в Афганистане. Посещение Дз. Коидзуми храма Ясукуни, в котором покоится прах японских военных Второй мировой войны, повлекло резкий спад в отношениях с Китаем и Южной Кореей, что отчасти стало причиной неудачи в деле вступления в постоянное членство Совета Безопасности Организации Объединенных Наций в 2005 году, так как страны Азиатско-Тихоокеанского региона не поддержали кандидатуру Японии. Дз. Коидзуми запомнился тем, что впервые с официальными визитами посетил Казахстан, Узбекистан, Эфиопию и Гану; провел переговоры с лидером Северной Кореи Ким Чен Иром.

В ходе официального визита в страны Юго-Восточной Азии японский премьер озвучил о сотрудничестве с АСЕАН, включая Австралию и Новую Зеландию, на основе концепции «10+3» [1]. Это было серьезным шагом японской внешней политики в Юго-Восточной Азии с момента известной доктрины Фукуда (1978).

Основой внешней политики *Синдзо Абэ (2006-2007)* также стал японо-американский альянс, который креп за счет укрепления взаимного доверия Японии и США. Вместе с тем премьер-министр Абэ придавал большое значение азиатской стратегической дипломатии, прилагая усилия для достижения более тесных отношений с соседними странами (Южной Кореей, Россией, Индией и Австралией), разделявшими взгляды Японии на фундаментальные ценности - свободу, демократию, основные права человека, верховенство закона в обществе. Абэ признавал, что бурно развивающийся Китай является важной страной для Японии, и утверждал, «будет и в дальнейшем прилагать усилия для развития добрососедских отношений между Японией и Китаем» [2]. Официальный визит С. Абэ в

Китай способствовал потеплению отношений между Токио и Пекином. Абе провел ряд реформ, повлиявших на внешнеполитический образ страны (модернизация японского Агентства обороны в Министерстве обороны Японии), озвучил планы по созданию Совета национальной безопасности Японии по аналогии с Советом в США, в котором канцелярия премьер-министра станет центром принятия решений по дипломатии и вопросам безопасности.

Внешнеполитическая концепция премьер-министра Японии *Ясуо Фукуда (2007-2008)* стала известна под лозунгом «Нация, содействующая миру» и была направлена на продвижение интеграционных процессов в Тихом океане. Тихий океан должен превратиться во «внутреннее Средиземное море» для стран, которые находятся по берегам Тихого океана. Помимо укрепления союза Японии с США, Фукуда обещал содействовать усилиям АСЕАН в создании Сообщества АСЕАН к 2015 году; поддерживать мира в Азии, на Тихом океане и в мире в целом; способствовать развитию и укреплению инфраструктуры АТР для обмена опытом и знаниями, поскольку это необходимая предпосылка для всего спектра сотрудничества в регионе; проводить активную борьбу с изменением климата в странах АТР [3].

Внешнеполитическая концепция *Таро Асо (2008-2009)* сводилось к «ценностно-ориентированной дипломатии», которая включает элементы свободы и демократии, а также содержит элементы для борьбы с Китаем и Россией. О не проходящей важности японо-американского альянса говорилось в докладе премьера «Дипломатия Японии: обеспечение безопасности и процветания»: по мнению Таро Асо, союз Японии и США является основой обороны Японии и обеспечения мира и стабильности на Дальнем Востоке. Премьер считал успехами Японии направление отряда сил самообороны для борьбы с пиратами в акватории Сомали, снабжение топливом военные корабли США и других стран в Индийском океане, оказание помощи Афганистану и Пакистану. Будучи еще министром иностранных дел Японии Т. Асо обнародовал политическое заявление «Дуга свободы и процветания: расширение японских дипломатических горизонтов» [4]. Уже на посту премьер-министра Японии Т. Асо сказал о необходимости направить взоры на Центральную Азию и Кавказ, богатые природными ресурсами. Он выдвинул идею создания «перекреста Азии и Европы», т.е. образовать «коридор движения товаров между Югом и Севером» из Афганистана до Аравийского моря и «коридор Восток- Запад» - Центральная Азия-Кавказ-Европа. Данная концепция вкупе с ранее выдвинутой идеей о создании промышленного коридора в Индии и районе Меконга образуют каналы движения людей, товаров и финансов, соединяющих азиатский и европейский континенты, которые и станут «современным Шелковым путем». Китай, Индия и Россия также выступают важными партнерами в реализации этой концепции.

Юкио Хатояма (2009-2010) будучи премьер-министром Японии от ДПЯ уже личность историческая. Премьер стал известен своей идеей «братской политической философии», которую он изложил в работе «Моя политическая философия» [5]. Основная идея заключалась в том, что Япония должна быть частью глобальной системы и действовать как «мост между мирами», между Востоком и Западом, богатыми и бедными странами, и стать многополярным мостом между цивилизациями. Философия «братства» была крайне идеалистической, однако идея замены конфликта на сотрудничество согласовывалась с глобальной тенденцией.

Премьер-министр *Наото Кан (2010-2011)* был сторонником прагматичной дипломатии, основанной «на чувстве ответственности». Будучи премьером, он не сделал концептуальных шагов в вопросах дипломатии и безопасности, но придерживался утвердившихся позиций в вопросе баланса отношений Японии с соседними странами и укреплении японо-американского альянса. Кроме этого, Н. Кан выделял стремление Японии к сообществу в Восточной Азии, к углублению взаимовыгодного стратегического сотрудничества с Китаем,

заявил о плане пересмотра Руководства по национальной программе обороны и следующую Среднесрочную программу обороны [6].

Премьер-министр Японии *Ёсихико Нода* (2011-2012) внешнеполитические инициативы направил на укрепление японо-американского альянса как «краеугольного камня» дипломатии Японии, сотрудничество со странами Юго-Восточной Азии и сохранение политического баланса с Китаем во избежание любого влияния на экономические связи двух стран [7].

Второй срок *Синдзо Абэ* (2012-2020) в качестве премьер-министра Японии проходил в рамках философии «правого консерватизма», согласно которой Япония сохраняла преданность союзу с США, но вместе с тем настойчиво старалась избавиться от «комплекса поражения во Второй мировой войне», «подвести черту под политикой военного времени» и начала возрождение Японии «в качестве одной из ведущих держав мира» [8]. Ярким моментом политического курса С. Абэ стала идея о пересмотре «позорной» Конституции, ограничивающей возможности в сфере военной политики, и принятой в условиях «навязанной Японии послевоенной системы». «Доктрина Абэ» - комплекс внешнеполитических мер Японии, включавший пересмотр пацифистских статей конституции, усиление оборонной мощи страны и активный поиск региональных союзников. Япония планировала занять нишу мирового рынка вооружений и отказывалась мириться с антияпонскими жестами восточноазиатских государств, постоянно напоминавших Токио о японских военных преступлениях периода Второй Мировой войны [9]. Данные кардинальные изменения во внешней политике Японии были вызваны новыми угрозами безопасности страны. С одной стороны, это активизация внешней политики Китая и усиление его военно-политического присутствия в регионе и, с другой стороны, ненадежность альянса с США.

С. Абэ проводил согласованную на национальном уровне долгосрочную стратегию Японии: была опубликована первая Стратегия национальной безопасности, учрежден Совет национальной безопасности, приняты законопроекты о безопасности, расширяющие деятельность Японии по обеспечению безопасности на международной арене. Япония смогла осуществлять коллективное право на самооборону в ограниченной степени. Вместе с новыми руководящими принципами обороны между Японией и США японские силы самообороны начали более тесно сотрудничать с вооруженными силами США.

Пекин не поддерживал данный шаг Токио, заявляя, что новое законодательство, позволяющее Японии посылать войска за границу впервые после Второй мировой войны, осложнит региональную безопасность и глобальную стабильность и поставит под вопрос послевоенную приверженность Токио «пути мирного развития». Сеулу приходилось учитывать союзнические отношения с США и северокорейский фактор, но он также призвал Японию «сохранять дух пацифистской конституций» и напомнил, что действия, которые могут затронуть безопасность на Корейском полуострове и национальные интересы Кореи должны согласовываться с Сеулом».

Японское правительство при кабинете Абэ расширило сотрудничество в области безопасности со странами-единомышленниками - Австралией, Индией, Великобританией и Францией. Это дало возможность Японии начать играть гораздо более высокую роль в международной политике.

В начале 2019 г. премьер-министр Японии еще четче заявил о своей решимости окончательно урегулировать все дипломатические споры, накопившиеся после Второй мировой войны. С. Абэ удалось достичь продвижения по многим вопросам, в частности, наметился прогресс в обсуждении мирного договора с Россией, стали налаживаться отношения с Китаем, был проведен исторический саммит с участием США и КНДР [10].

Анализ показал, что в период премьерства С.Абэ в Японии произошла трансформация парадигм политики национальной безопасности. Действия Синдзо Абэ 2.0, т.е. во время его второго срока на посту премьер-министра, были направлены на смену принципов, заложенных еще «доктриной Ёсида». Это время войдет в историю как период серьезных изменений в концепции безопасности Японии – переход к «проактивному пацифизму» [11]. В Стратегии безопасности (2013) сказано, что Японии необходима стратегия национальной безопасности, в рамках которой, она станет еще больше содействовать установлению мира и процветания, взяв за основу «проактивный пацифизм».

В провозглашенной доктрине Синдзо Абэ пересмотрел ограничения на экспорт вооружения и на право коллективной самообороны. «Три принципа поставки военной техники» (2014) включают запрет на экспорт, если страна нарушает международные обязательства и соглашения; строгое рассмотрение каждого случая; контроль за нецелевым использованием полученной от Японии техники [12]. Очевидно, что принятие данного закона не обошлось без давления США, стремящихся разделить финансовые расходы при разработке совместных с Японией дорогостоящих военных проектов. Кроме того, закон решил проблему выхода японских компаний на зарубежный рынок вооружения, в чем крайне были заинтересованы представители крупного японского бизнеса, особенно в условиях экономического застоя.

Для получения Японией права на коллективную самооборону Синдзо Абэ начал политику пересмотра Конституции. В частности, было принято постановление о непрерывной модернизации законодательства в области безопасности. Опросы японских СМИ показывали, что процент населения, не одобряющего использование права на коллективную самооборону и изменение Конституции по-прежнему высок. Однако, постепенно общественное мнение менялось, что связано и с активной внешней политикой Северной Кореи, которую японское правительство также использовало в свою пользу. Важным и показательным стало заявление премьер-министра о том, что он надеется в 2020 г. Япония увидит, как новая Конституция вступит в силу [13].

Геополитическое положение Японии существенно влияет на формирование политики национальной безопасности. В регионе, окружающем Японию, высокая концентрация государств с большим военным потенциалом, при этом рамки регионального сотрудничества по обеспечению безопасности не достаточно институционализированы. Это привело к неопределенности и неясности, а в конечном итоге - к сложностям во взаимодействии с другими государствами региона и нерешенным территориальным спорам. К региональным угрозам относится нестабильная ситуация на Корейском полуострове, усиление влияния Китая (отношения с которым можно считать стабилизированными, однако не прозрачными), вопрос заключения мирного договора с Россией и др. [14].

Внешнеполитический курс премьер-министра Суга Ёсихидэ (2020-2021) в общем можно охарактеризовать как продолжение традиционной японской политики укрепления стратегических отношений с Соединенными Штатами. Суга активно сотрудничал с администрацией президента Джозефа Байдена, поддерживая совместные усилия по обеспечению мира и стабильности в регионе Азиатско-Тихоокеанского бассейна. В то же время Япония стремилась укрепить отношения с ключевыми соседями, такими как Южная Корея и Китай. Несмотря на торговые и политические споры, премьер-министр призывал к диалогу и сотрудничеству в решении общих проблем и вызовов. Суга придавал большое значение мировым экологическим вопросам и сделал акцент на борьбе с изменением климата. Япония обязалась к 2050 году достичь углеродной нейтральности и увеличить долю возобновляемых источников энергии в энергетическом балансе страны.

В целом, внешнеполитический курс премьер-министра Суга Ёсихидэ характеризовался укреплением стратегических отношений с США, акцентом на мировых экологических

вопросах, развитием экономических связей и стремлением к мирному соседству с региональными актерами. Суга унаследовал сложные вызовы, включая пандемию, но при этом продолжал придерживаться традиционных японских политических линий.

Действующий премьер-министр Японии *Кисида Фумио (с 2021 г.)*, в целом, продолжает внешнеполитический курс своих предшественников. Однако в современной системе международных отношений проходят серьезные экономические, политические, культурные трансформации, которые начались с пандемии Covid-19, и активно продолжились в 2022-23 гг., когда аналитики заговорили не просто об изменениях, а о тектонических сдвигах в мировой геополитике.

Принятие Японией новой Стратегии национальной безопасности, вместе с Национальной стратегией в области обороны и Планом оборонного строительства предусматривают ряд беспрецедентных и высокоамбициозных проектов, связанных с обороноспособностью Японии [15]. Продолжая курс С. Абэ, Токио планомерно движется по пути отказа от политики, ориентированной на самооборону, которой он придерживался на протяжении долгих лет после окончания Второй мировой войны. В среднесрочной перспективе Япония планирует довести свои военные расходы до 2% ВВП, а к концу 2027 г. доведет их общую сумму до 43 трлн йен (320 млрд долл.). Тогда военный бюджет страны будет составлять ежегодно около 10 трлн йен (80 млрд долл.) и Япония выйдет по этому показателю на третье место в мире после США и Китая. Сегодняшний курс политики национальной безопасности Японии не представляет собой фундаментальный сдвиг, а скорее ускорение предыдущего пути, вызванное недавним ухудшением региональной обстановки в области безопасности. В этом контексте новшества в вопросах национальной обороны не являются революцией, а скорее эволюцией с гигантским скачком.

Несмотря на изменения в мировой политической обстановке, такие как российская агрессия против Украины, напряженность в Тайваньском проливе и амбиции Северной Кореи в области ядерного и ракетного оружия, Япония стремится не только обеспечить свою безопасность, но и сыграть активную роль в международной безопасности. Япония продолжает рассматривать Соединенные Штаты как своего ключевого стратегического партнера в области безопасности, прилагая усилия для укрепления обороноспособности, обеспечения обороны от баллистических ракет и улучшения кибербезопасности.

Кроме этого, Япония активно развивает сотрудничество с другими странами - Австралия, Южная Корея, Филиппины, Вьетнам и Индия, уделяя внимание расширению сотрудничества в морской безопасности и гуманитарной помощи в регионе Тихого океана; поддерживает концепцию «Свободного и открытого Индо-Тихоокеана» (FOIP).

Заключение

Исследование трансформации внешней политики Японии в XXI веке демонстрирует, что стратегические повороты в дипломатии и национальной безопасности страны были напрямую обусловлены меняющейся геополитической реальностью и динамикой международных отношений. Внешняя политика каждого из рассмотренных премьер-министров Японии отражала уникальные вызовы времени, однако, можно утверждать, что в политике страны имеются как стабильные, неменяющиеся концепты, так и «плавающие». К постоянным атрибутам внешней политики Японии, в первую очередь, относится военно-политический альянс с США. Несмотря на нюансы политических доктрин премьер-министров Японии, данный союз остается «краеугольным камнем» внешнеполитической доктрины уже многие десятилетия, поскольку имеет влияние на стабильность не только всего Азиатско-Тихоокеанского региона, но и мира.

Взаимоотношения с Китаем периодически становясь «прохладными», все равно являлись приоритетными для Токио ввиду быстрорастущего влияния Пекина, а также

соседствующего положения. Однако сегодня, когда мощь Китая не только в регионе, но и на мировой арене значительно возросла, Токио настоятельно просит Пекин соблюдать установленные международные правила и не изменять международный порядок способами, противоречащими этим правилам.

Смена внешнеполитических доктрин отражает стремление Японии к большей независимости и активной роли на международной арене, что проявилось в усилении военной мощи и пересмотре пацифистских статей Конституции. Политика «проактивного пацифизма», запущенная в эпоху Синдзо Абэ, стала попыткой страны адаптироваться к новым безопасным угрозам и изменениям в мировом порядке, в том числе усилению Китая и нестабильности на Корейском полуострове.

Центральная Азия и Казахстан как стратегически важный регион был выделен премьер-министрами Дз.Коидзуми и С.Абэ, что говорит о стабильности и взаимных интересах, но не о приоритетности. Тем не менее, отношения Японии и Казахстана можно охарактеризовать как позитивно развивающиеся. На современном этапе между нашими странами не существует каких-либо крупных противоречий или принципиальных проблем в политической сфере. Интересы Японии в Центральной Азии в основном сводятся к укреплению дружественных связей с азиатскими странами, в том числе с Республикой Казахстан [16].

К приоритетным аспектам деятельности относится открытие совместных предприятий, производящих системы связи, оптико-электронные приборы, авиационную технику; развитие миротворческой составляющей и военного образования, организация военных учений; передача опыта и технологий охраны окружающей среды [17]. Однако существует ряд факторов, ограничивающих сотрудничество Японии и Казахстана: недостаточно емкий рынок сбыта в силу малочисленности населения Казахстана; невысокая эффективность транспортировки в силу географической удаленности, отсутствия прямого выхода к морю; зависимость от транзитных путей [18].

Изучение двусторонних и многосторонних соглашений, подписанных с Японией на протяжении уже трех десятилетий независимости Казахстана свидетельствует о смещении акцентов в экономическом сотрудничестве с простых торговых операций и проектов по линии Официальной помощи развития в пользу взаимовыгодного инвестиционного и технологического партнерства. Другими словами, Япония отходит от своего образа в качестве «поставщика помощи» и становится торговым партнером для Казахстана.

Модель сотрудничества Казахстана с Японией определяется подписанным заявлением «Об особом стратегическом партнерстве между Республикой Казахстан и Японией в век процветания Азии», а также заявлением Главы государства о том, что Япония является одним из ключевых стратегических партнеров в Азии и входит в десятку крупнейших инвесторов Республики Казахстан. В условиях меняющейся мировой конъюнктуры Казахстан, как и Япония, заинтересован в дальнейшем расширении стратегического партнерства. Однако Японии сегодня сосредоточена на решении региональных задач, поскольку ситуация в Восточной Азии вызывает опасения. Индо-Тихоокеанский регион также под влиянием трансформации системы международных отношений проявляет контуры новых интеграций, где Япония занимает активную позицию, вступая в кооперацию с США, Южной Кореей, Индией и Австралией, тем самым выступает оппонентом КНР и России. Казахстан в рамках политики многосторонней дипломатии углубляет свое влияние в центральноазиатском регионе, продолжает вести аккуратную политику с соседними Россией и Китаем, показывает дружественные отношения с Ближним Востоком и Турцией.

Таким образом, комплексный анализ дает понимание, что Япония – надежный и стабильный партнер для стран Центральной Азии, который уже имеет историю присутствия в регионе около тридцати лет. Учитывая положительный имидж Японии в Казахстане, а

также улучшение инвестиционного климата в стране, стороны прилагают усилия по расширению торгово-экономического сотрудничества. Новые вызовы и активно меняющаяся архитектура региона и всего мира требуют от Японии новых подходов и нестандартных действий. В связи с этим, политика Японии в центральноазиатском регионе также может быть подвержена корректировке.

Развертывание внешней политики в сторону стран Центральной Азии и углубление стратегического партнерства с Казахстаном показывает геополитическую гибкость Японии и её стремление к диверсификации международных связей. Одновременно с этим Япония неуклонно следует курсу на укрепление региональной безопасности, что подтверждается инициативами в области оборонной интеграции и сотрудничества с другими странами Тихоокеанского региона.

Активное участие Японии в решении мировых экологических проблем, подчеркнутое во время премьерства Суга Ёсихидэ, свидетельствует о стремлении страны сыграть конструктивную роль в глобальных вызовах, идущих за пределы традиционной внешней политики и безопасности.

Подводя итог, можно утверждать, что Япония, сохраняя преемственность и стабильность основных направлений внешней политики, одновременно демонстрирует готовность к реформам и адаптации к быстро меняющимся внешним условиям. Это говорит о глубоком понимании того, что миропорядок XXI века требует гибкости, стратегического прогнозирования и проактивного подхода к международной дипломатии.

Литература:

1. Speech by Prime Minister of Japan Junichiro Koizumi. Japan and ASEAN in East Asia - A Sincere and Open Partnership. – Singapore, 2002 // https://japan.kantei.go.jp/koizumispeech/2002/01/14speech_e.html (дата обращения: 12.07.2021).
2. Press Conference by Prime Minister Shinzo Abe after the Closing of the 165th Session of the Diet. – Tokyo, 2006 // https://japan.kantei.go.jp/abespeech/2006/12/19kaiken_e.html (дата обращения: 10.08.2022).
3. Speech by H.E. Mr. Yasuo Fukuda, Prime Minister of Japan on the occasion of the 14th International Conference on The Future of Asia. – Tokyo, 2008 // https://japan.kantei.go.jp/hukudaspeech/2008/05/22speech_e.html (дата обращения: 17.09.2022).
4. Speech by H.E. Mr. Taro Aso, Prime Minister of Japan. Japan's Diplomacy: Ensuring Security and Prosperity. – Tokyo, 2009 // https://japan.kantei.go.jp/asospeech/2009/06/30speech_e.html (дата обращения: 16.06.2022).
5. Hatoyama Yukio. My Political Philosophy // Voice. - September. – 2009. - P.134.
6. Policy Speech by Prime Minister Naoto Kan at the 174th Session of the Diet – Tokyo, 2010 // http://www.kantei.go.jp/foreign/kan/statement/201006/11syosin_e.html (дата обращения: 13.04.2023).
7. Policy Speech by Prime Minister Yoshihiko Noda to the 180th Session of the Diet – Tokyo, 2012 // http://www.kantei.go.jp/foreign/noda/statement/201201/24siseihousin_e.html (дата обращения: 1.09.2023).
8. Панов А.Н. Внешнеполитические приоритеты премьер-министра Японии Абэ Синдзо // Япония. Ежегодник. – ИВ РАН, 2016. - С. 7-42.
9. Мирзаян Г. Доктрина Абэ: на пути к дестабилизации Восточной Азии // Внешняя политика. – 2014 // <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/doktrina-abe-na-puti-k-destabilizatsii-vostochnoy-azii/> (дата обращения: 10.08.2023).
10. New Year's Reflection by Prime Minister Shinzo Abe. – Tokyo, 2019 // https://japan.kantei.go.jp/98_abe/statement/201901/_00001.html (дата обращения: 10.11.2020).

11. Andrew L. Oros. International and domestic challenges to Japan's postwar security identity: "norm constructivism" and Japan's new "proactive pacifism" // Identity Change and Foreign Policy. Japan and its "others". Edit. By L.Hagstrom. – Routledge, 2016. – P. 139-160.

12. Премьер-министр и его кабинет. Три принципа поставки военной техники // http://www.kantei.go.jp/jp/kakugikettei/2014/_icsFiles/afieldfile/2014/04/01/20140401-1.pdf (дата обращения: 05.09.2016).

13. Abe declares 2020 as goal for new Constitution. - The Japan Times. – May 3, 2017.

14. Белая книга 2018 г. // Japan Ministry of Defense: <https://www.mod.go.jp/j/publication/wp/wp2018/pdf/index.html>

15. Ministry of Foreign Affairs of Japan. National Security Strategy. Tokyo, 16.12.2022 // https://www.mofa.go.jp/fp/nsp/page1we_000081.html (дата обращения: 10.09.2023).

16. Watanabe K. Japan and the New Central Asia // Sherman W. Garnett et al. The New Central Asia: In Search of Stability. - New York, Paris and Tokyo: The Trilateral Commission, 2000, pp. 39, 45-49.

17. Официальный сайт посольства Японии в Казахстане // <http://www.mofa.go.jp> (дата обращения: 19.08.2021).

18. Милеев Д.А. Взаимоотношения Японии и ШОС. Центр исследований общих проблем современного Востока ИВ РАН // <http://www.vostokoved.ru/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D0%B8/japshos.html> (дата обращения: 21.08.2021).

References:

1. Speech by Prime Minister of Japan Junichiro Koizumi. Japan and ASEAN in East Asia - A Sincere and Open Partnership. – Singapore, 2002 // https://japan.kantei.go.jp/koizumispeech/2002/01/14speech_e.html (дата обращения: 12.07.2021).

2. Press Conference by Prime Minister Shinzo Abe after the Closing of the 165th Session of the Diet. – Tokyo, 2006 // https://japan.kantei.go.jp/abespeech/2006/12/19kaiken_e.html (дата обращения: 10.08.2022).

3. Speech by H.E. Mr. Yasuo Fukuda, Prime Minister of Japan on the occasion of the 14th International Conference on The Future of Asia. – Tokyo, 2008 // https://japan.kantei.go.jp/hukudaspeech/2008/05/22speech_e.html (дата обращения: 17.09.2022).

4. Speech by H.E. Mr. Taro Aso, Prime Minister of Japan. Japan's Diplomacy: Ensuring Security and Prosperity. – Tokyo, 2009 // https://japan.kantei.go.jp/asospeech/2009/06/30speech_e.html (дата обращения: 16.06.2022).

5. Hatoyama Yukio. My Political Philosophy // Voice. - September. – 2009. - P.134.

6. Policy Speech by Prime Minister Naoto Kan at the 174th Session of the Diet – Tokyo, 2010 // http://www.kantei.go.jp/foreign/kan/statement/201006/11syosin_e.html (дата обращения: 13.04.2023).

7. Policy Speech by Prime Minister Yoshihiko Noda to the 180th Session of the Diet – Tokyo, 2012 // http://www.kantei.go.jp/foreign/noda/statement/201201/24siseihousin_e.html (дата обращения: 1.09.2023).

8. Панов А.Н. Vneshnepoliticheskiye prioritety prem'yer-ministr Yaponii Abe Sindzo [Japanese Prime Minister Abe Shinzo's Foreign Policy Priorities] // Yaponiya. Yezhegodnik. – IV RAN, 2016. – S. 7-42. [in Russian].

9. Mirzayan G. Doktrina Abe: na puti k destabilizatsii Vostochnoy Azii // Vneshnyaya politika [The Abe Doctrine: on the way to destabilizing East Asia // Foreign policy]. – 2014 // <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/doktrina-abe-na-puti-k-destabilizatsii-vostochnoy-azii/> (дата обращения: 10.08.2023). [Elektronic resource].

10. New Year's Reflection by Prime Minister Shinzo Abe. – Tokyo, 2019 // https://japan.kantei.go.jp/98_abe/statement/201901/_00001.html (дата обращения: 10.11.2020).
11. Andrew L. Oros. International and domestic challenges to Japan's postwar security identity: "norm constructivism" and Japan's new "proactive pacifism" // Identity Change and Foreign Policy. Japan and its "others". Edit. By L.Hagstrom. – Routledge, 2016. – P. 139-160.
12. Prem'yer-ministr i yego kabinet. Tri printsipa postavki voyennoy tekhniki [The Prime Minister and his cabinet. Three principles of the supply of military equipment]// http://www.kantei.go.jp/jp/kakugikettei/2014/_icsFiles/afieldfile/2014/04/01/20140401-1.pdf (data obrashcheniya: 05.09.2016). [in Russian]. [Elektronic resource].
13. Abe declares 2020 as goal for new Constitution. - The Japan Times. – May 3, 2017.
14. Belaya kniga 2018 g. [Белая книга 2018 г.] // Japan Ministry of Defense: <https://www.mod.go.jp/j/publication/wp/wp2018/pdf/index.html> [in Russian]. [Elektronic resource].
15. Ministry of Foreign Affairs of Japan. National Security Strategy. Tokyo, 16.12.2022 // https://www.mofa.go.jp/fp/nsp/page1we_000081.html (data obrashcheniya: 10.09.2023).
16. Watanabe K. Japan and the New Central Asia // Sherman W. Garnett et al. The New Central Asia: In Search of Stability. - New York, Paris and Tokyo: The Trilateral Commission, 2000, pp. 39, 45-49.
17. Ofitsial'nyy sayt posol'stva Yaponii v Kazakhstane [Official website of the Embassy of Japan in Kazakhstan] // <http://www.mofa.go.jp> (data obrashcheniya: 19.08.2021). [Elektronic resource].
18. Mileyev D.A. Vzaimootnosheniya Yaponii i SHOS. Tsentr issledovaniy obshchikh problem sovremennogo Vostoka IV RAN [Relations between Japan and the SCO. Center for Research on General Problems of the Modern East of the IB RAS] // <http://www.vostokoved.ru/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D0%B8/japshos.htm> 1 (data obrashcheniya: 21.08.2021). [Elektronic resource].

Шаймарданова Н.Ж.

Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты, Алматы, Қазақстан

E-mail: nshaimardanova@gmail.com

XXI ҒАСЫРДАҒЫ ЖАПОНИЯ СЫРТҚЫ САЯСАТЫНЫҢ ТРАНСФОРМАЦИЯСЫ –ӘЛЕМДІК ЖӘНЕ АЙМАҚТЫҚ ҚАТЫНАСТАРДЫҢ ҚҰРЫЛЫМЫНДАҒЫ ӨЗГЕРІСТЕРГЕ ЖАУАП

Аңдатпа. Мақалада Жапония Премьер-министрлерінің саяси концепцияларының талдауы келтірілген, оның ішінде Дзюньитиро Коидзумидің Американы қолдауға негізделген саясаты бастау алған, оның іс-әрекеттері Ауғанстан мен Ирактағы антитеррорлық операцияларға Жапонияның қатысуына ықпал етті, сондай-ақ Қытай және Оңтүстік Кореямен қатынастарды күрделендірді. Синдзо Абэ Жапон-Америка одағын нығайтты және Азиялық стратегиялық дипломатияға ерекше көңіл бөлді; Ясуо Фукуда Тынық мұхиты аймағындағы интеграцияға ерекше назар аударды; Таро Асо құндылыққа бағдарланған дипломатияны жүргізді; Юкио Хатояма "бауырластық саяси философиясы" идеясын ұсынды, ол ынтымақтастық пен көп векторлылыққа негізделген; Наото Кан мен Ёсихико Нода АҚШ-пен одақты нығайту саясатын және аймақтық акторлармен қатынастарды теңестіруді жалғастырды. Синдзо Абэнің екінші мерзімі Жапонияның әлемдік жетекші мемлекет ретінде қайта өркендеуіне және конституцияның бейбітшілікке қатысты баптарын қайта қарауға ұмтылысымен ерекшеленді. Суга Ёсихидэнің ұлттық қауіпсіздік стратегиясы АҚШ-пен байланыстарды нығайту және экологиялық мәселелерге ерекше назар аударумен сипатталады. Қазіргі премьер-министр Кисида Фумио бұл бағытты жалғастыруда,

дегенмен Covid-19 пандемиясы және дүниежүзілік геополитикадағы тектоникалық өзгерістер сияқты жаңа қиындықтарға тап болуда.

Саяси концепциялардағы өзгерістерге қарамастан, Жапонияның сыртқы саясаты, әсіресе АҚШ-пен одақ, Қытаймен қарым-қатынастар және Орталық Азия мен Қазақстанға деген назарда тұрақтылығын сақтайды. Жапония Орталық Азия елдері үшін маңызды және тұрақты серіктес болып қала береді, сауда-экономикалық байланыстарды нығайтуға және жаңа глобалдық және аймақтық сын-қатерлерге жауап беруге ұмтылады.

Алғыс: Зерттеу ҚР ҒЖБМ қаржылық қолдауымен BR20281006 «Шығыс елдері: тарихи және заманауи өлшемдердегі Қазақстанның геосаяси сын-қатерлері және жаңа перспективалары» ІҒЗ тақырыбы бойынша жүзеге асырылды;

Кілт сөздер: Жапония, АҚШ, Қытай, Орталық Азия, Қазақстан, сыртқы саясат, премьер-министр, дипломатия, ұлттық қауіпсіздік, бейбітшілік, аймақтық ынтымақтастық, стратегиялық серіктестік.

Shaimardanova N. Zh.

R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan

E-mail: nshaimardanova@gmail.com

TRANSFORMATION OF JAPANESE FOREIGN POLICY IN THE XXI CENTURY – RESPONSE TO THE CHANGES IN THE ARCHITECTURE OF GLOBAL AND REGIONAL RELATIONS

Abstract. The article analyzes the political concepts of Japanese prime ministers, starting with the pro-American policy of Junichiro Koizumi, whose actions contributed to Japan's participation in anti-terrorist operations in Afghanistan and Iraq, and also led to complications in relations with China and South Korea. Shinzo Abe strengthened the Japan-US alliance and placed great emphasis on Asian strategic diplomacy; Yasuo Fukuda paid special attention to integration in the Pacific region; Taro Aso conducted value-oriented diplomacy; Yukio Hatoyama proposed the idea of "fraternal political philosophy" based on cooperation and multipolarity; Naoto Kan and Yoshihiko Noda continued the policy of strengthening the alliance with the US and balancing relations with regional actors. Shinzo Abe's second term was marked by Japan's aspiration to revive as a leading world power and a review of the pacifist articles of the constitution. The national security strategy of Suga Yoshihide was characterized by strengthening ties with the US and a focus on environmental issues. The current Prime Minister, Kishida Fumio, continues this line, however, he faces new challenges such as the Covid-19 pandemic and tectonic shifts in global geopolitics.

Despite changes in political concepts, Japan's foreign policy maintains stability, especially in terms of the alliance with the US, relations with China, and attention to Central Asia and Kazakhstan. Japan remains an important and stable partner for the countries of Central Asia, striving to strengthen trade and economic ties and responding to new global and regional challenges.

Acknowledgment: The study was carried out with the financial support of the National Research Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan; FNI on the topic BR20281006 “Countries of the East: geopolitical challenges and new prospects for Kazakhstan in historical and modern dimensions”

Keywords: Japan, USA, China, Central Asia, Kazakhstan, foreign policy, prime minister, diplomacy, national security, pacifism, regional cooperation, strategic partnership

Сведения об авторе:

Шаймарданова Назигуль Жасулановна, кандидат политических наук, Институт востоковедения имени Р.Б. Сулейменова, Алматы, Казахстан.

Автор туралы мәлімет:

Шаймарданова Назигүл Жасұланқызы, саясаттану ғылымдарының кандидаты, Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты, Алматы, Қазақстан.

Information about author:

Nazigul Shaimardanova, Candidate of Political Sciences, R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan.

Юсупов Р.Қ.

Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты, Алматы, Қазақстан

E-mail: rahm_yus@mail.ru

ТӘУЕЛСІЗ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ҰЙҒЫР ӘДЕБИЕТІ: ӨТКЕНІ МЕН БҮГІНІ

Аңдатпа. Мақалада Қазақстандағы ұйғыр әдебиетінің дамуындағы қоғамдық-саяси кезеңдер, оның кейбір тақырыптық және жанрлық ерекшеліктеріне қысқаша шолу жасалады. Жұмыстың басты мақсаты – тәуелсіз Қазақстандағы ұйғыр әдебиетінің өткені мен бүгінін көрсете отырып, оның қазірге дейін жеткен жетістіктерін талдау. Зерттеудің міндеттері – Қазақстан ұйғыр әдебиеті – ұйғырлардың тарихи отаны – Қытай Халық Республикасының Шыңжаң-Ұйғыр автономиялық ауданы аумағында өзінің барлық канондарымен дамып келе жатқан көне және классикалық ұйғыр әдебиетінің мұрагері. Бүкіл Кеңес Одағында жүргізілген ұжымдастыру мен саяси қуғын-сүргін, Ұлы Отан соғысы және соғыстан кейінгі халық шаруашылығын қалпына келтіру жылдарында ұйғыр әдебиетінің дамуында өзіндік ізін қалдырды. Бүгінгі ұйғыр әдебиеті Қазақстанның көпұлтты әдебиетінің құрамдас бөлігі болып табылады. Осы мәселелерді көзде ұстай отырып зерттеу бұл мақаланың алға қойған міндеті есептелінеді. Зерттеу әдісі ретінде – ұйғыр әдебиетінің өткені мен бүгінінне қатысты зерттеу еңбектерді салыстыра талдаулар әсалды. Зерттеу нәтижесі ретінде – Ұйғыр әдебиетін дәуірге бөліп жіңіткей қарастырған «Ұйғыр кеңес әдебиетінің тарихы» атты монографиялық еңбекке сүйене отырып, ұйғыр әдебиетінің өркендеген дәуірін, сан-салалы жетістіктерін мүмкіндігінше атап көрсетіледі. сондай-ақ, ұйғыр әдебиетінің жанрлық түр жағынан да кемелденіп толыса түскені сөз болды. Әрі оны толықтырған жаңа есімдер мен олардың еңбектері де айтылады.

Кілт сөздер: Тәуелсіз Қазақстан, Ұйғыр әдебиеті, өткені мен бүгіні, жетістіктері, Ұйғыр әдебиетінің тарихы жөніндегі зерттеу еңбектер.

Кіріспе

Тәуелсіз Қазақстандағы ұйғыр әдебиетінің тарихы өткен ғасырдың басынан, әсіресе, 20-30 жылдардан, яғни Жетісу жерінде орнаған Кеңес үкіметі дәуірінен басталады. Өйткені, кеңес идеясы көпұлтты халықтар әдебиетінен өмірге жаңаша көзқараста болуды, біріншіден, социализмді мадақтауды, бұрынғы өткен әдебиетінен мүлдем өзгеше күйде дамуды талап етті. Солардың қатарында, ұйғыр әдебиеті уәкілдері де бұл талаптарды назарға ала отырып, шығармашылықпен айналысты. Жетісудағы ұйғыр әдебиеті даму барысында бірқатар кезеңнен өткендігі мәлім. Ұйғыр зерттеушілері тәуелсіз Қазақстан дәуіріне дейінгі болған әдебиетті: «20-жылдар әдебиеті», «30-жылдар әдебиеті», «Ұлы Отан соғысы және одан кейінгі дәуірдегі ұйғыр әдебиеті», «50-жылдардағы әдебиет», «Заманауи ұйғыр әдебиеті (1960-1970 жылдар)» дегенге ұқсас бес дәуірге бөлген еді. Мұны «Ұйғыр кеңес әдебиетінің тарихы» деген ұжымдық монографиядан [1] айқын көруге болады. Бұл кеңес дәуіріндегі ұйғыр әдебиетінің тарихы жүйелі түрде зерттелген алғашқы ғылыми еңбек болатын. Ерекше айта кететін жәйт, ұйғыр әдебиетінің өркендеген дәуірі 80-жылдарға тура келеді, өйткені, бұл уақытта әдебиеттің барлық жанрлары мен тақырыптары, бағыттары мен тәсілдері жоғары жетістіктерге жетті, жазушылардың қаламы өткірленді, жаңа есімдер пайда болды және тәрбиеленді.

80-жылдардың екінші жартысында бүкіл Кеңес Одағы аясында болған «қайта құру» немесе «өзгертіп құру» реформасы нәтижесінде, қоғамда саяси, экономикалық, мәдени және әлеуметтік өзгерістер жүзеге аса бастады. Соның нәтижесінде, мемлекет демократияға қарай

бағытталды. Бұл өз кезегінде, бүкіл кеңес әдебиетінде, сонымен қатар, ұйғыр әдебиетінде еркін шығармашылықпен айналысуға, өз ойын ашық айту мүмкіндігіне алып келді. Ұйғыр жазушылары тарихи тақырыптарға көбірек негізделуге, әлі сыры ашылмаған «ақтандақтарды» зерделеуге, қоғамдағы теріс құбылыстарды сенімді түрде сынауға бастады. Бірақ, кейінгі жылдарда ұйғыр әдебиетінің өнімділігінің төмендеуі байқалды. Бұл, біріншіден, жазушылар қатарының азаюымен байланысты болды. Ұйғыр әдеби үрдісінің негізіне айналып, бүкіл бір халықтың мақтанышы болып келген көркем сөз зергерлері Незмәт Абдуллин, Жамалидин Босақов, Хелил Нәмираев, Илия Бәхтия, Қурван Тохтәмов, Зия Сәмәди және басқа да көптеген әдіптердің дүниеден кетуі орны толмас қасірет болды. Қазақстан өз тәуелсіздігін алғаннан бері, яғни 90 жылдардан бастап, ұйғыр әдебиетінде тәуелсіздік, азаттық, еркіндік идеялары одан сайын терең және кең түрде бейнеленуге, қазақстандық патриоттық рухындағы жаңа қалам иелері тәрбиеленуге бастады. Бұның барлығы бауырлас қазақ халқының қол жеткізген жетістіктері, тәуелсіздік салтанатымен, достық пен бірлік қасиеттерімен тығыз байланыста болды.

Зерттеу материалдары мен әдістері

Зерттеуге ұйғыр әдебиетінің тарихын қарастырған зерттеу еңбектері негізге алынып, жалпытеориялық методологиялық әдістер қолданылды. Атап айтқанда, дәйектер мен іргелі зерттеулерге сипаттама жасау, дерек көздерін талдаумен қатар, ұйғыр әдебиетінің жаңа дәуірдегі елеулі табыстары талданады. Соған байланысты материалдар тарихи-салыстырмалы әдіспен зерделеу тәсілдері кеңінен қолданылады.

Талқылау

Ұйғыр әдебиетінің өткені мен бүгінін зерделей қарастыруда, «20-жылдар әдебиеті», «30-жылдар әдебиеті», «Ұлы Отан соғысы және одан кейінгі дәуірдегі ұйғыр әдебиеті», «50-жылдардағы әдебиет», «Заманауи ұйғыр әдебиеті», «Ұйғыр кеңес әдебиетінің тарихы» қатарлы зерттеу еңбектері жолбасшылыққа алынды. Ұйғыр әдебиетінің дамуына үлес қосып келген сөз зергерлері Незмәт Абдуллин, Жамалидин Босақов, Хелил Нәмираев, Илия Бәхтия, Қурван Тохтәмов, Зия Сәмәди қатарлылардың аттары аталып, әдебиеттегі орны көрсетіледі.

Зерттеу нәтижелері

Қазақстандағы саяси құрылымның өзгеруіне байланысты, жетпіс жылдан артық уақыт ішінде, ұйғыр әдебиеті тарихын кезеңдерге бөлу мәселесі ұйғыр ғалымдарының күн тәртібіне қойылмады, яғни бұл маңызды мәселеге айналмады. Әдебиет тарихын кезеңдерге бөлу тек қана ұйғыр мектептеріне арналған «Ұйғыр әдебиеті» оқулықтарында белгілі дәрежеде өз орнын тапты, бірақ, оларда бұрынғы ұсыныстардан өзге қатты өзгерістер болмады. Қазақстан өз тәуелсіздігіне қол жеткізгеннен кейін, 1991 жылдан кейінгі кезең «Тәуелсіз Қазақстан әдебиеті» деп аталды. Бүгінгі күн тұрғысынан алып қарағанда, бір ғасырға жақын тарихы бар ұйғыр әдебиетін «XX ғасырдың бірінші жартысындағы ұйғыр әдебиеті», «XX ғасырдың екінші жартысындағы ұйғыр әдебиеті», «Тәуелсіз Қазақстан дәуіріндегі ұйғыр әдебиеті» деген үш кезеңге бөліп қарастыруға болады. 20-жылдардан 50-жылдардың аяғына дейінгі аралықтағы ұйғыр әдебиеті тарихи және саяси өзгерістерге байланысты бір бүтін дәуірді ішіне жинайды. 60-жылдардан кейін, ұйғыр әдебиетінде күрт бұрылыс орын алған еді. Әсіресе, 50-жылдардың ортасында, сонан соң, 60-жылдардың басында ұйғырлардың тарихи отанынан Орта Азия республикаларына көптеген ақын мен жазушылардың көшіп шығуы – осы жердегі әдеби мұхиттің жандануына, жаңа атақты есімдер мен салмақты шығармалардың пайда болуына алып келді. Қысқасы, бұл дәуірде Қазақстандағы ұйғыр әдебиеті тақырып, жанр, тіл-стиль, көркемдік тағы басқа да ерекшеліктері жағынан тез дами бастады. Ұйғыр әдебиеті басқа да халықтар әдебиетімен тығыз байланыста өсті, шынықты.

Қазақстан ұйғыр әдебиетінің қалыптасуы негізінен 20-жылдардан басталады. Одан бұрын, яғни Қазан үкіметі кезеңіне дейінгі дәуірде, кейбір шығармалар ортаға шыққан болса да, олар бір бүтін әдеби үрдісті құра алмайды. Алайда, сол кезде өмір сүрген Нәзәрғожа Абдусемәтов, Абдулһәй Мұһәммәдий, Абдулһемит Ғоҗамбәрдий, Ғебиб Закирий, Өмәр Мұһәммәдий, Нур Исрайилов, А. Мушрапилов, М. Адилев, Ғезим Искәндәров, Турди Ғәсән, Мәмүн Ғәмраев тәрізді ақындар мен жазушылардың шығармашылығы ұйғыр әдебиетінің кейінгі кезеңдерде өсуіне, баюына негіз жасады. Бұл кезде ұйғыр баспасөзінің өсуі де жазушылардың өз шығармаларын жариялау және әдеби процестің дамуына әсерін тигізді. Ерекше айта кететін жәйт, ұйғыр әдебиетінің алғашқы жылдарында, әсіресе, поэзия саласы тез дами бастады. Заман талабына, сол кездегі өзгерістерге тез жауап беру үстемдігіне ие әдебиеттің бұл түрінде көптеген ақындар шығармашылықпен айналысты. Жарыққа шыққан шығармалардың бәрінде дерлік жаңа жүйені мадақтау ахуалы орын алды. Яғни азаматтық, саяси лирика ортаға шығып, дамыды. Бұл дәуір ұйғыр поэзиясында оның барлық түрлері, тіпті, дастан жанры да ұйғыр ақындарының назарында болды. Бірақ, бұл жерде ұйғыр ақындары ұлттық идеядан түбегейлі шегінді деген қорытынды келіп шықпайды. Әсіресе, Нәзәрғожа Абдусемәтов, Абдулһәй Мұһәммәдий секілді осы кезеңнің көрнекті өкілдерінің шығармаларында тәуілсіздік, азаттық идеялары белгілі дәрежеде өз көрінісін тапты. «Ұйғыр баласы» атты лақабымен танылған ақын, жазушы және тарихшы – Н. Абдусемәтов шығармашылығында, ұйғырлардың тарихи отаны Шығыс Түркістан және онда жүргізілген азаттық күрес пафосы басым орын алған. Ол бұл тақырыпты кеңес ұйғыр әдебиетіне алғашқы рет алып кірген жазушылардың бірі. Ақынның «Хан-тәңри», «Сал», «Оян», «Ұйғырым», «Назугум» шығармалары бұның жарқын дәлелі. Соған ұқсас, Абдулһәй Мұһәммәдийдің «Ашылмайды көңілім», «Жас жүрегім» атты өлеңдерінде азаттық, тәуелсіздік идеялары шоғырланған. Бұл тақырып Т. Ғәсәннің көптеген өлеңдерінде, сондай-ақ, Н. Исрайиловтың «...Сыртында», Ғ. Искәндәровтің «Ұйғыр қызы», «Хантәңри» поэмаларында да жалғасын тапты. Өз дәуірінде бұл шығармалар кеңес үкіметі тарапынан ұлтшылдық деп танылып, олардың авторлары кейінірек сол жүйенің құрбандарына айналды.

XX ғасырдың бірінші жартысындағы ұйғыр әдебиетінің дамуында алғашқы өрлеу құбылысы байқалған болса, кейінгі жылдарда шегініс немесе бір жерде тұрып қалу күйін кешті. Бұған сол дәуірдің саяси, әлеуметтік, экономикалық жағдайлары себеп болды. Бүкіл Кеңес Одағы аясында болған ұжымдастыру саясаты, ашаршылық, 30-жылдардағы саяси қуғын-сүргін, 40-жылдардағы Ұлы Отан соғысы, соғыстан кейінгі шаруашылықты қалпына келтіру әрекеттері және басқалары халық мәдениетінің, әдебиетінің дамуына теріс әсерін тигізген еді. Нәтижесінде, ұйғыр әдебиетінің дамуы 40-жылдарға келгенде тоқтап қалды. Соғыс жылдардағы ұйғыр әдебиетіне негізінен тек екі ғана ақын, Исмайил Саттаров және Қадир Ғасанов уәкілдік ете алды. Ұйғыр әдебиетінің құрылу жылдарының сондай қиыншылықтарын бастан өткізгеніне қарамай, ақын-жазушылар заманға сай туындыларды жазып шығаруға тырысты. Әрине, бұл кезең әдебиетінде проза және драматургия салалары да дамып, белгілі бір жетістіктерге қол жеткізді. Ұйғыр әдебиетінде проза жанрының қалыптасу жолындағы алғашқы қадамдар Ө. Мұһәммәдий, Н. Исрайилов, Т. Ғәсән, М. Ғәмраев тәрізді ұйғыр әдебиетінің көрнекті уәкілдеріне тиесілі. Жазушылар бұл кезде шағын көлемдегі шығармалардан – повесть және роман секілді көлемді, эпикалық жанрларды таңдай бастады. Н. Исрайиловтың «Күндер», «Қызыл ту ордені», Турди Ғәсәндің «Зұлым ошағы» повестері, М. Ғәмраевтың «Толқындар арасында» романы және басқа да туындыларда Жетісу ұйғырларының өмірінде болған әлеуметтік, мәдени өзгерістер, олардың тұрмыс-тіршілігі, өзара байланыстары, әдептілік мәселелері суреттелді. «Толқындар арасында» туындысы кеңес ұйғыр әдебиетіндегі тұңғыш роман болып, оның авторының, сондай-ақ, «Алаңнан дауыс» атты тағы бір роман жазғандығы туралы мәліметтер бар екендігі белгілі. Бірақ, осы романдан біршама үзінділері сол уақыттағы баспаларда

шығарылса да, ол туынды кейбір себептерге байланысты жеке кітап ретінде жарық көрген жоқ. Бұл мезгілдегі жазушылар, сонымен қатар, Шығыс Түркістан тақырыбынан тыс қалмай, екі мемлекетте өмір сүрген ұйғырлардың тұрмысын, басынан өткізген қайғы-қасіреттерін кейде салыстыру тұрғысынан көрсетуді мақсат етті. Н. Исрайилов, Һ. Закирийдің жоғарыда аталған «Күндер», «Зұлым ошағы» туындылары соның бір айқын дәлелі. Бұл кезең әдебиетінде драматургия саласы да өзіне тән ерекшеліктерімен дами бастаған еді. А. Розibaкиевтың «Мансапқор», З. Бәширийдің «Садыр ханруқ», Б. Қасимовтың «Қырсық күндер», Ж. Асимов пен А. Садировтың «Анархан», И. Саттаров пен В. Дьяковтің «Ғерип-Сәнәм», Қ. Һасановтың «Тұман» атты сахна туындыларының жарық көруі, 1934 жылы Ұйғыр театрының ашылуы – ұлттық драматургияның қалыптасуы мен дамуында үлкен рөл атқарды. Бұл кезеңдегі поэзия, проза және драматургия салаларында да ұйғыр ақын-жазушылары халық ауыз әдебиеті мен классикалық жазба әдебиетінің бай үлгілерін, дәстүрлерін пайдалана отырып, ұйғыр әдебиетін түр және тақырып жағынан көп байытты, және де кейінгі кезең жазушылары үшін үлкен үлгі-өнеге бола алды.

XX ғасырдың екінші жартысындағы ұйғыр әдебиеті жаңа даму кезеңіне көтеріліп, оның жанрлық және тақырыптық жағынан кеңейіп, басқа халықтар әдебиеттерімен байланыстары нығыздалды, жазушылардың өз шығармаларын шығаруға мүмкіншіліктер туды. Ұйғыр халқының мәдени өмірінде жүзеге асқан жаңалықтар, соның ішінде, «Коммунизм туғи» және оның қосымшасы «Йени һаят» газеттерінің басылып шығуы, Қазақстан Жазушылар одағы жанында ұйғыр әдебиеті кеңесінің және оның құрамындағы «Жазушы» баспасында ұйғыр бөлімінің, және де республиканың алдыңғы қатарлы жоғары оқу орындарының бірі – Абай атындағы Қазақ педагогика институтында ұйғыр бөлімінің, радио және теледидарда ұйғыр тіліндегі бағдарламалардың ашылуы да соның бір айқын дәлелі. Бұл дәуір әдебиетіне сай ерекшеліктердің бірі – ұйғыр ақын-жазушыларының дастан және роман тәрізді эпикалық жанрларға жүгінуді және осы бағытта ұйғыр халқының өміріндегі маңызды кезеңдерді, өзгерістерді суреттеуді болып табылады. Бұл тарихи мазмұндағы шығармалардың жазылуы және оларды оқырмандардың қызығушылықпен қарсы алуы да, жазушылардың өткен күндерге, халқының өз еркіндігіне алып барған ұлт-азаттық күресіне сүйенуінен көрінді. Ұйғыр және де қазақ зерттеушілері тарапынан ең нәтижелі кезең деп есептелген дәуір 70-90-жылдар аралығындағы ұйғыр әдебиетіне Зия Сәмәди, Һезмәт Абдуллин, Жамалидин Босақов, Илия Бәхтия, Мәсимжан Зулпикаров, Қурван Тохтәмов, Патигүл Сабитова, Йүсүпбәк Мухлисов, Йүсүп Илияс, Хелил Һәмраев, Махмут Абдурахманов, Савут Искәндәров, Шайим Шаваев, Савутжан Мәмәтқулов, Мирзахмәт Меримов, Муңлуқ Бақиев, Малик Садиров, Әкрәм Садиров, Долқун Ясенов, Мәмтимин Розibaев, Абдумежит Дөләтов, Илахун Жәлилов, Илахун Һошуров, Хуршидәм Илахунова, Абдуғопур Қутлуқов, Аблиз Һезимов, Рәһимжан Розиев және басқалар уәкілдік етті. Бұл кезең әдебиетінің ең басында тұрған Қазақстан халық жазушысы З. Сәмәдидің «Майимхан», «Жылдар сыры» шығармалары Қазақстандағы ұйғыр әдебиетінде романның эпикалық жанр ретінде қалыптасып, өзіне сай барлық ерекшеліктерімен дами бастағанын көрсетті. Расында да, З. Сәмәди, Ж. Босақов, Һ. Абдуллин, М. Зулпикаров, Т. Тохтәмов секілді романшылар тарихи және заманауи тақырыптарға сүйене отырып, романның ұйғыр әдебиетіндегі жетекші жанрлардың бірі болғанын дәлелдеді.

Қазақстан тәуелсіздігін алғаннан кейінгі жылдарда, ұйғыр жазушыларының тарихи отаны – қазіргі Шынжаң-Ұйғыр автономды ауданындағы бауырластарымен болған байланыстары одан сайын кеңі түсті. Өткен ғасырдың 50-жылдарынан кейін, Кеңес Одағы және Қытай арасындағы саяси қайшылықтарға байланысты, екі елдің мәдени қатынастары 80-жылдардың аяғына дейін үзіліп қалды. Көптеген ұйғыр, қазақ және басқа да ұлт зиялылары Қытай үкіметінің қуғындық әрекеттері нәтижесінде, Қазақстан және Орта Азия мемлекеттеріне көшіп кетуіне мәжбүр болды. Тәуелсіздік жылдары ШҰАР және Қазақстандағы ұйғыр жазушылары арасында тығыз байланыстың орнауы, Абдурәһим Өткүр,

Турди Самсақ, Зордун Сабир, Боғда Абдулла, Тейипжан Елиев, Турғун Алмас тәрізді атақты ақын-жазушылар шығармаларының Орта Азияға енуі, қайта баспадан жарық көруі – бұл жердегі ұйғыр әдебиетінің дамуына өзінің оң ықпалын тигізді. Өз кезегінде, Қазақстандағы ұйғыр жазушыларының шығармалары да Үрүмші, Құлжа, Қашқар, Ақсу, Хотан, Жаркент сияқты көптеген қалаларда баспадан шыққан газет-журналдарда, кейбір топтамаларда жарық көріп, өзара байланыстарды одан сайын жақсартты. Қазақстандағы ұйғыр әдебиеті сонымен қатар, Қырғызстанның Жамалдин Қасимов, Хэйринса Турдиева, Өзбекстанның Рәһиләм Напизова, Һенипәм Салихова, Имин Һосман, Йәһия Тайиров, Ташполат Намәтов, Султан Жамал секілді көрнекті ақын-жазушыларымен тығыз байланыста болып, өзара тәжірибе алмасты. Осы жұмыстардың нәтижесінде, Қазақстан ұйғыр әдебиеті Орта Азиядағы жетекші ұлттық әдебиетке айналды. Әрине, Қазақстандағы ұйғыр әдебиеті бауырлас қазақ халқының әдебиетімен де жақын байланыста, тарихи-саяси, әлеуметтік және экономикалық өзгерістерді бастан бірлесе өткізген күйде дамыды. Әсіресе, қазақ халқымен өмірдің ыстық-суығын бірге тартып, әрқандай саяси қуғындарға, экономикалық дағдарыстарға, рухани күйзелістерге төтеп беріп келген ұйғыр жазушылары қазақ халқы тәуелсіздікке жеткеннен кейін, оның қуанышына ортақ болды, қиыншылықтардан бірге өтті. Ұйғыр әдебиеті қазақ-ұйғыр әдеби достығы негізінде дамыды.

Тәуелсіздік кезеңіндегі ұйғыр әдебиеті бүгінгі күнде поэзия, проза, драматургия және балалар әдебиеті салалары бойынша дамып келе жатса да, поэзия жетекші сала, яғни «көп ұлтты Қазақстанның рухани және көркем дәулеті» [2, с. 3]. Әхмәтжан Һаширов, Илахун Жәлилов, Илахун Һошуров, Хуршидәм Илахунова, Аблиз Һезимов, Абдуғоппур Қутлуқов тәрізді үлкен ақын-жазушылардың жетекшілігімен ұйғыр әдебиеті экономикалық дағдарыстардан пайда болған қиыншылықтарды басып өткен күйде дамуда. Ұйғыр ақын-жазушылары өз халқының өткен тарихын бейнелеуді негізгі міндеттерінің бірі етіп белгілеп, сонымен бірге, жас Қазақстан мемлекетінің жеткен жетістіктерін, ондағы достық, келісім, бірлік идеяларын одан әрі кеңінен үгіттеу, замандастарының бүгінгі көрінісін, армандарын, ішкі сырларын, олардағы адами қасиеттерді және кейбір кемшіліктерді шынайы көрсету тарапынан біршама жетістіктерге қол жеткізді. Әрине, ұйғыр әдебиеті ұзақ жылдар бойы басқа ұлт әдебиеттерімен тығыз байланыста дамып келді және бүгінгі күнде де бұған ерекше көңіл аударылуда. Бұл жерде сол әдебиеттерді жақындатуда, сол арқылы, халықтар достығын орнатуда маңызды рөл атқарып келе жатқан аудармашылық шығармашылығын ерекше айта кету керек. Өйткені, әдеби байланыстарсыз, өзара тәжірибе алмасусыз ұйғыр әдебиетінің келешегі туралы сөз айтудың мүмкін еместігін жазушылар жақсы түсінеді. Олар, сонымен бірге, бүгінгі жаһандану дәуірінде Қазақстандағы ұйғыр әдебиеті алдында шешілуі тиіс мәселелердің жоқ еместігіне, оларды тек бірлесіп ғана шешуге болатындығына көз жеткізді.

Қорытынды

Қазақстандағы ұйғыр әдебиетіндегі әдеби жанрлар, ол басып өткен жолдар, әдебиет алаңына шыққан ақын-жазушылар, дамыған әр түрлі бағыттар, жанрлар, тақырыптар, образдар, тіл ерекшеліктері және басқалар, әрине, өз кезегінде, жан-жақты зерттеу жұмыстарының жүргізілуін талап еткен еді. Бұл үлкен бір ғылыми сала болып, сол мәселелерді үйрену, сонымен бірге, білімді, тәжірибелі зерттеулерге байланысты болды. Жалпы, Қазақстандағы ұйғыр әдебиеттану пәнінің негізі салынып, дамуы шығыстану пәнінің ажырамас бөлігі ұйғыртану ғылымының тарихымен тығыз байланысты. Әрине, ұйғыртану пәнінің дамуына мемлекеттегі әлеуметтік-саяси өзгерістердің де әсері болды, өйткені, кеңес дәуіріндегі әдебиетті сол жүйенің идеологиясынан тыс, заң-қағидаларынан тыс көз алдына елестету мүмкін емес еді. Қазақстандағы ұйғыр әдебиеттануындағы зерттеу жұмыстары халық ауыз әдебиеті, ежелгі және классикалық әдебиет, кеңес дәуіріндегі және заманауи әдебиет бағыттарында жүргізілді. Бұл зерттеулер нәтижелері «Ұйғыр әдебиеті және

фольклорындағы жанрлар» [3], «Ұйғыр халық ауыз әдебиеті» [4], «Ұйғыр әдебиетінің қысқаша тарихы» [5] атты ұжымдық монографияларда, сондай-ақ, арнайы әдебиет мәселелеріне арналған бірқатар ұжымдық монографияларда [6-8] және басқа да еңбектерде өз көрінісін тапты.

Қазақстандағы ұйғыр әдебиеті бүгінгі күн тұрғысынан алып қарағанда, үш үлкен кезенді басып өткен болып, бұл кезендер тарихи, саяси, әлеуметтік, мәдени ерекшеліктері жағынан бір-бірінен айрықшаланды. Соған қарамастан, ұйғыр әдебиеті жүз жылға жуық уақыт бойы үстемдік еткен коммунистік идеология, қоғам және қоғамдағы бұрылыстарға, өзгерістерге қарамай, ұлттық құндылықтарды сақтап қалуға, халықтың армандарын жүзеге асыруға және ұзақ жылдардан бойы келе жатқан әдеби әдет-ғұрыптарды жалғастыруға тырысты. Ол, сондай-ақ, басқа халықтар, бірінші кезекте, бауырлас қазақ халқының әдебиеті және оның жарқын өкілдерінің ұлы мұрасымен көпғасырлық байланыстарын сақтап қалу, заманға сай әдеби достықтың жаңа жолдарын табу мақсатында тыным таппай ізденуде.

Әдебиет:

1. Уйғур совет әдәбиятының тарихи. – Алматы, 1986. 4-12 бб.
2. Хамраев А. Уйгурская поэзия независимого Казахстана. – Алматы, 2014.
3. Уйғур әдәбияты вә фольклоридики жанрлар. – Алматы, 1980.
4. Уйғур хәлиқ еғиз ижадийити. – Алматы, 1983.
5. Уйғур әдәбиятының қисқичә тарихи. – Алматы, 1983.
6. Современная литература народа Казахстана. – Алматы, 2014.
7. Уйгурская литература независимого Казахстана. – Алматы, 2015.
8. Қазіргі әдебиеттегі жалпыадамдық құндылықтар. – Алматы, 2014.
9. Liu, Pengyuan. Chinese lexical semantics : 14th Workshop, CLSW 2013, Zhengzhou, China, May 10-12, 2013, Revised selected papers. Heidelberg. p. 448.
10. «Do you know that I am with you?»: Uighur poetry preserves culture under attack». theguardian.com. Retrieved 17 April 2021 // <https://www.theguardian.com/world/2020/dec/06/do-you-know-that-i-am-with-you-uighur-poetry-captures-fading-memories-of-home> (дата обращения 15.11.2022).
11. Shepherd, Christian. «Fear and oppression in Xinjiang: China's war on Uighur culture». ft.com. Retrieved 17 April 2021 // <https://sayari.com/global-trade>. (дата обращения 15.11.2022).
12. Kuo, Lily. «Poetry, the soul of Uighur culture, on verge of extinction in Xinjiang» // <https://www.theguardian.com>. Retrieved 17 April 2021. (дата обращения 15.11.2022).

References:

1. Ujgur sovet әдәбиятының тарихи [History of Uyghur Soviet Literature]. – Almuta, 1986. 4-12 bb. [in Uygur].
2. Hamraev A. Ujgurskaya poeziya nezavisimogo Kazahstana [Uyghur poetry of independent Kazakhstan]. – Almaty, 2014. [in Russian].
3. Ujgur adabiyati va fol'kloridiki zhanrlar [Genres of Uyghur adabiyati and fol'kloridiki]. – Almuta, 1980. [in Uygur].
4. Ujgur hәliq egiz izhadijiti [The Uyghur people are self-created]. – Almuta, 1983. [in Uygur].
5. Ujgur adabiyatinin kiskasha tarihi [A brief history of Uyghur literature]. – Almuta, 1983. [in Uygur].
6. Sovremennaya literatura naroda Kazahstana [Contemporary literature of the people of Kazakhstan]. – Almaty, 2014. [in Russian].
7. Ujgurskaya literatura nezavisimogo Kazahstana [Uyghur literature of independent Kazakhstan]. – Almaty, 2015. [in Russian].

8. Kazirgi әdebiettegi zhalpyadamdyk kundylyktar [Universal human values in modern literature]. – Almaty, 2014. [in Kazakh].

9. Liu, Pengyuan. Chinese lexical semantics : 14th Workshop, CLSW 2013, Zhengzhou, China, May 10-12, 2013, Revised selected papers. Heidelberg. p. 448.

10. «Do you know that I am with you?»: Uighur poetry preserves culture under attack». theguardian.com. Retrieved 17 April 2021 // <https://www.theguardian.com/world/2020/dec/06/do-you-know-that-i-am-with-you-uighur-poetry-captures-fading-memories-of-home> (data obrashcheniya 15.11.2022).

11. Shepherd, Christian. «Fear and oppression in Xinjiang: China's war on Uighur culture». ft.com. Retrieved 17 April 2021 // <https://sayari.com/global-trade>. (data obrashcheniya 15.11.2022).

12. Kuo, Lily. «Poetry, the soul of Uighur culture, on verge of extinction in Xinjiang» // <https://www.theguardian.com>. Retrieved 17 April 2021. (data obrashcheniya 15.11.2022).

Юсупов Р.К

Институт востоковедения имени Р.Б. Сулейменова, Алматы, Казахстан

E-mail: rahm_yus@mail.ru

УЙГУРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В НЕЗАВИСИМОМ КАЗАХСТАНЕ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Аннотация. В статье дан краткий обзор общественно-политических периодов развития уйгурской литературы в Казахстане, некоторых ее тематических и жанровых особенностей. Основная цель работы – проанализировать достижения уйгурской литературы независимого Казахстана, показав прошлое и настоящее. Задачи исследования – Уйгурская литература Казахстана – историческая родина уйгуров - преемница древней и классической уйгурской литературы, развивающейся со всеми своими канонами на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики. Коллективизация и политические преследования на всей территории Советского Союза, Великая Отечественная война и послевоенное восстановление экономики оставили свой след в развитии уйгурской литературы. Сегодняшняя уйгурская литература является составной частью многонациональной литературы Казахстана. Учитывая эти вопросы, рассматривается задача данной статьи. В качестве метода исследования использовано сравнение исследовательских работ, связанных с прошлым и настоящим уйгурской литературы. В результате исследования на основе монографии «История советской уйгурской литературы», разделяющей уйгурскую литературу на эпохи, максимально освещена эпоха расцвета уйгурской литературы и многочисленные достижения. Также было сказано, что уйгурская литература повзрослела в жанровом отношении. А также упоминаются новые имена и их произведения.

Ключевые слова: Независимый Казахстан, уйгурская литература, прошлое и настоящее, достижения, научные работы по истории уйгурской литературы.

Yusupov R.K.

R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan

E-mail: rahm_yus@mail.ru

UYGUR LITERATURE IN INDEPENDENT KAZAKHSTAN: PAST AND PRESENT

Abstract. The article provides a brief overview of the socio-political periods of the development of Uyghur literature in Kazakhstan, some of its thematic and genre features. The main goal of the work is to analyze the achievements of Uyghur literature in independent Kazakhstan, showing the past and present. Objectives of the study: Uyghur literature of Kazakhstan is the

historical homeland of the Uyghurs - the successor to ancient and classical Uyghur literature, developing with all its canons in the territory of the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of the People's Republic of China. Collectivization and political persecution throughout the Soviet Union, the Great Patriotic War and post-war economic recovery left their mark on the development of Uyghur literature. Today's Uyghur literature is an integral part of the multinational literature of Kazakhstan. Taking these questions into account, the purpose of this article is considered. The research method used was a comparison of research works related to the past and present of Uyghur literature. As a result of the study, based on the monograph "History of Soviet Uyghur Literature," which divides Uyghur literature into eras, the heyday of Uyghur literature and numerous achievements are fully illuminated. It has also been said that Uyghur literature has matured in terms of genre. New names and their works are also mentioned.

Key words: Independent Kazakhstan, Uyghur literature, past and present, achievements, scientific works on the history of Uyghur literature.

Сведения об авторе:

Юсупов Рахметжан Касымович, кандидат филологических наук, Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова КН МНВО РК, Алматы, Казахстан.

Авторлар туралы мәлімет:

Юсупов Рахметжан Қасымұлы., филология ғылымдарының кандидаты, ҚР ҒЖБМ ҒК Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты, Алматы, Қазақстан.

Information about authors:

Yusupov Rakhmetzhan Kasymovich, Candidate of Philology, R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies KN MNERO RK, Almaty, Kazakhstan.

Редакцияның мекен-жайы: 050100,
Қазақстан Республикасы, Алматы қ., Шевченко көшесі, 28
Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты «Қазақстан
шығыстануы» журналының редакциясы
Сайтқа сілтеме: <https://journal.shygystanu.kz/index.php/main>
Тел: 8 (727) 261 16 01. E-mail: kazvostok.jurnal@gmail.com

Журнал Қазақстан Республикасы Ақпарат және қоғамдық даму
министрлігінде 2021 жылдың 16 тамызында тіркелген,
куәлік № KZ54VPY00039118
Мақалаларды қайта бастырып жариялағанда,
міндетті түрде журналға сілтеме жасау қажет.